МЕДЛЕННЫЕ МИРЫ ЮЖНЫХ ОКЕАНОВ И ТАЁЖНЫХ МОРЕЙ

Андрей Туторский

Андрей Туторский

Москва
Независимое издательство «Ноократия»
2019

Введение.

О чем эта книга

К северу и к югу от «глобального Севера» — от стран Европы, от России и модернизирующейся Азии, от англоязычных стран Северной Америки, от тех самых стран, где время идет очень быстро, а многие люди не успевают даже спать и есть, — лежат «медленные» территории. На них расположены страны, где люди живут интересами своей семьи, своей деревни, своего острова. Именно о них, об этих людях, об их традициях, а также об их современной жизни в начале XXI века и пойдет речь здесь.

Перед вами собрание путевых заметок человека, который живет этнографией — наукой, изучающей народы мира, их культуры, способы жизнеобеспечения, социальные структуры. Исследователь и исследуемое часто изменяются, а порой и исчезают в процессе изучения. Когда археолог раскапывает памятник, он его уничтожает: повторно курган раскопать нельзя. Если повторные раскопки проводятся, то они изучают те части памятника, которые не затрагивались во время первых раскопок. Но, хотя археологический памятник и уничтожается, создается его научная модель в документах, отчетах, музейных экспозициях. Разрушив никем другим не видимый памятник под землей, археологи создают его видимые копии, с которыми могут работать и ученые, и любители истории, и все желающие.

Во время этнографического исследования разрушается исследователь. Изучаемое остается в гораздо большей сохранности. Ученые в XIX — XX веках говорили, что этнограф не прикасается к культуре вообще, оставляет ее нетронутой, как фотоаппарат не оказывает ровным счетом никакого влияния на пейзаж, картина которого остается на дагерротипе, пленке или цифровой матрице. Сейчас мы знаем, что это не так. На

берегу Маклая рассказывают легенды об ученом, а хранителями основных легенд являются потомки друга Миклухо-Маклая — папуаса Туя, которые после получения Папуа — Новой Гвинеей независимости стали крупными землевладельцами и бессменными лидерами деревни Горенду. Приезд русского ученого изменил жизнь и всех прочих папуасов: они получили в дар коров, папайю, рис, соль. Но все же этнограф меняет жизнь изучаемого комплекса меньше, чем археолог.

А вот сам ученый меняется. Собственно, крупнейшие этнографические работы — «Аргонавты западной части Тихого океана» Бронислава Малиновского, «Нуэры» Эдварда Эванса-Причарда, «Описывая культуру. Антрополог как писатель» Джорджа Маркуса, «Каннибальские метафизики» Эдуарду Вивейруша де Кастру — меняли наш взгляд на самих себя. «Мы сами» — это жители «глобального Севера», в первую очередь европейцы, живущие в городах, читающие книги, а теперь и компьютерные сайты и социальные сети. Мы считаем себя самыми умными в мире, мы считаем, что обладаем самыми продвинутыми технологиями: летаем в космос, круглый год можем покупать продукты из всех стран мира, независимо от времени года, можем передавать информацию на огромные расстояния, знаем умные мысли великих людей со времен Античности. А по мере удаления от Европы к Австралии или Африке (или от Москвы к Сибири или Архангельскому Северу) технологии становятся проще, а жизнь — труднее.

Этнографы и антропологи сделали очень много, чтобы разрушить эту «нарциссическую» европейскую картину мира. После книги Малиновского мы узнали, что у папуасов существует сложнейшая система обмена, где кольцо «кула» беспрестанно двигается, напоминая никогда не прекращающуюся деятельность свободного рынка. После книги Эванса-Причарда мы узнали, что в обществах без вождей и государства может существовать сложная и очень эффективная социальная организация, поддерживающая их в таком порядке, что бравые британские солдаты, вооруженные в середине XX века по последнему слову техники, не могли их покорить. После книги Маркуса мы узнали, что ученые мало смотрят на местных жителей, а фактически придумывают, как писатели, свои повествования, полагаясь не столько на научную точность, сколько на литературные запросы читателей. Наконец, после книги Вивейруша де Кастру мы узнали, что мировоззрение индейцев Амазонии настолько сложно, что может поспорить с европейской философией. Оно включает в себя несколько картин мира, который рассматривается с позиций разных животных, включая человека. Тот, кто читает этнографическую литературу, может с увлечением рассказывать о жизни попрошаек московского метро или прихожан немногочисленных мечетей Новой Гвинеи, равнодушно отмахиваясь от вопросов про московские музеи и тропическую экзотику.

Даже сам Н. Н. Миклухо-Маклай в своих лекциях, прочитанных в России, называл папуасских женщин «дамами», а их нехитрые украшения — «нарядами», чем очень сильно поменял отношение слушавших его людей к самим себе: петербургское общество теперь знало, что где-то далеко на юге под палящим солнцем живут «дамы», которые носят свои «наряды», и у них есть свое «бонгуанское общество». И они вовсе не животные *Homo papua*, у которых волосы растут пучками.

Этнограф после полевого исследования или вдумчивый читатель после прочтения хорошей этнографической монографии становится другим человеком. Точнее, внутри него оказывается несколько людей… Этнограф переживает что-то подобное тому, что испытал главный герой рассказа Клиффорда Саймака «Нет ничего проще времени», встретив на отдаленной планете розовое существо. «Здорово, приятель! — сказало оно. — Меняюсь с тобой разумами». Его разуму открывается новый, альтернативный мир.

Но, пожалуй, хватит абстрактных разговоров о науке. Приглашаю вас на страницы моих этнографических заметок. Они начнутся рассказами о классической этнографической экзотике Меланезии, Африки и Южной Америки и продолжатся на нашем Русском Севере. Именно на Русском Севере, в стране «чудес и беззакония» — таинственной Лешуконии, я провел семимесячное исследование, которое стало для меня самым длинным «полем». Полем этнографы называют экспедиционные исследования какой-то культуры. В поле этнограф не просто записывает интервью или описывает обряды. Он погружается в культуру, обретает новые смыслы, начинает задавать вопросы, которые никогда не пришли бы ему в голову, если бы он составлял опросный лист в университете, в городе. Именно длинное поле делает этнографа этнографом, а социального антрополога — антропологом.

Я употребляю эти слова — «этнография», «этнология», «социальная антропология», «культурная антропология» — как полные синонимы. Разница между британской социальной антропологией, русской этнографией, французской этнологией и немецким народоведением, конечно же, есть. Но все ученые непохожи друг на друга, имеют свои особые интересы… Отличаются этнографы Петербургской (Ленинградской), Московской и Казанской школы. Но все они этнографы или социальные антропологи… или культурные антропологи… это не так важно. Важно то, что они видят необычное и в Меланезии, и в культуре московских таксистов. Важно то, что они не сводят это необычное к уже известному. Они видят «других», изучают «других», любят «других» и радуются, когда «других» много.

Глава 1. Экзотика тропических стран

2010 год. Новая Гвинея и Вануату

Новая Гвинея сквозь книжный телескоп

Два открытия Новой Гвинеи. Первый человек ступил на землю Новой Гвинеи 40–50 тысяч лет назад. В то время очертания материков и островов были совершенно другими. Малайский полуостров, Филиппинские острова и острова Индонезии (за исключением Сулавеси) образовывали единый массив суши, который ученые называют Сунда. Нынешние материк Австралия и остров Новая Гвинея входили в состав единого праматерика Сахул. Сунда и Сахул были разделены обширным водным пространством, заполненным небольшими и крупными островами. Самая массовая волна папуасского населения пришла сюда примерно 10 тысяч лет назад. Через несколько столетий, вследствие таяния ледника, острова и материки обрели свои нынешние очертания.

Однако история формирования коренного населения Новой Гвинеи на этом не завершилась. Наступила эра протоокеанийцев. Примерно пять тысячелетий назад началось их расселение по Новой Гвинее. Изначально протоокеанийцы имели гораздо более светлую, чем у папуасов, кожу, монголоидные черты лица и прямые тугие волосы. В процессе освоения новых земель протоокеанийцы смешались с папуасским населением и полностью утратили свои изначальные черты. Вместе с тем они сохранили австронезийские языки и некоторые культурные навыки, например строительства больших парусных каноэ и изготовления глиняных горшков.

Европейское открытие XVI века, таким образом, стало повторным открытием острова человеком. Северное побережье впервые нанес на карту португалец Жоржи де Менезеш в 1526 году. Эти земли он назвал островами Кучерявых, или Илас-дос-Папуас. Слово «папуас» происходит от малайского слова «пау-пау», означающего 'кучерявый', — так малайские мореплаватели называли темнокожих жителей островов. Впрочем, новооткрытый остров не заинтересовал европейцев настолько, чтобы его изучать, ведь там не было пряных растений.

В 1545 году испанский мореплаватель Иньиго Ортис де Ретес, отправившись на поиски пряностей из небольшого испанского владения на Молуккских островах, совершил каботажное плавание вдоль северного побережья «острова Папуасов». Внешний облик местного населения и тропическая растительность напомнили ему африканское экваториальное побережье, и он назвал эту землю Новой Гвинеей.

В начале XVII века три корабля под командованием испанского адмирала Педро Фернандеса де Кироса вышли из порта на островах Новые Гебриды (нынешнее государство Вануату) и двинулись на запад. В ходе этого плавания был открыт пролив между Австралией и Новой

Гвинеей, и поныне называемый Торресовым проливом, по имени Луиса Ваэса де Торреса — командира одного из кораблей.

Впрочем, слово «открыт» не совсем точно. В 1644 году голландец Абель Янсзон Тасман, двигавшийся вдоль северного побережья Австралии, не смог найти пролива. Он вернулся обратно, по пути подробно описав побережья будущих провинций Факфак и Соронг. Во время плавания 1699 года английский мореплаватель Уильям Дампир открыл остров Новая Британия около северо-восточного побережья Новой Гвинеи. Затем, следуя вдоль берега на запад, он подробно описал тихоокеанское побережье. Южное побережье острова нанес на карту французский мореплаватель Дюмон-Дюрвиль. За тридцать пять месяцев плавания было открыто более 200 небольших островов, впервые нанесено на карту южное побережье Новой Гвинеи.

Освоение острова европейцами. Несмотря на существование внушительного количества описаний острова, Новая Гвинея еще в начале XIX века оставалась в подлинном смысле слова *terra incognita*. Колонизаторская активность европейцев на острове была минимальной — по двум причинам: во-первых, Новая Гвинея не была источником ни специй, ни уникальных пород дерева, ни золота; во-вторых, ее климат был чрезвычайно некомфортным для жителей Северного полушария. Тропические болезни разрушали здоровье почти всех побывавших на острове европейцев. В противоположность Новой Гвинее, Новая Зеландия и Южная Австралия по климату весьма сходны с Европой. Именно с этим связан быстрый и устойчивый приток колонистов в эти регионы.

Незаинтересованность администрации Голландской Ост-Индии в исследовании острова можно проиллюстрировать таким фактом. В 1874 году, отправившись в залив Тритон на восточной оконечности острова, Н. Н. Миклухо-Маклай имел при себе две карты. Одну он купил в Европе, и на ней были нанесены последние открытия Дюрвиля. Вторую карту он получил в том же году в Бейтензорге, штаб-квартире голландского генерал-губернатора Ост-Индии. На этой карте открытия Дюрвиля — через сорок четыре года после их публикации — не значились!

В 1824 году Голландия объявила о присоединении части острова к западу от 141 градуса восточной долготы к своим владениям. В 1828 году под влиянием слухов о высадке англичан на Новой Гвинее голландская колониальная администрация приняла решение об основании в заливе Тритон военного поселения, названного Форт-дю-Бюс, в честь тогдашнего губернатора Леонарда Пьера Жозефа дю Бюса де Жозиньи. Тропические болезни постоянно истребляли гарнизон форта. Уже через семь лет в форте не оставалось ни одного человека.

В 1874 году «рума бату оран Голланда» ('каменные дома людей Голландии') посетил Миклухо-Маклай. Он оставил в своем дневнике

несколько строчек, прекрасно иллюстрирующих вид местности: «Берег был покрыт невысоким лесом, и положительно нигде не было заметно ни малейшего признака колонии, существовавшей здесь 45 лет тому назад». И далее: «Мы наткнулись скоро на каменный пьедестал, на котором стоял полусгнивший толстый столб; подходя к пьедесталу, я почувствовал под ногой что-то твердое и гладкое, которое издало при соприкосновении с гвоздями каблуков металлический звук. <…> …[Там] оказалась овальная массивная чугунная доска, на которой… показалось изображение нидерландского герба».

Неудачи первых колоний породили мысль о том, что освоить остров под силу только метисам — потомкам смешанных браков индонезийцев и европейцев. В XIX веке таких людей называли «лип-лап», а в XX веке — «индо». Авторитетные доктора заявляли, что лишь два поколения европейцев смогут иметь потомство, проживая на острове. Третье поколение обязательно будет бесплодным. Этот миф дополнялся и другим: будто бы в глубине острова не выживают даже сами папуасы. Вследствие распространения тропических болезней населена только узкая прибрежная полоса, а обширные внутренние районы не освоены человеком вообще.

В 1855 году началось проникновение на Новую Гвинею христианских миссий. 5 февраля два немецких проповедника, протестанты-евангелисты Карл Вильгельм Оттоу и Йохан Готлоб Гайслер, высадились на полуострове Птичьей Головы (современное название — Чендравасих) и основали первое невоенное поселение, будущий город Маноквари.

Н. Н. Миклухо-Маклай и научные исследования Новой Гвинеи. В середине XIX века в европейских странах стремительно развивались науки о жизни на Земле. Ученые хотели понять, как выглядела Земля до человеческих преобразований. Взоры многих европейцев обратились к нетронутым цивилизацией Центральной Африке, Амазонии, Северной Австралии и Новой Гвинее.

В ученом мире сложилось две партии. Сторонники первой, возглавляемой британским биологом Чарльзом Дарвином, полагали, что человек впервые появился в Африке. Сторонники второй, идейным вдохновителем которой был другой британец, Альфред Рассел Уоллес, были убеждены, что древнейшие люди появились в районе Индонезии и Новой Гвинеи. Они считали остров осколком древнейшего материка Лемурия, на котором и происходило формирование всех видов животных.

Хотя, как мы знаем теперь, дарвинисты оказались правы, во второй половине XIX века доводы сторонников Уоллеса выглядели более убедительно. Немало для популяризации идеи об индонезийском происхождении человека сделал немецкий биолог Эрнст Геккель. Его ученик Миклухо-Маклай прожил на Новой Гвинее в общей сложности около трех лет.

В 1871 году, когда Миклухо-Маклай планировал свое первое путешествие на Новую Гвинею, она была абсолютно неизвестна европейским ученым. В 1867 году в своих лекциях Геккель отмечал: «Гомо папуа еще не выработал прямохождение, ноги у него согнуты в коленях, кожа жесткая, волосы растут пучками, в языке очень мало слов». А пятнадцатью годами позже колониальный служащий Британской Новой Гвинеи Хью Хастингс Ромильи писал в одном из своих писем: «Я очень заинтригован сообщением о существовании на Новой Гвинее племени людей с хвостами; если мне удастся поймать одного из них, я привезу его домой и буду демонстрировать в Вестминстерском аквариуме». Опровержение этих заблуждений и было одной из главных целей экспедиции русского ученого.

Миклухо-Маклай избрал для исследований на острове Новая Гвинея две условные точки: одну — в восточной части острова, где местные жители еще ни разу не видели белого человека, вторую — на западе, где аборигены более или менее регулярно контактировали с приезжими с Молуккских островов. В восточной части Папуа ученый поселился на мысе Гарагасси в заливе Астролябия, а в западной — на мысе Айва в заливе Тритон (сейчас — залив Маклюэр). В заливе Астролябия, часть которого позже стала называться берегом Маклая, ученый побывал трижды: с сентября 1871-го по декабрь 1872-го, с июня 1876-го по ноябрь 1877-го и в течение одиннадцати дней в марте 1883 года. Визиты в западную часть были намного более краткими: первый — с февраля по июль 1874-го, затем — путешествие на пароходе вдоль южного побережья в 1880-м и, наконец, поездка в августе 1881 года.

Западные культуры Папуа намного архаичнее восточных. Когда Миклухо-Маклай впервые встретил папуаса Туя — одного из старейшин деревни Горенду, вся одежда последнего состояла из набедренной повязки и двух наплечных браслетов. Если в восточной части острова исследователь ходил в соседние деревни без оружия, то в западной в половину своих походов он отправлялся вооруженным. Во время одного из таких путешествий его дом на мысе Айва был разграблен людьми радьи Наматоте, который за несколько недель до этого принимал Миклухо-Маклая у себя дома. Ученому пришлось взять в плен капитана Мавары, главу разбойников, и передать его колониальным властям.

В результате исследований Миклухо-Маклая ученый мир получил первые достоверные сведения о культуре и языке папуасов западной и восточной части острова. Точные изображения папуасов и предметов их культуры и сегодня остаются ценным источником сведений о народах Новой Гвинеи второй половины XIX века.

Колониальный раздел Новой Гвинеи. Ключевой силой при разделе острова стала Германия, которая к концу XIX века еще не имела колоний и старалась заполучить их любой ценой. В 1884 году северо-западное побережье острова было присоединено к Германской империи под

именем Земли Кайзера Вильгельма. Под влиянием такой политики немцев о своих правах на остров заявила и Великобритания.

К началу XX века Новая Гвинея оказалась разделенной на три части: нидерландскую, германскую и британскую. Освоение нидерландской части, как и в XVIII веке, шло чрезвычайно медленно. Вест-Папуа использовалось в основном как место ссылки преступников и представляло собой индонезийский аналог нашей Сибири. Английская королева также не считала Британскую Новую Гвинею жемчужиной своей короны, о чем свидетельствует акт передачи этих земель, Территории Папуа, под юрисдикцию администрации доминиона Австралия в 1906 году.

Этнографическое изучение Новой Гвинеи. Примерно в 1930-е годы состоялось научное открытие Новой Гвинеи. Ученые-биологи проникли вглубь острова в поисках новых видов растений и животных и с удивлением обнаружили, что его внутренние районы заселены человеком. Это был уникальный шанс для социальных антропологов всего мира изучить культуры людей, незнакомых с европейской цивилизацией. Антропологи своего шанса не упустили. Как гласил анекдот тех времен, традиционная папуасская семья состоит из папы, мамы, нескольких детей и антрополога.

Наиболее активно изучение местного населения велось в восточной части острова. Значение антропологии, причем именно социальной или культурной, было особенно велико в англоязычных странах, поэтому антропологи из Британской империи, Соединенных Штатов и Австралии побывали почти в каждой деревне на Новой Гвинее. Сейчас существуют специальные справочники по каждой провинции Папуа — Новой Гвинеи, в которых можно, посмотрев название деревни, узнать, какие антропологи там работали и какие книги потом издали. Очень часто одной деревне посвящено более десятка книг, и почти нет деревень, куда не ступала нога антрополога. Голландская же часть острова вплоть до настоящего времени остается менее изученной.

Этнографическое изучение острова можно разделить на два направления: первое — изучение так называемых малоконтактных племен внутренних районов, второе — изучение прибрежных папуасских культур, давно контактирующих с европейцами. Первое направление можно условно назвать исследованием «современных людей каменного века» или современной первобытности, а второе — исследованием карго-культов, по наиболее яркому явлению, возникшему на основе синтеза европейской и папуасской культур.

Безумие Вайлалы. Одним из наиболее известных является культ «безумие Вайлалы», который появился сразу после Первой мировой войны в юго-восточной части Новой Гвинеи, носившей в то время название Территория Папуа. Культ очень быстро распространялся в тех местах, где проживали вернувшиеся с австралийских плантаций рабочие,

и именно они становились его основными сторонниками. По всем деревням началось строительство «офисес» с верандами, где восседали пророки и их помощники. Они утверждали, что именно оттуда могли разговаривать с предками.

В центре деревень папуасов появляются флагштоки. Причем в одних селениях верили, что больной человек освободится от болезни, если сделает и поднимет флаг, а в других флагшток был средством установления связи пророка с предками. Пророк становился под флагшток, полотнище поднималось, и через несколько минут пророк начинал пересказывать явившееся ему откровение.

В случае смерти кого-то из общинников устраивались пиры, во время которых все мужчины деревни садились за столы в своих лучших одеждах, а женщины и дети сидели на земле вокруг них. Кроме того, среди пророков широко было распространено облачение в европейскую одежду, ношение книг под мышкой, использование английского плантационного жаргона ток-писина.

Яркой особенностью культа стало полуэкстатическое состояние, в которое впадали отдельные его приверженцы во время церемоний: люди делали быстрые вращательные движения головой, тряслись всем телом, издавали непонятные звуки, иногда застывали на несколько минут, уставившись в одну точку. После этого они возвращались к обычному ходу церемонии. В некоторых случаях начинали неистовствовать пророки, стоящие под флагштоками: изо рта у них шла пена, они корчились в судорогах, а затем возвещали свои откровения. Массовые безумства в деревнях часто начинались при попадании туда представителей колониальной администрации.

Одним из необычных проявлений безумия Вайлалы стали танцы с бревнами. Во многих селениях имелись бревна до десяти метров в длину, и поднять их могли только пять-шесть человек одновременно. Если случалась кража или другое преступление, бревно водружали на плечи мужчин, а руководители культа становились у его концов. Считалось, что священное бревно начинало двигаться самостоятельно. Оно направлялось к дому вора или преступника, а тот сам должен был сознаться в своей вине.

Однако карго не прибывало, и пророки сделали новый ход. Было объявлено, что прибытию карго мешает отсутствие настоящей веры. Для того чтобы предки прислали карго, необходимо отказаться от возделывания полей, работы на белых, ловли рыбы, охоты на животных. Необходимо сосредоточиться на отправлении культа. Во многих деревнях прекратились всякие виды работ, люди целыми днями сидели за столами с цветами или стояли около флагштоков и ждали… После ряда таких «сидячих забастовок» в дело вмешалась колониальная администрация и большая часть пророков была арестована.

Все составляющие культа ясно свидетельствуют о его антиколониальной направленности: отказ работать на европейцев,

массовые случаи безумства во время визитов чиновников, желание присвоить карго европейцев. Под прикрытием истерической одержимости папуасы могли очень резко отвечать белым, на что в обычном состоянии не отваживались. Это был первый, существовавший в основном в области мифологии, ответ на притеснение местного населения, игнорирование его самобытности.

Новогвинейская первобытность. Исследователи первобытности совершили немало подлинных переворотов в науке. Например, были подробно описаны так называемые акефальные общества (от греч. «а» — 'без' и «кефалос» — 'голова') — общества без главы. Существование общества без властных структур казалось европейцам немыслимым, ведь в таком обществе непременно начнется хаос! Оказалось, что это не так. Папуасское общество состоит из равных по статусу членов, однако некоторые из них имеют больший авторитет. Их принято называть «бигмены», буквальный перевод с пиджин-инглиша — 'большие люди'. Эти люди обладают выдающимися способностями в какой-либо области: например, один — лучший охотник, другой — лучший лекарь, третий лучше всех выращивает ямс, четвертый — лучший танцор и так далее. Все они пользуются особым уважением своих соплеменников.

Их значение в глазах других жителей деревни связано с тем, что они лучше обычных людей могут слышать голоса духов предков. Поэтому авторитет на Новой Гвинее имеет другую природу, нежели в Старом Свете: в Европе обладающие властью «заставляют» что-то делать, а на Новой Гвинее к бигменам люди сами приходят за советом; в Европе лидеры демонстрируют свое особое положение, а на Новой Гвинее они стараются не отличаться от соплеменников; в Европе успешность измеряется личным благосостоянием, а на Новой Гвинее — количеством дел, которые человек делает для общины. И в западной, и в восточной части острова бигмены устраивают так называемые свиные праздники. В ходе такого праздника они раздают приглашенным все свое богатство, которое измеряется свиньями. Чем больше таких праздников проведено, тем выше авторитет бигмена.

Другой переворот связан с понятием племени. Как считалось еще недавно, все первобытные народы живут племенами, а племя разговаривает на одном языке, как же иначе? Прибывавшие на Новую Гвинею миссионеры нанимали переводчика и отправлялись искать границы племени. Сначала они шли на север: в ближайшей деревне переводчик общался с жителями без труда, во второй — хуже, в третьей понимал отдельные слова, а в четвертой не понимал ничего. Миссионеры проводили границу племен между третьей и четвертой деревней. Затем они совершали аналогичные путешествия на восток, юг и запад и могли с уверенностью нанести на карту территорию племени, в котором они работали.

Каждый миссионер интересовался в основном тем племенем, в котором работал, и описанный выше метод не вызывал возражений. Однако, когда ученые нанесли на карту все племена, оказалось: все племенные территории имеют форму круга, а территории племен у побережья — полукруга. Более того, деревня, в которой находилась христианская миссия, всегда располагалась точно в центре круга. Детальные лингвистические исследования показали: в каждой деревне существует свой язык, отличающийся от языка соседних деревень примерно на 25 %. В деревнях «через одну» отличий уже 50 %, а в более отдаленных отличия достигают 75 % и более. Таким образом, речь не идет о подлинных племенах, поскольку, какую бы деревню миссионер ни избрал своей исходной точкой, он всегда получал одну и ту же картину: в третьей-четвертой деревне диалог на языке первой деревни оказывался невозможным (такая языковая ситуация получила название «языковая непрерывность»). Это также существенно изменило представление ученых о первобытности.

Берег Маклая после отъезда ученого. В 1884 году, менее чем через год после третьего приезда Маклая в Бонгу, над этой деревней был поднят флаг Германской империи. Знакомый Миклухо-Маклая, орнитолог и по совместительству агент Новогвинейской компании Отто Финш проплыл вдоль всего северо-восточного побережья острова, водружая символ империи в крупных селениях. Незадолго до этого сам Миклухо-Маклай сообщил ему несколько слов на языке жителей острова Били-Били, использовавшемся на побережье Маклая как торговое койне. С помощью этого нехитрого лексикона, а также называя себя братом Маклая, Финш мог гораздо легче договориться с аборигенами, которые ждали возвращения своего друга, «белого папуаса» и… бога.

Папуасы считали Маклая культурным героем, научившим племя били-били земледелию, а также отцом братьев Манупа и Килибоба — мифических предков местных жителей. Рассказывали об этом так: «Наши предки раньше не работали. Они выменивали пищу у людей Сиар и Грагер за горшки. Теперь мы сами работаем, но раньше наши предки не работали, они жили доходами от гончарства. Тогда пришел Маклай и дал им — дал нам — железо; теперь мы работаем с помощью ножей и топоров. Маклай говорил: „О люди Били-Били, идите с моими ножами, с моими топорами, которые я вам дал, на побережье и обрабатывайте поля, работайте и ешьте, ваши каменные топоры не острые, они тупы. Бросьте их в лес, они плохие, не годятся, они тупы“. Так говорил Маклай, а также Кубари».

В 1914 году Германскую Новую Гвинею заняли австралийские войска и началась эпоха австралийского управления этой территорией. Аборигены в то время восхищались богатством европейского человека, которое связывали со знанием особой магии. Действительно, колониальные служащие проводили большую часть времени, вкушая

пищу, прогуливаясь и отдыхая. Они не работали физически, не возделывали полей, но не умирали от голода: к ним постоянно приходили корабли с пищей. Папуасы считали, что корабли посылают белым предки, а прогулки, обеды за украшенными столами, поднятие флага — это особый вид магии, которую во что бы то ни стало надо изучить. Такие верования ученые называют карго-культами, от английского слова «карго» — 'груз, прибывающий на корабле'.

В 1960–1970-е годы ходила также легенда о том, как Маклай подарил жителям острова Грагер флаг, символизировавший независимость от колониальных властей: «Маклай сказал Кудаму и Мальбаку с помощью жестов: „Вы не должны бояться“. Затем Маклай дал им флаг и сказал: „Через какое-то время я вернусь“. Он дал им мясо, консервированную рыбу в банках, еду. Этот флаг был большим тамбу [тамбу, по всей вероятности, материальное воплощение духа предка], его выносили во время сингсингов…» Консервированная рыба и мясо обозначают карго, а флаг — символ будущей независимости папуасов. Легенда о дарении флага существовала у многих народов Меланезии. Самой известной является легенда о мифическом существе Джоне Фруме, который подарил жителям острова Танна (архипелаг Вануату) флаг и сказал, что однажды они будут жить, как белые люди.

В 1971 и 1977 годах на берегу Маклая работали советские ученые-этнографы. В ходе двух поездок, приуроченных к столетию первой и второй экспедиции ученого на Новую Гвинею, они собрали многочисленные этнографические данные о деревне Бонгу и, в частности, воспоминания папуасов о «тамо русс». Тексты воспоминаний были опубликованы в работах Б. Н. Путилова и Д. Д. Тумаркина.

Оказалось, что папуасы прекрасно помнят об ученом. Первую встречу Тоя с Маклаем они описывают так: «И тогда папуас Тоя обнаружил Маклая. Обнаружил Маклая, подошел поближе. Маклай тоже заметил, как Тоя подходил. Тою было страшно. Он боялся гнева Маклая. Но он шел, шел, наконец подошел к прибывшим. Все хотели дотронуться до него, что-то говорили. Он решил присесть. Ему дали табак, соль, рис, закурили, стали немного есть, дали попробовать и папуасу Тою. Тоя взял, что ему предлагали, смотрел, думал, прибывшие улыбались ему, он улыбался им, и за едой немного разговаривали. Он вернулся в деревню, рассказал обо всем старейшинам, и через две ночи на рассвете они пришли посмотреть на Маклая».

Культы карго. Исследование карго-культов также принесло немало открытий. Первый карго-культ возник там, где появились первые миссионеры, — в окрестностях города Маноквари, в заливе Гельвинка в Западном Папуа. В этом районе издавна бытовали мифы о предке-герое Мансрене, который дал начало всем местным жителям и обучил их всем знаниям. В 1886 году появился первый пророк Мансрены. Он собирал

подарки и проповедовал скорое пришествие Мансрены, на корабле, полном разнообразных подарков. В конце XIX — начале XX века количество пророков Мансрены неуклонно увеличивалось. Помимо предсказаний эры благоденствия, появились и разговоры о падении власти голландской администрации и призывы бойкотировать работы на плантациях. С этого момента голландская администрация начала заключать пророков в тюрьму.

Высадившиеся в 1942 году японцы также были восприняты как посланцы Мансрены, и в первые месяцы местное население оказывало им посильную помощь. «Божественность» новых пришельцев подтверждалась скоростью, с которой те возводили оборонительные сооружения и прокладывали дороги. Однако в 1943 году мнение о японцах кардинально поменялось. Во-первых, они начали не менее жестко, чем голландцы, эксплуатировать местных жителей на плантациях. Во-вторых, американские бомбардировки, поражавшие в основном японские военные объекты, но не затрагивавшие деревень, воспринимались как знак того, что предки отвернулись от японцев.

После высадки американских солдат на острове Биак островитяне решили, что посланцы из страны предков — именно американцы. Местных жителей поразило их количество припасов и богатство: за каждого пойманного японца военные платили целое состояние — один золотой гульден. Однако вскоре папуасы разочаровались и в этих белых: бульдозеры повреждали священные пальмы, а богатство так и не переходило в руки аборигенов. После ликвидации американской базы местные жители долго воспроизводили «магию» морских пехотинцев: сидели за столами, строили госпитали и ухаживали в них за больными. Однако второе пришествие Мансрены так и не состоялось, и папуасы начали вновь переосмысливать свои воззрения.

Судьба территорий острова в конце XX века. Нидерландская часть начала поэтапный переход к независимости в 1961 году, вместе с первыми выборами в местный парламент. Не желая создания независимого государства на этих территориях, индонезийские власти в 1963 году ввели в Западное Папуа войска и объявили о присоединении территории к Индонезии. На проведение референдума о судьбе провинции власти так и не решились. Вместо этого в 1969 году было проведено голосование 1025 избранных депутатов, которые высказались за вхождение территории в состав Индонезии.

Многие европейские государства всерьез опасались, что Индонезия объявит о своих правах и на восточную часть острова, находившуюся под управлением австралийской администрации. В конце 1960-х, когда угроза миновала, здесь тоже начался переход к самоуправлению. В 1975 году было создано новое государство Папуа — Новая Гвинея, а в 1981 году оно вступило в ООН. В 1960–1970-е годы центральными объектами карго-культов стали флаг и флагшток. Папуасы считали, что поднятие

флага — магический обряд, приближающий эру независимости. В заливе Астролябия были широко распространены легенды о том, что флаг местным жителям подарил еще в конце XIX века Миклухо-Маклай.

Отношение к коренному населению в западной и восточной части острова сильно различается. Индонезия — мусульманская страна, а местные племена на 80 % христианизированы. Государство не вмешивается в повседневную жизнь немусульман, но вместе с тем не старается приобщать папуасов к благам цивилизации: строить школы, проводить дороги, привлекать коренные народы к работе на предприятиях. Считается, что, приняв ислам, человек обретет все необходимые социальные возможности. Эта несколько уничижительная, с точки зрения европейца, политика способствует сохранению традиционных культур местных народов.

В восточной части острова всех жителей стараются приобщить к достижениям цивилизации. Во многих деревнях созданы школы, на острове постоянно строятся новые дороги. Традиционная культура изменяется. Часть ученых пишет о том, что она уходит безвозвратно. Другая их часть утверждает, что на основе синтеза традиции и цивилизации формируется новая культура папуа-новогвинейской нации. Многие элементы традиционной культуры становятся частью современной жизни. Например, после того как парламент избрал Майкла Сомаре первым президентом ПНГ, тот отправился в родную деревню в район реки Сепик и попросил старейшин совершить над ним обряд инициации. В дальнейшем он считал, что знания, полученные в ходе этого обряда, помогли ему в управлении государством. А первый министр иностранных дел ПНГ Альберт Маори Кики писал в автобиографической книге «Десять тысяч лет в одну жизнь» о том, что в трудные минуты призывал на помощь дух своей матери Эау.

Смешение современного и традиционного наблюдается во всех сферах жизни. Например, многие восточные папуасы живут в каменных домах и ездят на работу на велосипеде. Вместе с тем, возвращаясь в деревню, они проводят много времени в мужском доме, а при работе на огородах часто предпочитают сажальные колы металлическим лопатам. Объяснение простое: для использования лопаты нужна обувь, причем хорошая, кожаная. Шлепки и сланцы, которые носит большая часть местных жителей, при работе лопатой быстро приходят в негодность, а с сажальным колом можно работать и босиком.

Вануату — острова абсолютного счастья

Что такое Kastom. Когда мы вышли из самолета в аэропорту Порт-Вилы, столицы Вануату, то нам показалось, что мы зашли в баню: воздух был теплым и влажным. Через несколько минут мы привыкли к высокой влажности и не замечали ее до конца поездки. Получив в паспорта штампы о прибытии, мы отправились в гостиницу. Республика Вануату более известна по дневникам путешественников и этнографической литературе как архипелаг Новые Гебриды. Эта территория до 1980 года

находилась под совместным управлением Великобритании и Франции. Остров Эспириту-Санто, на котором расположены столица государства и международный аэропорт, не был конечным пунктом нашей поездки, и на следующий день мы отправились на остров Танна, одну из наиболее южных территорий Республики Вануату.

Во время часового перелета на Танну мы познакомились с местным предпринимателем по имени Самуэль. Он летел на остров, чтобы завершить строительство отеля для туристов. Самуэль сразу увидел в нас потенциальных клиентов и рассказал, что одной из достопримечательностей его владений станет «традиционная деревня» — поселение, в котором люди будут жить в соответствии со своим веками вырабатывавшимся образом жизни. «Я и сам, — добавил он, — когда прилетаю сюда, живу по традициям. В Виле это делать сложно, а здесь — нет». «А что такое традиции?» — спросил я. «Это наш исконный образ жизни, то, что не подвержено влиянию европейской культуры», — ответил он.

Перед отъездом я читал в «Этнографическом обозрении» статью Л. А. Ивановой о Вануату, и там было сказано, что люди на острове Танна живут «в кастоме». Не «по традициям», а именно «в кастоме». Словосочетание показалось мне странным, а ответ Самуэля окончательно убедил, что более корректно говорить не о кастоме, а об обычае. Однако я ошибался.

Movmen blo John Brum. На следующий день мы отправились к цели нашего путешествия — в расположенную на берегу Серной бухты (англ. *Sulphur Bay*) деревню Ипикель, центр движения Джона Фрума. Чтобы ввести читателя в курс дела, надо обратиться к недавнему прошлому Меланезии. С начала европейской экспансии в Океанию во второй половине XIX века местные жители занимали приниженное положение в социальной иерархии. Формально рабства не существовало, но условия договора были таковы: работников нанимали за мизерную плату на несколько лет, а расторжение договора было невозможно. Применялись телесные наказания, а работников, попытавшихся сбежать, надсмотрщики могли и убить. Вместе с плантаторами на острова пришли церковные миссии, которые просвещали местных жителей, прививая им христианское мировоззрение. Все попытки следовать местным традициям — пить каву, танцевать древние танцы, носить набедренную повязку — жестко пресекались.

Незадолго до Второй мировой войны в другой части Меланезии, на острове Новая Гвинея, бытовала легенда о том, что меланезийцы — это потомки библейского Хама. Согласно легенде, после потопа Ной выпил вина, захмелел и заснул неодетым. Его сыновья Сим и Иафет прикрыли наготу своего отца, а третий, Хам, посмеялся над ним. За это он был проклят и изгнан. Переосмыслив эту легенду на свой лад, жители Меланезии решили, что потомками Хама, изгнанными на периферию

человеческого общества, являются именно они. Одна из подобных легенд была записана Питером Лоуренсом у папуасов Новой Гвинеи на берегу Маклая, однако подобные истории имели очень широкое распространение.

Таким сказанием обосновывалось и идеологически оправдывалось подчинение папуасов белым. Главным маркером, отличавшим потомков Хама от потомков других сыновей Ноя, был цвет кожи. Поскольку причиной неравенства для папуасов были неправильные действия их предков в правремена, то исправление несправедливости в настоящем становилось почти невозможным.

В годы Второй мировой войны ситуация существенно изменилась. В 1942 году на нескольких островах Тихого океана высадился американский десант. Один из отрядов морпехов базировался на Танне. В отряд входили чернокожие унтер-офицеры, которые отдавали приказы белым. Подобная ситуация разрушала миф о том, что чернокожие должны подчиняться белым за ошибки предков. Более того, «племя морпехов» казалось поистине удивительным. Они не сажали таро и ямс, не ловили рыбу и лесных животных, но к ним постоянно прибывали запасы еды. Солдаты называли эту еду и прочие блага «карго» (от англ. *cargo* — 'груз'). Единственное, что они делали, — это совершали ритуалы: каждый день надевали определенную одежду, становились ровными рядами, поднимали флаг и маршировали по кругу. Изучение этой магии и получение с ее помощью богатств и составило основу движения Джона Фрума — карго-культа, существующего на Танне по сей день.

Джон Фрум, или Джон Брум, как его называют папуасы сейчас, был одет в военную форму и являлся к старейшинам неожиданно: то в лесу, то выходил с ними на связь по тростниковой рации, то навещал лидеров движения в тюрьме. Сначала он учил избавляться от всего европейского (денег, одежды, железных предметов и тому подобного) и ждать самолетов с карго. Затем идеология учения изменилась. Как раз об этом нам рассказали в деревне Ипикель, где и сейчас проживают последователи ортодоксальной части движения Джона Фрума.

Kastom blo John Brum. Мы высадились из машины на вулканической равнине реки Сиви. Пикап отправился за перевал к аэропорту, а мы пешком двинулись в деревню Ипикель, расположенную в Серной бухте (англ. *Sulphur Bay*). Нас приветливо встретили местные мальчишки и провели к вождю — Маливану Кельме. Маливан отвел нас в сторону от центральной площадки, где было шумно, и, сев на плетеный помост, начал рассказывать: «Сейчас никто не верит в то, что с помощью тростниковых раций можно связаться с Джоном Брумом. Никто не строит взлетные полосы, ожидая прибытия самолетов с карго. Джон Брум — это дух. Мы верим в него так же, как вы верите в Иисуса Христа. По средам вечерами молодежь в деревне поет песни в стиле кантри под гитару. Мы считаем, что через эти песни Джон Брум общается с нами

и передает свою волю». Мы задаем вопросы, вождь улыбается в бороду и отвечает на них.

«Вы больше не ждете карго?» — спрашиваем мы. «Карго, — улыбается вождь. — Джон Брум говорил, что скоро наступят времена, когда наши братья будут водить грузовики, носить часы и европейскую одежду, управлять судами и самолетами. Богатства сами будут прибывать на остров. Так говорил Джон Брум. Сейчас мы водим машины, носим футболки и шорты, люди из Вилы работают летчиками и капитанами. Пророчество осуществляется. К нам на Танну приезжают белые туристы, они живут здесь и платят нам деньги. Это и есть карго. Вы — туристы — вы и есть карго, о котором рассказывал Джон. Раньше старейшины думали, что богатства будут прибывать в виде одежды или еды. Но теперь мы понимаем, что богатства прибывают с туристами, которые привозят деньги, дают людям работу».

«Что такое кастом?» — уточняем мы. «Когда пророки — Намбас, Никиау и Томелес — сидели в тюрьме, к ним явился Джон Брум. Он пришел в форме американского солдата», — неспешно рассказывает вождь. Здесь необходимо сделать небольшое уточняющее отступление. После того как жители Танны стали выбрасывать европейскую одежду, избавляться от фунтов и франков, колониальная администрация приняла решение заключить пророков культа в темницу. Это произошло почти сразу после Второй мировой войны. В тюрьме они провели 17 лет, за это время к ним несколько раз являлся Джон Фрум и учил их.

«Джон сказал им, что надо уметь отличать плохие и хорошие традиции. Например, — уточняет Маливан, — у наших предков было много разнообразных магических знаний. Они использовали силу камней, называющихся „тупун“. Для этого надо отправиться в специальное священное место „накамаль“, приготовить и выпить каву, прочитать тамафу — традиционную молитву [англ. *kastom prayer*], и сила камня начнет действовать. Существовали тупуны для роста ямса, для ловли рыбы, для извержения вулкана, для землетрясений и множество других. Джон Брум сказал, что мы должны избавиться от „злых тупунов“ и оставить „хорошие тупуны“. Те тупуны, которые несут разрушение, убивают людей, помогают украсть урожай, надо выбросить. А все остальные можно продолжать использовать. Хорошие и добрые ритуалы — это и есть наш кастом. Пить каву, уважать родителей, использовать магию тупунов для выращивания ямса — это кастом. Заставлять вулкан извергаться, вызывать шторма, портить урожай — это не наш кастом».

Мы благодарим Маливана за интересный рассказ, а он приглашает нас попробовать ямс и потом остаться послушать песни. Мы так и поступаем и уезжаем из деревни лишь в первом часу ночи, любуясь вспышками Ясура на фоне темного тропического неба.

На следующий день встаем в шесть утра, вместе с солнцем, и пишем дневник. Получается, что кастом — это не просто традиции, это

идеологическое примирение местных верований и обычаев с христианской культурой. Ведь не убивать, не красть, уважать старшего — это все христианские заповеди. Так из объединения двух традиций, христианской и автохтонной меланезийской, родилась новая традиция, имя которой «кастом». Весь последующий день занят переездами по острову и поисками аэродромов для карго. Поиски оказываются безрезультатными, и следующий день мы встречаем уже на южном побережье Танны.

Kastom village Iakel. Еще через день мы отправились в традиционную деревню Якель. Все поездки туристов на Танне происходят «на такси» и «с хороводом». «Такси» представляют собой достаточно современные полноприводные автомобили японского производства, которые могут взбираться по горным склонам в любую непогоду. «Хороводом» мы называли группу сопровождения. Мы никогда не видели, чтобы таксист отправлялся в поездку с хотя бы одним незанятым местом. Обязательно непосредственно перед отъездом появлялся кто-то из знакомых, и машина отправлялась «с полным экипажем».

Так произошло и когда мы поехали в Якель. С нами отправились дочь хозяйки бунгало и друг водителя Пол. Пять человек — пять мест. Все наши попутчики были одеты в новые футболки и шорты, все работали в сфере туризма. Мы захотели узнать, что думают о кастоме они.

«Мы тоже живем в кастоме, — говорит Пол. — Да, футболка и шорты — это не традиционная одежда [англ. *not kastom clothes*], но гораздо важнее соблюдение других традиций. Я, например, уважаю старших, всегда выполняю волю своего отца. И сына так же воспитываю. Без уважения старших мы не можем жить на этой земле».

«А водители тоже могут жить в кастоме?» — уточняем мы. «Да, — отвечает Пол. — У себя дома, в деревне, мы не имеем собственности. Любой человек может прийти к тебе и попросить что-то, что ему нужно. И мы всегда даем и не отказываем. Водители зарабатывают деньги, и этими деньгами могут пользоваться все. В деревне мы не пользуемся деньгами вообще, мы помогаем друг другу бесплатно. Деньги нужны только в государственных учреждениях или для поездки за пределы острова. Водитель днем работает с туристами, а вечером возвращается в деревню и живет в кастоме».

Мы приезжаем в Якель. Перед нами сразу выставляют многочисленные предметы на продажу и предлагают показать традиционный танец [англ. *kastom dance*]. Мы отказываемся. Просим отвести нас в огород, чтобы посмотреть, как растут ямс, таро, бататы и прочие южные растения. Огород на первый взгляд совершенно не отличается от всех прочих частей тропического леса. Однако концентрация и разнообразие культурных растений здесь несколько выше, чем в дикой части буша. Наши попутчики набирают несколько пакетов апельсинов, аргументируя тем, что они здесь вкуснее. Женщина

из деревни помогает им. Вроде бы действительно бесплатно. Можно сказать, что мы наблюдаем кастом в действии.

Very rich kastom. В последний день на Танне мы отправляемся к людям, которые поклоняются принцу Филиппу II Уэльскому. Они верят в то, что дух с Танны вселился в этого человека. В 2007 году пять приверженцев этого культа совершили путешествие в Лондон и лично встретились с принцем Филиппом. Один из этих людей, Бошен Набу, рассказывает о таком эпизоде из этой поездки.

«Эту поездку организовали люди из „Би-би-си“. Когда они привезли нас в Лондон, то компания оплатила нам проживание в очень дорогой гостинице в Сити. Ребята из съемочной группы, которые забирали нас по утрам, говорили, что они сами никогда не жили в такой гостинице и вряд ли когда-то будут жить».

«Это понятно, — ответили мы им, — ведь у вас в Англии не такой богатый кастом».

«У нас на Танне очень богатый кастом, поэтому нам и полагается жить в дорогих номерах», — спокойно говорит Бошен и продолжает свое повествование. Ни тени гордости или тщеславия, просто констатация факта.

Walter Lini and Melanesian socialism. Итак, кастом постепенно превращается из традиций в национальную идею. Островитяне гордятся тем, что уровень преступности в Вануату один из самых низких в мире. «И это наш кастом», — говорят они. На Танне нет трудностей с работой: туристы регулярно прибывают на остров и привозят деньги. «Это потому, что у нас богатый кастом», — считают местные жители.

В конце 1970-х годов жители будущего государства Вануату, а тогда франко-британского кондоминиума [1] Новые Гебриды, боролись за независимость. Борьбу возглавляла «Вануааку пати», цитадель которой находилась на острове Нгуна, недалеко от Эфате. Один из лидеров партии, отец Уолтер Лини, искал себе союзников в лице международных движений. «Вануааку пати» провозгласила принципы заботы государства о человеке и соблюдение традиций, кастома. Власть на местах передавалась вождям. Устанавливалось действие кастома. Социальные функции государства и многие принципы кастома (например, Лини говорил, что «дарение основывается на возможности делать подарки, получение же основывается на нужде») больше всего соответствовали идеям социализма. Однако в то время мир был на очередном пике холодной войны, а в социалистическом лагере требовалось жесткое подчинение внешнеполитической линии Советского Союза, поэтому Лини пришлось лавировать. Он провозгласил «меланезийский социализм»: идеи близки к социалистическим, но при этом государство не входит ни в один международный блок.

В 1980 году «Вануааку пати» выиграла выборы и Новые Гебриды стали Республикой Вануату. С тех пор ситуация в стране немного напоминает период нэпа в истории России. В стране сосуществуют две системы ценностей, две экономики, по сути два мира — социалистический и капиталистический. Порт-Вила и крупные административные центры живут по законам капитализма, а сельская округа — по законам социализма, или «в кастоме». Отличий от нэпа два. Во-первых, во времена нэпа социализм был доминирующей экономической системой, а капитализм существовал в сфере мелкой промышленности. В Вануату доминирует капитализм, как некая сложившаяся данность, хотя правительство и стремится к реализации некоторых социалистических принципов, а социалистические отношения, безденежные, не направленные на получение прибыли, прячутся под кронами тропических деревьев в небольших островных деревушках. Во-вторых, нэп рассматривался как непродолжительный период борьбы двух систем, в результате которой должна была быть определена более жизнеспособная система. В Вануату борьбы нет, есть сосуществование, которое может продлиться десятилетия.

На мой взгляд, такие люди не могут не вызывать уважения. Люди, которые с помощью веры в свои обычаи (или назовем это европейскими словами — «в свой особый путь») преодолели период неприятия всего европейского, период тростниковых раций и взлетных полос для бамбуковых самолетов, период колониальной зависимости и смогли построить собственное государство. Государство, в котором нет преступности, в котором с радостью принимают бывших колонизаторов, туристов из Европы, организуют для них поездки и экскурсии. При этом ни-вануату, то есть 'люди вануату', не стремятся жить как в Европе, не стремятся уехать в Европу. Они смогли научиться жить счастливо на своей земле в новом, глобальном мире.

Новая Гвинея своими глазами

По-прежнему опасная Новая Гвинея. Итак, в конце XIX века остров Новая Гвинея был самым таинственным и опасным местом на Земле. 20 сентября 1871 года Миклухо-Маклай в компании своих слуг — бывшего китобоя, шведа Ульсона, и полинезийца Боя — впервые высадился на берегу. Все трое были безоружны. Эта опасная авантюра, как известно из учебников, не только закончилась благополучно, но и положила начало исследованию острова. Русский ученый стал буквально местным национальным героем, и сейчас папуасы вспоминают его с любовью. К настоящему времени Новая Гвинея хорошо изучена учеными — и в гораздо меньшей степени туристами: остров по-прежнему таит опасность для неподготовленных приезжих.

Накануне перелета Сидней — Порт-Морсби мы сидели в гостях у друзей и обсуждали поездку. Наш хозяин Алексей, живущий в Австралии уже больше десяти лет, сказал: «А вы не боитесь лететь в Папуа? Там же *civil war*. На горных перевалах вооруженные аборигены

останавливают машины, досматривают европейцев и либо забирают все вещи, включая одежду, либо просто уводят в лес». Несколько менее мрачную картину рисовали нам антропологи из Канберры и Вануату. Они были едины в том, что нам не стоит останавливаться в столице государства: прилетели и, не выходя из аэропорта, улетели в Маданг — там намного спокойнее. Но и там нужно быть готовым ко всему: на улице вечером могут отнять деньги, украсть сумку или фотоаппарат, а за сделанный без разрешения снимок попросить денег. Но мы были полны решимости попасть на берег Маклая и на следующий день отправились в аэропорт.

Жевать бетель запрещено! Миновав без приключений Порт-Морсби, мы приземлились в Маданге. Маданг — небольшой городок на северо-восточном побережье Новой Гвинеи, центр одноименной провинции. Папуасы чрезвычайно набожны: религия является основой жизни, предпринимательства и даже политических взглядов. Одно из немногих рекламных объявлений на улице гласило: «Новое поступление — электронная Библия!» Одним словом, в воскресенье не работает никто: ни магазины, ни офисы, ни рынки, не ходят междугородные автобусы. Все люди сначала идут в церковь, а затем уже на футбольные поля. Для того чтобы попасть в Бонгу — деревню, где когда-то жил русский путешественник, необходимо было ждать понедельника.

Городок оказался небольшим, из достопримечательностей — улица Н. Н. Миклухо-Маклая, памятник австралийским военным, погибшим во Вторую мировую войну, и, пожалуй, всё. Основной порок местного населения — жевание бетеля. Бетель — это род ореха, который при пережевывании его во рту с щепоткой гашеной извести дает тонизирующий эффект. При смешивании всех ингредиентов смесь приобретает ярко-красный цвет. Все жующие кажутся вампирами: во рту у них красное месиво, и даже зубы приобретают красноватый цвет. Тонизирующий эффект длится 15-20 секунд, а глотать смесь нельзя, поэтому все улицы города покрыты красными плевками. А у входов во многие магазины вместо традиционного для России «С собаками не входить» приклеены объявления «Жевание бетеля запрещено».

На ветвях деревьев около отеля — настоящие птеродактили: рукокрылые семейства крыланов. На местном наречии их называют летучими лисицами. Иногда их больше, чем листьев: висят вниз головами, а затем внезапно срываются, и целая стая сначала набирает высоту, а потом парит над деревьями, домами и морем. Эти летуны растительноядные, но ощущение того, что вокруг все кишит вампирами, остается и приходит ночью вместе со страхом перед малярийными комарами и лихорадкой денге. Однако прелести острова — жаркое солнце, кокосы и океан — наваливаются на другую чашу весов и перевешивают.

Еще в Австралии мы придумали план: на рынке находим людей из Бонгу и отправляемся с ними. У нас был словарик языка бонгу, составленный Миклухо-Маклаем; объяснив с его помощью, что мы «тамо русс» из «страны Маклая», мы надеялись, что нам укажут дорогу. Однако в гостинице выяснилось, что никто из персонала и не слышал о деревне Бонгу. Наконец нам удалось выяснить, что местный официант Гедеон живет в соседней с Бонгу деревне. Администрация гостиницы проявила любезность и предоставила ему выходной, чтобы он смог найти нам провожатых.

Бонгу. Вместе с Гедеоном мы отправились на рынок и быстро нашли бонгуанцев. Чтобы проверить, действительно ли они оттуда и распространен ли сейчас тот язык, на котором говорил Н. Н. Миклухо-Маклай, спрашиваю: «Адим дьюнум Андрей. Ни дьюнум дье?» (Меня зовут Андрей. Как зовут тебя?) Улыбается: «Джон. Казь?» (Джон. Табак есть?) Развожу руками: «Нет». Слово «казь» тоже встречается в дневниках Миклухо-Маклая, так что взаимопонимание между нами достигнуто. Нас сажают в лодку и везут в Бонгу за внушительную сумму в 50 кин (около 20 долларов). Оказывается, было решено, что европейцам никак нельзя ехать вместе с простыми папуасами, и для нас устроили отдельный рейс. По дороге хозяин лодки многократно повторяет: «Нам кобун». (Это твоя лодка.)

По прибытии нас отвели к мужчине по имени Сет Багун, в чьем доме нам предстояло провести несколько дней. Сет работает в департаменте образования в Маданге и прекрасно говорит по-английски. Первым делом он известил нас о стоимости «номера»: 20 кин за ночь. Тут уж мы, вспоминая уроки торговли на рынках, разводим руками и говорим: «У нас всего 50 кин. Но у нас есть палатки и спальники. Будем спать рядом с домом». Сету крыть нечем. «Оставайтесь за 50 кин, — говорит он. — Но надо поговорить со старейшиной».

О нашем прибытии узнают другие жители деревни. Сначала рядом с нашими рюкзаками скапливается орава ребятишек. Они галдят и смотрят на нас с удивлением. Мы вручаем им по конфете. Надо сказать, что на Новой Гвинее к детям относятся как к маленьким взрослым, которым разрешается пользоваться взрослыми предметами: не раз мы наблюдали, как по пляжу идет ребенок лет четырех и тащит за собой нож-мачете размером чуть меньше себя. Затем подходят взрослые и степенно садятся поодаль, на бревнах, шагах в двадцати от нас. Сигарет у нас нет, поэтому остается только улыбаться. Впрочем, недолго: закат в тропиках происходит почти мгновенно — в 17:45 еще совсем светло, а в 18:00-18:15 солнце пересекает линию океана и наступает непроглядная темнота. Желаем всем спокойной ночи и уходим в дом.

Встаем с первыми лучами солнца: стены в доме плетеные, и в помещении почти так же светло и жарко, как на улице. Отправляемся

к старейшине. В Бонгу их несколько видов. Во-первых, это назначенный властями староста деревни. Во-вторых, это старейшины кланов, один из которых составляют жители деревни Горендук, во времена немецкого владычества переселившиеся в Бонгу. Мы идем туда по тропинке. «Это гом Маклай ['тропа Маклая'], — говорит Сет, — так мы называем ее до сих пор». В деревне Сет что-то рассказывает про нас пожилому папуасу, по всей видимости, упоминает, что с деньгами у нас неважно. Старейшина внимательно слушает, потом кивает и уходит. Аудиенция окончена, нам разрешено остаться. На обратной дороге заходим на мыс Гарагасси, где стояла хижина ученого во время первой экспедиции. Там в 1970 году матросами русского корвета «Витязь» была установлена памятная доска. Сейчас полуостров зарос пальмами, недалеко от памятника валяются покрышки от грузовиков. «Мы стараемся здесь убираться, — говорит Сет, — но лес растет быстро, а океан подмывает берег. Приходится отодвигать памятник вглубь леса, а там грязно».

Новая Гвинея в век глобализации. Новыми явлениями в культуре коренных жителей острова в начале третьего тысячелетия стали появление национального самосознания и туризм. Эти совершенно разноплановые, на первый взгляд, явления стали для традиционных культур определяющими.

В западной части острова национальное самосознание находится еще в зачаточном состоянии. Это скорее политический проект горстки борцов за независимость от Индонезии и объединение с Папуа. Эти люди называют свою организацию «Движение за свободное Папуа». Активисты многократно атаковали промышленные сооружения, в первую очередь — трубопроводы, поднимали флаг независимого Папуа над водонапорной башней в городе Биак. Преследуемые индонезийскими военными, многие из них перешли границу и скрылись в лагерях в Восточном Папуа. Однако у большинства папуасов нет четкого представления о том, чем занимаются повстанцы.

В восточной части национальное самосознание сейчас в центре всех разговоров. На многих продуктах можно увидеть надпись: «С гордостью сделано в Новой Гвинее». Почти каждый человек может рассказать о том, сколько народов проживает в Папуа — Новой Гвинее, на скольких языках они говорят. Экспатов-непапуасов, постоянно проживающих в стране, теперь не называют общим словом «белые» — выделяют австралийцев, китайцев, американцев и прочих. Общее самосознание местных жителей цементируется и общим собственным языком.

В восточной части острова образованный человек, как правило, говорит на трех языках. Первый — «ток-плес» (от англ. *to talk* и *place*) — деревенский диалект, который понимают только жители соседних деревень. Второй — «ток-писин» (от англ. *talk pidgin* или *talk business*) — общегосударственный язык, сложившийся из смешения английского и местных диалектов. Долгое время считалось, что ток-писин —

примитивный язык работников плантаций, но сейчас на нем печатаются книги, ведутся теле- и радиопередачи. Люди воспринимают его как национальный язык страны, и этот фактор сплачивает население. Третий язык — обычный английский. На нем разговаривают государственные служащие и работники международных компаний.

Важный фактор, определяющий трансформацию культуры населения Западного и Восточного Папуа, — туризм. Турист, в отличие от миссионера и предпринимателя, не старается обмануть местных жителей и заполучить их землю, рабочие руки или что-либо еще. Он фотографирует традиционную культуру и готов выкладывать немалые деньги за фотографии, видеосъемку и даже просто за выслушивание мифов. Последняя услуга в Восточном Папуа уже платная. Майки с изображением украшенных перьями папуасов и надписью «Новая Гвинея» — местная роскошь.

В Западном Папуа туризм оказывает несколько иное влияние. На южном побережье острова, у восточной границы индонезийского Папуа живет народ асматов. Они искусные резчики по дереву. Культовые предметы асматов украшают все этнографические музеи мира. После принятия христианства в середине XX века резьба по дереву начала постепенно приходить в упадок: новая вера запрещает делать культовые изображения предков. Однако накануне XXI века это ремесло вновь оживает. Теперь ремесленники изготавливают «резные истории» — деревянные панно для туристов, где изображают мифологические сюжеты, охоту на крокодилов, красочные праздники. Сейчас такие панно попадаются во многих магазинах и Западного, и Восточного Папуа.

Обычно «ценители традиций» их не покупают, поскольку считают, что это — не настоящее, не традиционное искусство. Однако это не совсем верно. «Настоящей культовой резьбы» — изображений предков, украшений мужских домов — сегодня уже не делают, но ремесло продолжает развиваться, воплощаясь в «резных историях» для туристов. Несколько лет назад одно из таких панно было помещено в постоянную экспозицию берлинского Этнологического музея. Жизнь меняется, и традиционная культура меняется вместе с ней.

Остатки старого быта. Люди в Бонгу в основном живут натуральным хозяйством: сажают ямс, разводят свиней, ловят рыбу, охотятся на казуаров, бандикутов и прочих тропических животных. Несколько человек работает в Маданге, Маунт-Хагене, Лаэ, а трое — в Сиднее. Все они регулярно приезжают в Бонгу. В деревне нет воды и электричества, только у нескольких богатых людей есть генераторы, которые они включают ночью. Дома со времен путешествий Миклухо-Маклая сильно изменились: теперь это уже не глухие постройки без окон и с крышей, доходящей до земли, а свайные дома с полами из расщепленного бамбука. Правда, общественные здания так не строят:

такой пол не выдерживает больше пяти-шести человек. Единственное здание из металла и камня — лютеранская церковь.

Около некоторых домов лежат щелевые барабаны — «барумы». Раньше с их помощью от деревни к деревне передавалась самая разная информация: пришли враги, приходите на праздник, умер человек… Сейчас Бонгу находится в зоне устойчивой мобильной связи; если надо передать что-то важное, достаточно просто набрать номер. Но традиция остается традицией, и если в деревне умирает человек, то сначала говорят барумы, а потом к делу подключается мобильная связь.

Во время прогулки встречаемся с местным старостой. Он приветствует нас и произносит официальную речь. Конечно же, о Маклае. «Когда-то Маклай приехал и жил в Бонгу, — говорит староста. — Он хорошо относился к жителям». Местные жители тоже любили его. Если многие контакты папуасов с европейцами заканчивались убийствами белых, то в случае с Маклаем этого не произошло. «Мы должны укреплять наши связи, — развивает свою мысль староста. — Вы скажите всем тамо русс ['русским людям'], что надо помогать своим друзьям из Бонгу». Мы соглашаемся, замечая, что всем «тамо русс» это послание передать вряд ли сможем. «Да, ваша страна большая. Я видел на карте», — задумчиво произносит он.

Меланезийское рыболовство. Новая Гвинея — это другое полушарие, противоположное. Далекий таинственный тихоокеанский остров, на котором живут люди, непохожие на нас с вами. В тех краях даже такие вещи, которые, казалось бы, не могут быть использованы иначе, чем у нас, все же имеют другое предназначение. Например, собака там — не друг человека и соратник по охоте и рыбалке, а мясное животное, подобно нашей корове и свинье. А свинья, хотя тоже используется в пищу, выглядит совершенно иначе. Встретившись с ней в деревеньке, мы однажды приняли ее за собаку: она покрыта длинной шерстью и очень быстро бегает на своих длинных ногах. Словом, ничего общего с розовыми поросятами, весело похрюкивающими и неспешно передвигающимися по деревенским лужам.

И отношение к рыбалке не такое, как у нас. Для новогвинейского туземца рыбалка — это в первую очередь поиск пропитания. Она не окружена ореолом приключения. Нет ни долгой поездки на джипах или лодках, ни использования новейших средств (эхолотов, электроудочек, скоростных моторов), ни даже азартного ожидания. Всё намного проще.

Вот процессия местных жителей идет по своим делам по тропе в джунглях. При переходе через рукав небольшой речки они замечают множество маленьких рыбок, быстро скользящих между камнями. Люди мгновенно бросают на землю копья, хватают небольшие камни, и в один миг десятки камней летят в воду, часто попадая в цель. Убитые и раненые рыбки, размер которых редко превышает длину ладони, бережно заворачиваются в листья и сохраняются на ужин.

Джаред Даймонд, один из американских орнитологов и по зову души антропологов, писал, что, познакомившись с жизнью народов Океании и Африки по книгам, он думал, что это неутомимые охотники, которые могут преследовать зверей по несколько дней подряд, и фазаны и райские птицы — ежедневные блюда на их столе. Но при ближайшем знакомстве все оказывается прозаичнее. Человек, который убивает фазана, обычно устраивает пир. Во время трапезы добыча ритуально разделяется и раздается множеству родственников, так что каждому достается не более чем на один укус. Статус охотника — его «мана» — растет. Казалось бы, что удивительного и сверхъестественного в поимке обычной птицы? Но для туземцев это важное событие. Гораздо чаще они питаются слетками, птичьими яйцами, мелкими ящерками, личинками, жуками — словом, тем, о чем рассказывать совсем не увлекательно.

И все же в жизни туземцев много такого, что нам, европейцам, покажется необычным. Вернемся к тем же способам ловли рыбы. Вот какой интересный случай описывает русский путешественник Николай Николаевич Миклухо-Маклай. Его приятель-папуас Туй мог ловить рыбу вообще без всяких подручных средств.

Был отлив. Мелкая рыба спасалась на мелководье от акул, которых в море водилось великое множество. Она металась во все стороны, выпрыгивая из воды. Из-за деревьев на берег вышел Туй и стал следить, по выражению Н. Н. Миклухо-Маклая, «за эволюциями» рыб. Вдруг рыбы, вероятно жестоко преследуемые неприятелем, кинулись к берегу. В несколько прыжков Туй очутился около них. Вода там была немного ниже колен, и дно было, разумеется, прекрасно видно.

Туй сделал «энергический» прыжок, и одна из рыбок сразу же оказалась поймана. Туй ловил их ногой. Он вначале придавил рыбку ступней, а потом поднял, ухватив между большим и вторым пальцем ноги. Согнув колено, он протянул руку и, высвободив добычу, положил ее в мешок. Как пишет ученый, «все это было сделано не только искусно, но и даже весьма грациозно». Позже Маклай несколько раз предлагал Тую поднять какой-нибудь предмет с земли при помощи ноги. Однажды ученый предложил папуасу наиболее сложное задание. Он уронил на землю листок бумаги и попросил поднять его ногой. Бумага была мигом поднята и, перейдя за спиной в руку, отдана удивленному европейцу.

Существуют на Новой Гвинее и более традиционные способы ловли рыбы. Например, лучение. По вечерам целые флотилии легких лодочек с балансирами устремляются по гладкой антрацитовой поверхности морской воды к прибрежным отмелям. В лодках, как правило, находится по два человека: один правит, второй, собственно, лучит. И здесь природная ловкость превращает это достаточно заурядное действие в настоящий акробатический трюк. Все конечности ловца при этом заняты. В левой руке он держит факел и размахивает им в воздухе, как только он начинает гаснуть, правой рукой держит и бросает острогу. На левой ноге ловец стоит, а правой, не нагибаясь, снимает пойманных

рыбок с наконечника. Такой координации движений и грациозности могут позавидовать даже артисты цирка.

Туземная острога на Новой Гвинее называется «юр». Это палка из полого кустарника длиной около 2,5-3 метров с десятком зубьев на конце. Юр устроен так, что, погрузившись в воду и захватив добычу (рыбки чаще всего не прокалываются, а застревают между зубьями), он затем поднимается и плавает, держась почти перпендикулярно поверхности воды. Такое устройство позволяет добывать рыбу, находящуюся на глубине или в отдалении от лодки.

Важным аспектом рыбной ловли, как, впрочем, и всех других сторон туземной жизни, являются дарообменные отношения. При встрече с незнакомцем во время лова туземец попросту обязан подарить ему пару рыбок. Не сделать этого нельзя — у ловца понизится мана. Эта сила определяет статус человека и его судьбу. Ее можно сравнить одновременно с нашей удачливостью в делах и с общественным мнением о человеке. Если мана понижается, то с человеком не только начинают обращаться чуть более пренебрежительно его знакомые, но он и теряет поддержку богов в своих начинаниях. Например, после лучения весь улов раскладывается на несколько кучек: лучшая часть улова дарится матери жены, несколько небольших кучек поступают мужьям сестер и только оставшаяся часть идет в семью. Причем эта часть также может быть частично израсходована — на подарки колдуну, вождю и прочим «большим людям».

Напоследок о детской рыбной ловле. Дети очень часто практикуют те способы ловли, которые использовали их деды, в то время как отцы уже освоили более современные варианты. При взрослении, после прохождения процедуры инициации, они тоже освоят их. Но пока они дети, они ловят рыбу иначе. Папуасики бьют рыбу из лука на мелководье. После выстрела стрелы всплывают перпендикулярно воде, как юр у взрослых. Рыба так же застревает между тремя-четырьмя остриями. Понятно, что такая стрельба важна скорее для тренировки охотничье-рыболовных навыков, чем непосредственно для добывания пищи. Размер пойманной рыбы не превышает 10-12 сантиметров, а за один выстрел редко удается убить больше одной.

Легенды о Маклае. После того как мы возвращаемся в Бонгу из Горендука, нам рассказывают краткую историю Маклая. «Когда Маклай в первый раз приехал, все здесь ходили в традиционной одежде, — говорит бородатый Горефу. — Первым, что он дал Тую, была соль. Он дал небольшой пакетик. Туй отнес ее в деревню. Все жители попробовали ее и выплюнули. „Это вкус морской воды“, — сказали они». Рассказ закончен. «Разве это всё?» — удивляемся мы. «Остальное — священное. Нельзя рассказывать при всех», — с важным видом отвечает Горефу.

Самое полное предание о Маклае нам может рассказать старейшина Горендука Гасом Каму, у которого мы были вчера. Оказывается, это праправнук того самого Туя, с которым общался русский ученый. Однако предания в Новой Гвинее — собственность: Гасом хочет за свое эксклюзивное предание 200 кин. Мы вновь разводим руками: денег нет. На следующий день Сет объявляет, что Гасом Каму готов рассказать нам предание о Маклае бесплатно. Вновь вступаем на «гом Маклай». Сет идет босиком, мы — в ботинках. «Ты не боишься змей?» — спрашиваю я у него. «Змеи никого не кусают просто так, — отвечает Сет. — Если кого-то укусила змея, мы считаем, что он согрешил. Змеи очень редко кусают людей».

Приходим в старый Горендук. Гасом Каму начинает рассказывать историю о Маклае. Оказывается, Маклай подарил Тую не только соль, но и рис и табак. Все дары оказались людям Бонгу не нужны: они попробовали соль и подумали, что это сухая морская вода, попробовали табак и увидели, что это обычный «казь», а рис вообще есть не стали — решили, что это яйца муравьев.

Маклай долго жил в Бонгу. Причем не просто жил, а «кооперировался» с жителями. «Один из старейшин хотел жениться. Его звали Буа. Люди Бонгу хотели заплатить выкуп за невесту. Маклай тоже хотел заплатить часть выкупа за невесту. Он хотел поучаствовать в обряде, поскольку был другом Буа. Он никогда не жил здесь просто так, он делал то же, что делали люди этой деревни». С тех пор жители называют его «аба даму» — 'настоящий брат'. Это уже поинтереснее. Получается, что сейчас Маклая больше не считают «караам тамо» — 'человеком с Луны': он член племени, поскольку участвовал в обрядах.

Наконец рассказ доходит до самого интересного: оказывается, Туй был рыболовным магом, одним из бигменов деревни Горендук, и перед последним отплытием Маклая он подарил тому плетеную сумочку — магический предмет, «билум». Билум — это средоточие магической силы Туя, это самый драгоценный подарок, который мог сделать папуас своему другу. Гасом Каму продолжает: «Они обменялись подарками. И мы, их потомки, должны тоже поддерживать обменные отношения. Тамо русс должны поддерживать своих братьев из Бонгу, а мы будем дарить что-то вам». Вот так старинный миф обосновывает необходимость современных экономических связей!

Дальше Гасом Каму рассказывает о планах урбанизации: «Когда приезжал Маклай, Горендук находился здесь. Потом, когда пришли немцы, мы переселились в Бонгу. Но наши земли — огороды, охотничьи угодья — оставались здесь. Теперь настало время вернуться на наши земли. Если вы приедете через несколько лет, вы не узнаете Горендук! Сюда переедут все члены клана, здесь будет богатая деревня».

Русские люди деревни Бонгу. Последний наш день здесь. Идем с рюкзаками на пляж. Здесь сидят дети, которые плетут из пальмовых

листьев разнообразные игрушки: это не только плетеные мячи, вертушки, веера, но и предметы европейского обихода, назначение которых вызывает у папуасов смешанные чувства. Это часы — «клокс», очки — «спекс» и мешочки для варки риса — «бэгс». С одной стороны, все они не нужны: время можно определять по солнцу, очки непонятны папуасам в принципе, а рис можно варить просто в кастрюле. С другой стороны, раз все европейцы пользуются такими предметами, значит, они нужны. Более того, европейцы состоятельны, а значит, владеют некой магией, и кто может поручиться, что использование очков, часов и пакетиков для риса не важная составная часть какого-то магического ритуала? Вот и приходится изготовлять эти вещи из пальмовых листьев.

Наконец подходит лодка. «Приезжайте еще, — говорит Сет и добавляет: — До свидания, аба». «До свидания, аба», — отвечаем мы. Мы уезжаем на этот раз в полной лодке, борта возвышаются над водой сантиметров на 15. Для океана это на грани опасности, но наши мысли заняты другим — надеждой вернуться к гостеприимным хозяевам, «русским людям» деревни Бонгу.

2011 год. В гостях у индейцев ваура

Фернанду Энрике Кардозу, бывший президентом Бразилии в 1990-е годы, говорил, что «Бразилия — это тропическая Россия». Эта фраза достаточно точно соответствует впечатлениям россиянина, впервые попавшего в эту страну. Даже шутки бразильские похожи на русские. Встречавший нас в аэропорту города Куяба гид Педру Сильва сразу рассказал про «русскую еду». Самая дешевая еда в Бразилии — рис и яйца, на португальском: *arroz com ovos*, сокращенно *rozcovo*. При произнесении грассирующий «р» очень похож на «м» и получается что-то вроде «москово». «Что ты ешь?» — «Москово!» — «О! Русская еда! Ты, наверное, богатый человек?» — «Да нет, это рис с яйцами». Вспоминается шутка 1990-х годов: «Какая у тебя машина?» — «Иномарка!» — «„Мерседес“?» — «Нет, „Запорожец“».

Очень напоминают Россию и пивные — «сервежарни» (от порт. «сервежа» — 'пиво'). Во-первых, одной из наиболее популярных пивных марок Бразилии является «Кристалл», что не может не вызывать ностальгические ассоциации у человека старше тридцати лет. Во-вторых, бразильцы пьют пиво из граненых стаканов объемом примерно 100 миллилитров. Прочие детали интерьера напоминают, что мы находимся в тропиках. Под потолком — гигантский вентилятор с распылителем влаги. Когда его включают, из него вырывается столб туманного воздуха. Пиво подают в бутылках. Каждая поставлена в специальный пластиковый термос, для того чтобы сохранять прохладу на жарком воздухе.

Коль скоро речь зашла о еде. Основное блюдо бразильской кухни для гостей — родизио, своеобразный мясной шведский стол. Вы занимаете место за столиком, и к вам бесконечной вереницей устремляются

официанты с вертелами: говядина сильно зажаренная, говядина хорошо прожаренная, говядина слабо прожаренная, с кровью, свинина сильно зажаренная, свинина просто прожаренная, куриные сердечки, куриные крылышки, куриное филе, печень в беконе, множество видов рыбы, жареные колбасы, жареный ананас. И только заканчивает делать круг по залу человек с ананасом, как из кухни выходит человек с вертелом сильно зажаренной говядины. Это блюдо вместе с аргентинским вином поистине дурманят. Еще одна ремарка: вместе с антималярийными препаратами родизио и кашаса наносят сокрушительный удар по печени.

В Бразилии, как и в России, два типа автомобилей. У нас в России это «отечественные» и «зарубежные». Там категории наших «отечественных» соответствуют старые европейские марки, выпускающиеся бразильскими заводами, например «Фольксваген». До настоящего времени эксплуатируются около двух миллионов «Жуков», выпускавшихся в стране с 1953 года до середины 1980-х. А минивэн VW-T2 выпускается в стране до сих пор. Старые легковые «Фольксвагены» и грузовые «Вольво» повсеместно соседствуют с современными автомобилями. Местные легковые автомобили очень часто заправляются не чистым бензином, а смесью бензина и этанола. Импортировать во внутренние районы Бразилии бензин гораздо дороже, чем выгнать из фруктов спирт.

Being there — пребывание «там», у людей, непохожих на нас, «других», — так называется глава в одной из известных монографий американского антрополога Клиффорда Гирца. Как он подметил, каждое этнографическое путешествие начинается со страха. Страха перед тем, что есть «там», у «других», у людей, которые отличаются от нас кардинально своими взглядами на жизнь, представлениями о добре и зле, правде и неправде. Очень часто к этим страхам перед культурной дистанцией примешивается обыкновенный страх за свою собственную жизнь. Ведь «там» могут жить людоеды или люди, совершающие человеческие жертвоприношения.

Наш страх перед тем, что есть «там», был совершенно иного рода. Поездка к индейцам ваура, проживающим в национальном заповеднике Шингу, в штате Мату-Гросу в Бразилии, была организована совместно кафедрой этнографии исторического факультета МГУ и документальным научно-популярным проектом «Малые народы мира» для описания культуры одного из наиболее «первобытных» народов.

Мы боялись, что, проделав путь через пол земного шара, увидим одетых в футболки краснокожих людей, которые специально для нас натянут набедренные повязки и начнут, периодически заглядывая в книги антропологов, исполнять якобы традиционные танцы. Традиционная культура сейчас — это одна из достопримечательностей, своего рода туристический продукт, который неплохо покупается. Вся Океания покрыта сетью «традиционных деревень», в которых можно

пожить в «традиционной хижине», попробовать «традиционные блюда» и понаблюдать за «традиционными танцами». Однако через несколько дней в близлежащем городке турист может встретить «традиционных танцоров» в футболках, с мобильными телефонами, сидящих в кафе и отмечающих удачный заработок.

Именно этого боялись мы. С одной стороны, бассейн реки Амазонка, где расположен парк Шингу, относится к территориям, наименее затронутым влиянием цивилизации. Более того, бразильский Национальный фонд индейцев в течение XX века очень жестко оберегал традиционную культуру. Если об индейцах Боливии, Венесуэлы или Перу написаны сотни монографий, то об индейцах Бразилии их на порядок меньше. С другой стороны, много ли нужно времени для того, чтобы изменить культуру? В деревне Бонгу, где в конце XIX века жил русский исследователь Н. Н. Миклухо-Маклай, потомок его друга-папуаса Туя за деньги рассказывает «легенды о Маклае» туристам. А сама Бонгу находится в зоне устойчивой мобильной связи.

Основной целью экспедиции было изучение традиционной культуры ваура, а также тех путей, которыми эта культура трансформируется под влиянием европейской цивилизации. Характерной чертой трансформации океанийской культуры являются так называемые карго-культы — неуклюжие и порой забавные попытки подражать деятельности европейцев, не понимая ее смысла. Наиболее известный пример карго-культа — строительство взлетно-посадочных полос для самолетов на Новой Гвинее. Наша задача заключалась в том, чтобы изучить трансформацию традиционной культуры у ваура и выявить соответствующие особенности.

Деревня Ваура. Итак, перелет через Атлантический океан, затем еще один перелет, местными авиалиниями, до столицы Мату-Гросу — Куябы. Затем примерно 1000 километров на северо-восток на старом «Фольксвагене», работающем на спиртовой смеси. Наконец, последние 700 километров на одномоторной «Цессне» — и мы в деревне Ваура.

Деревня Ваура — это практически ровный круг. В центре расположено кладбище. На первый взгляд оно не заметно, потому что у народов Шингу, иначе называемых «шингуано», не принято ставить надгробия или другие памятные знаки. Когда умирает человек, его хоронят на кладбище и ставят невысокую оградку вокруг могилы. Через год проходит поминовение усопшего и оградку убирают. Центральная площадка в деревне вновь свободна. Днем на ней играют в футбол мальчишки, а вечером собираются старики.

Рядом с центральной площадкой расположен мужской дом — центр сакральной жизни деревни. Здесь находятся священные флейты, которые запрещено видеть женщинам. Нельзя сказать, что эти флейты изобретательно спрятаны: они висят под потолком мужского дома. Его крыша, сделанная из тростника, спускается почти до самой земли. Остается примерно полуметровый проем, через который можно

пробраться внутрь. В доме постоянно находится один из мужчин и наблюдает, чтобы никто из женщин не попытался проникнуть к священным флейтам.

Вокруг центральной площадки-кладбища с мужским домом располагается свободное пространство, что-то вроде кольца отчуждения шириной в пятьдесят метров, отделяющего «сакральное» пространство кладбища и мужского дома от «профанного» мира семейных хижин, мира повседневности.

Вокруг этого свободного пространства стоят дома. Дом шингуано внешне напоминает огромный тростниковый стог, высотой и шириной около десяти метров и длиной более двадцати. По центральной линии постройки вкопаны с промежутком в два-три метра столбы, которые поддерживают основу кровли. По краям, там, где кровля незаметно перетекает в стены, вкопаны столбы пониже. Между центральными столбами и столбами по краям натянуты гамаки. К решетчатой основе кровли прикреплены разнообразные вещи: головные уборы, луки, похожая на пластилин краска «уруку», используемая для нанесения рисунков на тело, и другие богатства.

В каждой хижине две двери-прохода. Одна ведет внутрь круга домов, вторая — наружу. Когда устраиваются танцы и священные флейты выносят из мужского дома, дверь, выходящая к центру, должна быть закрыта, завешена циновкой. А через противоположную дверь женщины могут выходить из дома к кухням и огородам: сакральное сакральным, а домашние дела не терпят отлагательств.

Кстати, в домах индейцев часто можно увидеть различных животных. Это попугаи, оленята, поросята пекари. Детенышей пекари и оленей находят в лесу во время охотничьих экспедиций. Их выращивают дома, а затем съедают. Попугаев подкармливают рядом с домом остатками тапиоковых лепешек. Прирученные птицы упрощают охотникам задачу по поиску красивых перьев для головных уборов.

Праздник «Жакуи Таваравана». В первый день в гамаке я чувствовал себя не очень уютно и часто просыпался. В определенный момент я понял, что откуда-то слышится музыка. Я посмотрел время: было два часа ночи. Играли священные флейты. Они играли примерно по пятнадцать минут, потом их тихие звуки ненадолго смолкали и появлялись снова. Я на всякий случай начал записывать флейты на диктофон. Через сорок пять минут сон и монотонная мелодия победили, я выключил диктофон и заснул. Я просыпался еще несколько раз, музыка играла.

Окончательно встав около семи часов утра, я не услышал больше музыки. Оказывается, ее слушали ночью оба моих спутника. Вряд ли специально для приезжих, которые неизвестно спят или нет, будут целую ночь играть флейты. Позавтракав, мы отправились в мужской дом. Там уже собрались мужчины, которые готовились к празднику. Они натирали

тело маслом ореха пеки, перемешивая его с золой, — это позволяет защитить кожу от солнца. Любопытно было наблюдать, что самые «состоятельные» вместо натурального масла использовали что-то вроде солидола из жестяных банок.

Затем на промасленное тело наносятся рисунки. У каждого члена племени рисунки свои. У одного — крылья бабочки с круглыми пятнами, у другого — крылья летучей мыши, у третьего — абстрактные пересекающиеся линии. Красная краска изготавливается из плодов кустарникового растения уруку (лат. *Bixa orellana*). Сначала семена вываривaются в воде, затем полученную жидкость процеживают и, наконец, сгущают на медленном огне. Именно этой краске, которая, по словам индейцев, защищает от укусов москитов и предохраняет тело от ожогов, они обязаны своим цветом кожи.

Настоящий цвет кожи индейцев Южной Америки — светло-коричневый. Его можно увидеть, посмотрев на затворников. Затворничество — своеобразный обычай инициации. Молодому человеку или девушке, вступившим в период полового созревания, на год запрещается выходить из дома при свете солнца. Это означает, что они перестают красить свое тело, а также избегают солнечного света. Такие «инициируемые» становятся похожи на очень загорелых европейцев. После окончания срока затворничества вновь начинает использоваться краска, и индейцы вновь становятся краснокожими.

Однако вернемся в мужской дом. Кроме раскраски тела значительное время уделяется прическе. Форма прически у всех шингуано одна — под горшок, а вот раскраска волос у всех разная. Интересно отметить, что, пока танцоры украшают себя, трое мужчин внутри мужского дома продолжают играть на флейтах, так же как это делалось ночью.

Около полудня начинаются танцы. Один из мужчин отбивает ритм на ручном барабане «тинка», другой стоит рядом и задает ритм маракасом. Сначала на площадку выходят старейшины. Это в нашей культуре танцы — дело молодежи, а у индейцев — общее. За каждым двадцатиминутным танцем следует небольшой перерыв. Постепенно к старейшинам присоединяются более и более молодые люди. Примерно в четыре часа выходят первые девушки.

Мужчины танцуют, стоя в кругу диаметром около десяти метров, то сужая, то расширяя его. Девушки стоят поодаль, образуя круг метров в тридцать. Подчиняясь законам танца, на определенном этапе мужчины начинают расширять свой круг. Когда они подходят близко к девушкам, те могут схватить один из длинных листьев, из которых состоит «юбка» мужчины, и дальше следовать в танце за ним. Девушки не делают почти никаких движений — они только следуют за танцующими мужчинами, держась за их «юбки». К пяти часам на площадке остается одна молодежь. Взрослые сидят в мужском доме и ведут неспешные беседы.

Танцы кончаются в темноте, около восьми часов вечера. Мы уходим с площадки вместе с последними танцорами. Примерно через час из мужского дома вновь слышится чарующая музыка флейт.

Семь перерождений маниока. На следующий день все мужчины деревни, вооружившись топорами и прихватив бензопилу, подаренную Национальным фондом индейцев, выходят на расчистку новой плантации. Все мужчины — не преувеличение: от деревни к лесу тянется длинная цепочка мальчиков, мужчин и стариков всевозможных возрастов. Примерно через два часа работы на территории примерно сто на двести метров нет ни одного стоящего дерева. Руководит работами сын вождя. В дальнейшем здесь будут выращивать маниок (лат. *Manihot esculenta*).

Маниок в сыром виде ядовит, поскольку в его клубнях содержится ядовитое вещество — гликозид синильной кислоты, или линамарин. Для того чтобы избавиться от него, ваура растирают мякоть клубней на специальных терках, затем многократно промывают; значительная часть гликозида растворяется водой и выходит из мякоти. Для удаления остатков линамарина протертая мякоть выкладывается тонким слоем на солнце, тогда остатки ядовитых веществ испаряются. Полученную массу перемалывают и изготавливают из нее муку — тапиоку. А уже из этой муки изготавливаются лепешки.

Многочисленные стадии обработки маниока заставляют задуматься над такой проблемой, как освоение земледелия. И сейчас во многих учебниках по истории первобытного общества говорится о том, что древний человек открыл земледелие «случайно». Согласно одному из объяснений, «теории культа предков», неолитические люди кидали в могилы умерших зерна, а затем, увидев, как они всходят, догадались сажать их регулярно. Подобных теорий огромное множество, и каждая из них похожа на правду. Однако представить себе, что весь способ превращения маниока в тапиоку — от посадки клубней до изготовления муки — был открыт случайно, почти невозможно.

Через три месяца поваленные деревья будут сожжены. Затем землю измельчат мотыгами и посадят маниок. И только через год можно будет собирать первые клубни маниока. Такая плантация дает урожаи в течение нескольких лет.

После возвращения мужчин в деревню женщины приносят еду. Основные блюда: тапиоковые лепешки «бейжу» и что-то вроде пюре из вареной с костями рыбы — «уакула». К этим блюдам подается «аканья» — напиток из растертых орехов пеки. После трапезы все расходятся по домам. На следующий день мы ездили в соседнее племя камаюра, затем побывали на других плантациях, присутствовали при изготовлении керамики, на рыбной ловле и традиционной борьбе «ука-ука».

Ваура превзошли наши ожидания. Они, конечно, контактируют с европейцами. Тот самолет, который увозил нас из деревни, привез туда нескольких молодых ваура, вернувшихся из города Канарана с бутылками кока-колы. В хижине шамана стоит огромный телевизор, который молодежь со всей деревни собирается смотреть по вечерам. Но не все: часть молодых людей сидит по вечерам около мужского дома и ведет неспешные беседы. В домах из европейских предметов — только кастрюли и фонарики. Все остальное — свое, изготовленное по традициям предков.

Самое главное — это то, что ваура пока сохраняют ценности традиционной культуры. Племена шингуано из-за их небольших размеров и очень различных языков оказались неинтересны для миссионеров и вплоть до начала XXI века не знали ни начального образования, ни проповедников. В течение XX века Национальный фонд индейцев оберегал индейцев парка Шингу от резкого вторжения цивилизации. Они жили в своем мире, в котором постепенно появлялись самолеты, телевизоры, бензогенераторы и кока-кола. Но этот новый мир формировался и все еще формируется по собственным правилам — законам ваура, полученным от далеких предков. И он будет существовать, пока люди верят, что плодовитость маниоку приносит на своих крыльях дух Кагаапа.

В гостях у старообрядцев Мату-Гросу. Мы вновь садимся в «Цессну» и улетаем в Канарану. Оттуда наш путь лежит в Куябу, Сан-Паулу и домой. По дороге в Куябу решаем заехать в местную русскую колонию. Начинаем искать. Приезжаем на одну фазенду — там бразильцы, на другую — то же самое. Наконец, на третьей фазенде видим мальчика лет десяти в джинсах и косоворотке, подпоясанной плетеным поясом. На веранде сидят две женщины в платьях покроя XIX века. «Bom dia!» — говорит мальчик. «Бонджиа! — отвечаю я. — Ты говоришь по-русски?» — «Да». Контакт установлен.

Старообрядческая община штата Мату-Гросу является одной из наиболее крупных и влиятельных во всей Южной Америке. Старообрядцы попали в Бразилию в середине XX века из Китая, куда они бежали от религиозных преследований советской власти. Первоначально наши соотечественники попали в южные штаты страны, ближе к Рио-де-Жанейро. Затем расселились во внутренние районы — Мату-Гросу, Гояс, а также за пределы страны — в Боливию, Аргентину и Уругвай. По местам исхода из Китая старообрядцы делятся на харбинцев и синьцзянцев. Мы попали на одну из небольших фазенд харбинцев.

Хозяйка фазенды Ефросинья приглашает нас на веранду. Сразу поражает местный говор. Дореволюционные нормы соседствуют со словами, заимствованными из бразильского португальского: «В Масапе у нас школа на русском языке. А здесь мы живем одне, вокруг тольке бразилиане. Дети ходят в местную школу. Оннибус приезжат прямо

к фазенде». Слово «оннибус» ('автобус') произносится на бразильский манер, с назальным «н». А вот другие слова и значения, необычные для современного русского языка: «зачать» — 'начать делать что-то', «выдержать» — 'выпить спиртного' и «гре́мнуть» — 'позвонить'.

Старообрядцы Бразилии не являются строго закрытым сообществом. Наша собеседница много путешествовала. В 2006 году побывала в Красноярске, где проживают ее дальние родственники. Ефросинью поразило в России, что здешние старообрядцы ходят по деревне в сшитых платьях, а для поездок в город облачаются в покупную одежду. «Зачем это надо, — удивляется она, — мы здесь всегда платья носим: и в магазин, и в Куябу, и в Россию я ездила так. Что стесняться?» В 2008-м была в США, в штате Миннесота, тоже у родственников: «Не поглянулась мне зима. Жутко холодно. Минус тридцать!» Они пользуются сетью «Интернет»: «Старики говорят, что не надо туда заходить. А как без того? Цены на маис и фижон ['фасоль'] надо смотреть. Так тайком заходим».

2018 год. Второе возвращение в Меланезию: Вануату на страницах книг

Welkom long Vanuatu! Вануату — современное самоназвание государства, расположенного на островах Новые Гебриды в южной части Тихого океана между островами Фиджи, Новая Каледония и Соломоновыми островами. В переводе с одного из автохтонных языков название страны обозначает 'эта земля навсегда' или 'вечная земля'. Здесь разговаривают на нескольких десятках местных языков, которые называются «ток-плес» (от англ. *to talk* — 'разговаривать' и *place* — 'деревня'). Общегосударственным языком считается неомеланезийский пиджин «биш-ля-мар», или, как произносят здесь, «бислама». Кроме этого, каждый житель страны обязательно говорит на английском и французском. Это наследие англо-французского кондоминиума, который существовал здесь с 1906 по 1980 год, пока Новые Гебриды не получили независимость.

Несмотря на то что многие люди никогда не слышали названия Вануату, они наверняка знают многое из того, что считается местными особенностями. Ни-вануату — жители этой страны — в 2006 году завоевали первое место в списке Международного индекса счастья. Так что, если вы размышляете о счастливом месте под ярким тропическим солнцем, вы представляете себе Вануату. Если вы слышали о карго-культах — ритуалах, связанных со строительством самолетов из сухой травы и веток, взлетно-посадочных полос в джунглях, то вы знакомы с еще одной визитной карточкой Вануату — движением Джона Фрума. Все это, как и самый легкодоступный в мире действующий вулкан Ясур, подводная и вулканическая почта, затопленные американские эсминцы времен Второй мировой войны, — достопримечательности Вануату. Крупнейшие острова Вануату — Эфате (столичный остров), Эспириту-

Санто (крупнейший остров), Малакула (там в 1969 году был засвидетельствован последний в мире случай людоедства) и Танна (местонахождение адептов Джона Фрума и вулкана Ясур).

Когда говоришь о такой далекой стране, часто даже не приходит в голову, что в ее истории есть несколько страниц, и очень важных страниц, связанных с Россией и русскими людьми в южных морях. Наш рассказ будет именно об этих страницах.

1809 год. Остров Танна. Порт-Резолюшн. 25 июля 1809 года русский шлюп «Диана» под командованием капитана Василия Михайловича Головнина бросил якорь в гавани Порт-Резолюшн в южной части острова Танна. Появление здесь русского корабля заслуживает отдельного, обстоятельного разговора.

Василий Головнин родился в 1776 году в селе Гулынки Рязанской губернии в имении отставного капитана Преображенского полка Михаила Васильевича Головнина. В 1793-м окончил Морской кадетский корпус, после этого служил на различных военных судах. С 1802-го в течение четырех лет служил волонтером в Военно-морском флоте короля Великобритании Георга III. Он плавал по Атлантике на фрегате «Фисгард», караулившем у порта Кадис флот французского адмирала Вильнёва. Именно этот флот в 1805 году будет разгромлен адмиралом Нельсоном у мыса Трафальгар. Однако в этой битве Головнин не участвовал: «Фисгард» ушел с заданием в Вест-Индию.

Весной 1806 года, после возвращения в Россию, Головнин был назначен капитаном военного шлюпа «Диана», но лишь 25 июля 1807 года корабль отплыл из Кронштадта к берегам Русской Америки. К этому времени международная обстановка изменилась: на Немане под Тильзитом Россия заключила с наполеоновской Францией мирный договор, который был направлен против Великобритании. Благополучно миновав Туманный Альбион, шлюп взял курс на Мадейру, а затем двинулся в сторону Южной Америки в надежде обогнуть мыс Горн. В январе 1808 года «Диана» вошла в пролив Дрейка и несколько недель безуспешно боролась со встречными ветрами. Головнин принял решение идти в Атлантику через Индийский океан, отремонтировав судно, пополнив запасы провизии и дав отдых экипажу в Южной Африке. В Кейптауне корабль задержали для выяснения его статуса. Шлюп «Диана» был военным кораблем, а Великобритания и Россия находились в состоянии войны. При этом у плавания были мирные цели, и капитан Головнин имел сопроводительное письмо от лондонского адмиралтейства. Шлюп пробыл в плену в Саймонс-Бэй тринадцать месяцев. Запасы провизии были недостаточными для длительного перехода: англичане не давали закупать больше необходимого для текущих нужд. В корабельной казне кончались деньги.

Головнин принял решение бежать. Ночью 15 мая на «Диане» были подняты стаксели, и в полной тишине корабль прошел мимо английской

эскадры и вышел в море. Там были подняты реи, поставлены паруса, и шлюп с попутным ветром двинулся на юг, стараясь оторваться от возможной погони. Почти через два месяца корабль обогнул с юга Тасманию и начал подворачивать на север. В сумерках 24 июля, узнав «по описанию Кукову» остров Танна, «приметный по огнедышащей горе», Головнин принял решение бросить якорь в гавани Резолюшн: запасы провизии были на исходе. Именно таким вошел в бухту шлюп «Диана». По предположению самого Василия Михайловича, «Диана» была вторым европейским кораблем, бросившим якорь у острова.

Днем 26 июля на палубу поднялся вождь Гунама. Головнин, используя все свои способности жестикуляции и словарь Кука, попытался объяснить ему, что они представители многочисленного и богатого народа русских, шлюп называется «Диана» и ему надо пополнить запасы воды и продовольствия. Гунама слушал внимательно, но понял все не совсем так, как надеялся капитан. Он объяснил всем своим спутникам, что капитана зовут Диана, и это имя использовалось все последующие дни. Кроме того, Гунама спросил, есть ли у русских женщины, и уточнил, что богатый народ не может жить без женщин. Гунама указал место, где можно набрать воды. Каждый день меланезийцы прибывали на корабль и выменивали пищу на европейские вещи. Причем, как замечал в своих дневниках Головнин, «блестящие безделушки они предпочитали инструментам».

Туземцам дозволялось подниматься на корабль; ни разу, пишет капитан, члены команды «не были обмануты в торговле», хотя о таких случаях писал Кук. Кроме того, меланезийцев было несколько сотен в прибрежных деревнях и они могли бы легко захватить корабль, но ни разу не предприняли такой попытки. Когда 31 мая шлюп поднял якорь и двинулся в открытое море, его нагнала лодка вождя Гунамы. «Диана, Диана!» — кричал он, обращаясь к Головнину, и показывал на то место в бухте, где стоял корабль. На глазах у некоторых туземцев были слезы.

Этот эпизод взаимоотношений двух стран остался в истории, причем как в европейском ее понимании, так и в особом мифо-историческом сознании людей Танны. Летом 2009 года в столице Вануату Порт-Виле по инициативе фонда «Н. Мишутушкин — А. Пилиоко» был установлен бюст контр-адмиралу В. М. Головнину в честь 200-летия контактов России и Вануату. А в мифах острова Танна о таинственном Джоне Фруме говорится, что впервые Джон Фрум явился жителям острова около деревни Грин-Пойнт (название деревни, расположенной около гавани Резолюшн) и там впервые состоялась его проповедь.

1879 год. Остров Эфате. Хаванна-Харбор. Вторая русская страница истории Вануату открывается в 1879 году, но закрывается только через 129 лет, в 2008-м. 27 апреля 1879 года шхуна «Сэди Ф. Кэллер» под американским флагом встала на якорь в гавани Хаванна. Эта гавань образуется четырьмя островами: Лелепа, Эретока (который также

называется островом Маклая и островом Шляпы, потому что по форме напоминает этот предмет гардероба), Эфате и Моссо. На борту судна находился русский естествоиспытатель Н. Н. Миклухо-Маклай.
В течение двенадцати дней он ездил на острова Лелепа и Эфате (сам он называл его Фате) и делал зарисовки предметов культуры местных жителей, изображал их самих. Интерес ученого к острову Лелепа объясняется тем, что именно здесь располагалась община, которая позже всех в округе Эфате приняла христианство — только в 1898 году. 8 мая «Сэди Ф. Кэллер» поставила паруса и ушла на север, к острову Эспириту-Санто.

В это время поселение у порта Хаванна было крупнейшим на Новых Гебридах. Оно было основано в 1849 году британским капитаном Джоном Эрскином. Первая половина 1870-х годов была пиком расцвета этого поселения. Оно насчитывало 31 колониста, преимущественно из англичан. На склонах гор рос хлопчатник. Однако в середине того же десятилетия цены на хлопок упали и колонисты начали разоряться.
В 1878 году на поселение обрушился ураган. Миссис Мэри Джейн Милн, жена местного миссионера, писала в своем дневнике, что «от берега до самых вершин холмов не осталось ни одного зеленого листочка, ни былинки», «с деревьев и кустов была почти целиком сорвана кора».
В разрушенном поселении начались болезни. В 1882 году резиденция британского губернатора была перемещена в поселение Франсфиль, основанное французскими колонистами примерно в 20 километрах к югу по побережью. Этот город под именем Порт-Вила стал столицей Новых Гебрид, а позже — Вануату.

В 1879 году визит Н. Н. Миклухо-Маклая остался незамеченным местными жителями: слишком много европейских судов стояло в порту Хаванна. Никак не отмечено пребывание русского ученого в деревушке Лелепа преподобным Питером Милном, местным миссионером. Однако о русском ученом и его материалах снова вспомнили в XXI веке. В 1980 году Вануату стало независимым государством, а в конце 1990-х местные активисты стали пытаться включить что-то из памятников острова в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО. В начале 2000-х стало ясно, что наиболее вероятные претенденты на роль памятника — три объекта на разных берегах давно не используемого порта Хаванна. Это пещера Фельс, в которой находятся наскальные изображения XIII века, Мангаас, резиденция вождя Роя Маты на острове Эфате, и его могила на острове Эретока (рубеж XIII — XIV веков).

Однако возникло несколько проблем: Мангаас, очень важный для меланезийцев сакральный объект, представлял собой заросли джунглей на территории поселка, заброшенного в XVI веке. Для включения его в Список ЮНЕСКО требовалось, чтобы там находились памятники, созданные человеком, а их не было. Более того, пресвитериане, которые проводили христианизацию местного населения в XIX веке, отличались жесткостью и последовательностью в искоренении всего языческого. Все

резные изображения они считали идолами и уничтожали. Уже в первые десятилетия XX века все деревянные фигуры сгнили, а к 1960-м годам не осталось ни одного мастера, который смог бы их восстановить.

В 2001 году австралийский антрополог Кристофер Баллард, работавший на острове Лелепа, привез участникам проекта несколько документов конца XIX века для восстановления дохристианских культурных практик. Это были дневники миссионера Милна, свидетельства нескольких французских путешественников, несколько отпечатков фотографий со стеклянных негативов, а также рисунки Н. Н. Миклухо-Маклая. Именно последние вызвали наиболее живое обсуждение. Дело в том, что они представляют собой «графический дневник», где наряду с самим изображением содержатся местные названия его частей, прорисовки орнаментов и имена людей, от которых записаны названия. Для местных жителей это была настоящая возможность пообщаться с предками, «увидеть» и «услышать» их. По рисункам Маклая мастер Маньяру создал щелевой барабан, который был установлен в Мангаасе.

Судьба этого барабана заслуживает нескольких слов. В 2008 году именно благодаря барабану как рукотворному объекту Мангаас стал частью объекта Всемирного наследия ЮНЕСКО «Владения вождя Роя Маты». В 2006 году барабан был установлен лицевой стороной к Мангаасу, но спустя какое-то время, по рассказам местных жителей, не упав, он развернулся лицевой стороной к морю: «Значит, Рой Мата принял подарок». Итак, рисунки русского путешественника позволили местному сообществу вписать свои святые места в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Однако, что более важно для меланезийцев, рисунки дали им еще одну возможность коммуникации с предками. Для традиционного общества это — бесценный дар.

1890-е. Меланезийские работники на австралийских плантациях. Рождение карго. Классические карго-культы, адепты которых поднимают американский флаг и маршируют с ружьями, ведут свое начало с 1942 года. Однако процессы, которые сделали появление этого культурного феномена возможным, начались в конце XIX века.

Итак, во второй половине XIX — начале XX века формально рабства уже не существовало. Однако в Океании и Африке полным ходом шла «охота на черных птиц». Капитаны европейских судов дарили вождям недорогие подарки, а те в ответ разрешали заключать десятилетние договоры с рядовыми общинниками о работе на плантациях. Реальное положение таких контрактных рабочих мало чем отличалось от положения настоящих рабов. Они в большом количестве гибли, подвергались побоям, жили в невыносимых условиях. Те из них, кто возвращался на родную землю, смотрели на европейцев совершенно иными глазами.

Эти люди испытали нищету. Как ни поразительно это звучит, но традиционная культура не знает нищеты и голода. Любой папуас, австралийский абориген или американский индеец всегда может найти себе пропитание. Джунгли полны животными, съедобными кореньями, кокосовыми орехами и прочими плодами. В реках и морях водится множество рыбы и других животных. Как показали статистические исследования, охотники и собиратели тратят на поиск пропитания около трех-четырех часов в сутки, что в два раза меньше, чем продолжительность дня любого европейского служащего. Туземец ест понемногу, но минимум два раза в день, а в основном чаще. Длительное голодание — более одного дня — изобретение земледельческой цивилизации, которая зависит от урожая, собираемого раз в год, и степени его сохранности. Джунгли же всегда открыты для охотников и собирателей.

Познав на плантациях голод, рабочие совершено иначе взглянули на белых людей. Европейцы не представлялись им больше избранниками Бога, которым следует подчиняться. Они казались просто более искусными знатоками магии. Их магические знания приносили множество еды. Все, что прибывало на кораблях, именовалось европейцами словом «карго» (от англ. *cargo* — 'груз'). Туземцы считали, что карго посылают предки. А как иначе может традиционный человек объяснить, что люди, которые сами не сажают ямса и таро, не охотятся на животных, постоянно получают еду? В разных частях земли охотники и собиратели стали наблюдать за европейцами, чтобы узнать, что за магические действия они совершают для получения карго.

Оказалось, что жизнь белых людей переполнена разнообразными действиями, бессмысленными с хозяйственной точки зрения. С утра европейцы выходили из домов и поднимали флаг на флагштоке. Они значительное время тратили на принятие пищи, причем специально для этого ставили длинные столы, которые украшали цветами. Вместо работы отправлялись в загадочные культовые места, которые называли словом «офис». Именно эту магию и попытались освоить возвращавшиеся домой рабочие.

1942 год. Остров Танна. О культе Джона Фрума подробнее. Новая волна карго-культов захлестнула Меланезию после Второй мировой войны. В 1942 году для предотвращения захватов островов японцами туда были высажены американские десанты. И папуасы увидели всю силу предков. Небольшие группы военных за короткий срок построили взлетно-посадочные полосы, и на них стали ежедневно прибывать самолеты с грузом. Там были и самодвижущиеся автомобили, и одежда, и продукты питания, включая особо ценимые папуасами банки с тушеным мясом. Какой же магией пользовались эти люди? Один из отрядов морпехов базировался на острове Танна, в архипелаге Новые Гебриды. В отряд входили чернокожие унтер-офицеры, которые

отдавали приказы белым. Подобная ситуация была удивительна и разрушала миф о том, что чернокожие должны подчиняться белым за ошибки предков. Более того, «племя морпехов» казалось поистине удивительным. Они каждый день надевали определенную одежду, становились ровными рядами, поднимали флаг и маршировали по кругу. Изучение этой магии и получение с ее помощью богатств и составило основу движения Джона Фрума — карго-культа, существующего на Танне по сей день.

Ученые полагают, что фамилия Фрум происходит от сокращения словосочетания *John from America*. Однако современные местные жители зовут его Джон Брум. Джон Фрум появлялся перед пророками племени внезапно: они слышали звук летящего самолета, а затем из леса выходил Джон. Он разговаривал с вождями деревни Ипикель, рассказывая им о мире. В ходе одного из разговоров он сказал, что белые получают карго, потому что строят аэродромы. Если бы папуасы строили аэродромы, то самолеты предков прилетали бы и к ним.

После этого на вершинах гор, повыше к небу, развернулось строительство взлетно-посадочных полос. На них возводились бамбуковые вышки, из тростника изготовлялись наушники и антенны, ночью взлетную полосу подсвечивали вереницы костров — деятельность персонала аэропорта повторялась очень точно. В некоторых местах даже изготовлялись самолеты из добытого у европейцев картона. Однако карго не прибывало.

Во время другого визита Джон Фрум вручил старейшинам американский флаг, завещал стоять под этим флагом и сказал, что скоро они станут свободными от колониалистов. Он также сказал, что чернокожие начнут водить самолеты, корабли и грузовики, носить европейскую одежду, есть европейскую еду… Очень правдоподобным выглядит предположение о том, что один из американских капралов вел подобные разговоры с местными жителями. Все слова выглядят вполне в духе тех лозунгов, которые провозглашали США на протяжении XX века. Однако достоверных свидетельств этому в распоряжении исследователей пока нет.

Вместе с тем жители деревни Ипикель ежедневно на протяжении почти семидесяти лет поднимают на флагштоке американский флаг. Ежегодно 15 февраля на площади в центре деревни устраивается парад. Местные жители надевают камуфляжную одежду, кто побогаче — нашивает на нее пять букв: *USA TA (USA Tanna Army)*, кто победнее — рисует эти буквы на спине и груди. Из мужского дома извлекаются заостренные бамбуковые палки, и люди маршируют строем несколько раз вокруг флагштока с поднятым американским флагом.

Интересно отметить, что в 1960-1970-е годы подобные легенды широко распространились по Океании. В предании с острова Кранкет говорится: «Маклай подарил им флаг и сказал: „Позже я вернусь к вам“. Он также дал им мясо, консервированную рыбу и прочую еду. Этот флаг

стал священным предметом, во время празднеств его носили повсюду». Кранкет и соседние острова называются в дневниках Миклухо-Маклая островами Довольных Людей. Причем ничего о дарении флага в записях нет. Скорее всего, легенда пришла на Кранкет по сарафанному радио, а неизвестный Джон Фрум был заменен на близкого и понятного Маклая.

Будет ли рай на земле? Для европейца карго-культ — это культ без смысла. Движение Джона Фрума стало известно широкой публике благодаря тому, что о нем упомянул в одной своей речи известный американский физик Ричард Фейнман. Он указал на то, что в ряде наук, таких как психология и психиатрия, ученые воспроизводят все атрибуты научной деятельности, при этом оставаясь в рамках псевдонауки. Таких псевдоученых Фейнман сравнил с папуасами острова Танна, которые делают наушники из листьев и антенны из бамбуковых палочек и думают, что к ним прилетят настоящие самолеты. Именно такое мнение о карго-культах, или «религии самолетопоклонников», наиболее широко распространено.

Но насколько это правильно? Многие исследователи, сталкиваясь с подлинными приверженцами культов, отмечали их глубокую, подлинную веру. Один из исследователей, Дэвид Аттенборо, приводит такой ответ на вопрос о призрачности пришествия карго: «Сэм оторвал глаза от земли и посмотрел на меня: „Если вы можете ждать Иисуса Христа две тысячи лет и он не приходит, то и я могу ждать Джона Фрума больше, чем девятнадцать лет“». С такого ракурса культ выглядит гораздо более осмысленным.

Поменялся и культ Джона Фрума. Нынешний староста деревни Ипикель Маливан Кельма так рассказывает о пришествии карго: «Джон Брум говорил, что скоро наступят времена, когда наши братья будут водить грузовики, носить часы и европейскую одежду, управлять судами и самолетами. Богатства сами будут прибывать на остров. Так говорил Джон Брум. Сейчас мы водим машины, носим футболки и шорты, люди из Порт-Вилы работают летчиками и капитанами. Пророчество осуществляется. К нам на Танну приезжают белые туристы, они живут здесь и платят нам деньги. Это и есть карго. Вы — туристы — вы и есть карго, о котором рассказывал Джон. Раньше старейшины думали, что богатства будут прибывать в виде одежды или еды. Но теперь мы понимаем, что богатства прибывают с туристами, которые привозят деньги, дают людям работу». Комментарии излишни.

За XX столетие карго-культы серьезно трансформировались. Мифы, в центре которых было ожидание пришествия божества, везущего богатства, взлетно-посадочные полосы, бамбуковые антенны и картонные самолеты, ушли в прошлое. На смену им пришли идеи об организации туристического бизнеса, поддержании порядка в государстве, необходимости изучения родного языка, налаживания обмена с далекими «тамо русс». Но, кроме вполне реальных бизнес-

задач, в культах присутствует и этическое начало. На берегу Маклая это идея культурной близости с Россией. Люди Бонгу и русские люди — братья, и именно для этого надо налаживать обмен с далекой Россией. На Танне это кастом, почитание законов предков. Жители Вануату — самые законопослушные во всей Океании, а уровень преступности на Танне — один из самых низких в мире.

1961 год. Остров Эфате. Панго (предместье Порт-Вилы). В 1961 французский художник с непонятной для соотечественников фамилией Мишутушкин купил гектар земли в Панго — предместье Порт-Вилы, столицы кондоминиума Новые Гебриды. На этой земле он разбил сад, построил две студии для занятия живописью: одну для себя, другую — для своего коллеги и соратника, уоллисца Алоиса Пилиоко, а также открыл музей искусства народов Океании. А в 1970 году парусное судно «Витязь», двигаясь по маршруту путешествия императорского русского фрегата «Витязь» 1870 года, бросило якорь в гавани Порт-Вилы. В один из дней на борт поднялся коренастый человек в гавайской рубахе и с короткой стрижкой. Он заговорил на чистейшем русском языке: «Николай Николаевич Мишутушкин, художник, соблаговолите посетить мое поместье и музей». Как, наверное, непривычно для уха советских моряков звучали слова «соблаговолите» и «поместье», да еще и в малознакомом тропическом мире…

Николай Николаевич родился в городе Бельфор в регионе Бургундии Франш-Конте в 1929 году, в семье потомка терских казаков, уроженца Тифлиса, офицера-галлиполийца Николая Ивановича Мишутушкина. Его воспитали русским человеком, бережно хранившим на чужбине любовь к отчизне, русской культуре и всему тому, что сейчас принято называть «русский мир». Он учился в местной гимназии, параллельно брал уроки живописи у Леона Делабра, куратора Бельфорского музея, и… мечтал стать танцором. Он продолжил обучение в Париже: экономике по настоянию родителей и живописи по влечению души. В 1953 году он отправился с котомкой за плечами по свету: Тунис, Египет, Ирак, Иран, Афганистан, Индия, Непал, Тибет, Бирма, Таиланд и Вьетнам… О своем путешествии он писал заметки на русском языке и публиковал их в русскоязычной парижской газете «Русская мысль».

В 1957-1959 годах проходит службу во французской армии на заморской территории Новая Каледония. С этих пор его душа навсегда осталась в южных морях. В 1959 году он открывает художественную галерею в Нумеа. В том же году происходит его знакомство с Алоисом Пилиоко. Алой в то время подрабатывал разнорабочим, а в свободное время рисовал на клочках бумаги. Николай оставил его в студии, и впоследствии это знакомство переросло в творческий союз длиной в десятилетия. Вместе они отправляются на Новые Гебриды, где покупают землю и посвящают жизнь делу своей мечты — живописи и коллекционированию предметов культуры южных морей. В 1987-1993

годах предметы коллекции экспонировались в СССР (а потом — России) и побывали в Хабаровске, Новосибирске, Ереване, Тбилиси, Фрунзе (Бишкеке), Самарканде, Москве и Ленинграде.

Для истории Вануату Мишутушкин важен в первую очередь тем, что участвовал в создании нового герба республики. На гербе кондоминиума была изображена корова, а большинство проектов новых гербов имели христианскую символику. Это не странно, ведь Уолтер Лини — лидер «Вануааку пати», одной из сильнейших партий страны, — был пресвитерианским священником. Мишутушкин предложил сделать голосование закрытым. Вопреки прогнозам, с большим перевесом победил современный герб с изображением воина, кабаньего клыка, листьев саговника и силуэта вулкана. Воин в традиционном одеянии и вулкан — символы древних традиций, которые до сих пор в почете на островах. Саговник — символ мира, а клык — богатства. Надпись на неомеланезийском (бисламе) гласит: *Long God Yumi Stanap* ('мы стоим под Богом').

В 2009 году Мишутушкин инициировал установку бюста Василию Головнину на главной набережной столицы Вануату; на открытие прибыли делегация из России и объединения соотечественников из стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

В 2010 году Николай планировал установить второй бюст адмиралу — на острове Танна, планировал провести Второй международный фестиваль русской культуры на Вануату. Было еще множество планов… Однако 2 мая Николай Мишутушкин скончался в больнице на Новой Каледонии.

Он мечтал продолжить дело своего тезки Н. Н. Миклухо-Маклая и сделать так, чтобы культурно-исторические связи между Россией и Океанией не прерывались никогда. Его дело продолжает его друг — «русский полинезиец» Алой Пилиоко. После смерти своего соратника по искусству он подписывает все свои произведения «НикАлой», это его новый творческий псевдоним. Творчество Пилиоко — синтез художественных традиций Меланезии, Полинезии и Юго-Восточной Азии. Его рисунки и барельефы украшают несколько зданий в Порт-Виле. Алой немного разговаривает по-русски. Все русскоязычные путешественники на Вануату обязательно попадают к нему в дом, в «имение».

Личное знакомство с городскими хранителями карго-культов. Основной целью нашего визита на остров Эфате в 2018 году был сбор информации о городских последователях культа Джона Фрума, а также личное присутствие на Дне Джона Фрума, который отмечается 15 февраля.

Еще по дороге из аэропорта мы познакомились с таксистом по имени Лоран, с ударением на второй слог, поскольку это французское имя. Лоран, как и почти все таксисты на Эфате, выходец с острова Танна. Ни-

танна, или мантанна́ (оба выражения переводятся как «люди острова Танна», первое с австронезийских, второе — с бислама), «держат» всю прибыльную сферу таксования в Порт-Виле. Лоран говорит на английском, но, когда разговор заходит о Танне, переходит на французский. Говорит, что население Танны живет недалеко от кругового перекрестка, где сходятся дороги из аэропорта, круговая дорога, опоясывающая весь остров Эфате, и столичное шоссе.
В полутора километрах от этого места разместились фавелы: под сенью кокосовых пальм стоят дома, построенные из остатков строительных материалов, традиционные турлучные конструкции. Тут-то и следует искать адептов Джона Фрума.

13 февраля отправляемся на разведку. Лоран завозит нас в поселок. Здесь белым не очень рады: это не туристическая деревня, а местные жители, работающие в основном в гостиничном бизнесе уборщицами и садовниками и знакомые с шикарными колониальными интерьерами отелей, понимают, что своего образа жизни нужно стесняться. Однако агрессии они не демонстрируют. Да и мир не без добрых людей: находится несколько человек, готовых поговорить с нами, рассказать о своей жизни и Джоне Фруме в ней. Разговор завязывается на английском: к нам выходит Стивен, сын старосты, и ведет нас в накамаль — мужской дом, дом, где пьют каву. Я и две девушки-коллеги заходим туда, а сын старосты приносит на руках свою маленькую дочурку. «А разве в накамаль женщинам не запрещено заходить?» — начинаю я разговор. «В Порт-Виле правила соблюдаются не так жестко, как на Танне. Лучше женщинам в накамаль не заходить, но вы же пришли узнать о Джоне Фруме? В каком месте вам еще рассказывать, как не здесь?» — отшучивается Стивен.

Неспешно говорим о разных течениях фрумизма. Если на Танне большинство людей уважает пророка Фреда Наси, совершившего 9 чудес и основавшего движение «Юнити», то на Эфате поддерживают более фундаментального и радикального пророка Айзека Вана. Айзек Ван в 2010 году основал в Порт-Виле посольство Джона Фрума: это было кафе для кавы, такой общественный накамаль в одном из столичных пригородов, куда должны были собираться сторонники Фрума. Тот накамаль так и не стал центром движения в городе, но пророка Фреда здесь уважают меньше, чем пророка Айзека.

Договариваемся о визите 15 февраля. Сначала Стивен пытается отшутиться: «Да, собственно, мы ничего не празднуем. Вам будет неинтересно», — говорит он. Мы продолжаем настаивать. «Ну хорошо, приезжайте ближе к вечеру, — сдается Стивен, — мы рады всем гостям!»

День Джона Фрума. 15 февраля около 16:00 вызываем такси Лорана. Спрашиваем, не надо ли что-то привезти в качестве подарка. Он отвечает, что лучше всего купить кавы, которая на мероприятии никогда

не будет лишней. Тратим около часа на поиски кавы, но все же покупаем и приезжаем к мантанна. Люди уже собираются вокруг накамаля. В этот раз моим девушкам-спутницам даже не дают пройти к площади: оказывается, теперь, когда пришли старейшины, туда можно только мужчинам. Меланезийки с Танны, с которыми остаются мои коллеги, смеются: «Хотите, мы сейчас отдельный праздник устроим, тоже кавы выпьем?»

Я с Лораном иду на площадку у накамаля. Здесь сидят люди и завязывается дискуссия на языке деревни Ипикель о том, можно ли присутствовать мне. Лоран активно жестикулирует, что-то рассказывает, показывает… и вдруг приводит последний, как оказалось, решающий довод: «Oui, il parle français!» (Да, он говорит по-французски!) Отношение резко меняется, ко мне подходят несколько человек моего возраста и начинают по-французски спрашивать, кто я, зачем приехал. Потом говорят: «Хорошо, сиди здесь». Рядом со мной садится молодой франкофон Сэм, который обещает переводить мне то, что будут говорить на языке Ипикель. Французский язык для таннезцев в городе — часть самосознания. Большинство здесь говорит на английском, туристы — почти все на английском. Человек, который знает французский, уже не случайный человек!

Распорядителем тамафы — своеобразной молитвы-диспута — становится член местного парламента, молодой человек лет тридцати пяти. Он разделяет всех людей на четыре группы, которые располагает по сторонам света. Движение «четырех углов» (на бислама *foacona*, от англ. *four corners*) родилось в 1970-е годы, когда культ Джона Фрума вышел за пределы нескольких общин и стал рассматриваться как вера всего острова Танна, а позже и других островов провинции Тафеа. Чтобы прибывшие на большую тамафу не разделялись на маленькие группки, их объединяют по сторонам света: все выходцы из деревень к западу от Ипикель садятся группой к западу от накамаля, все с востока — к востоку и так далее. Распределив всех пришедших на четыре небольшие группы, член парламента начинает дискуссию. Он говорит о важности традиций, о необходимости поддерживать движение Джона Фрума.

Затем слово берет старейший житель фавел. Его родовое имя Нампас, он сын Томи Нампаса, одного из пророков, который лично видел Джона Фрума и сидел за это в тюрьме в 1960-е. Он говорит, что первый флаг, который поднимали 15 февраля 1957 года, был не американский флаг, как обычно пишут и говорят, а красный. Американский флаг появился позже. Символом правильного, красного флага является деревянный красный крест, который установлен в центре той части фавел, где живут мантанна. У меня невольно возникают ассоциации с Советским Союзом и неизвестным появлением коммунистов в Меланезийском регионе. Задаю этот вопрос Сэму, он отвечает, что это маловероятно. Для фрумистов флаг — это символ. Символ независимости (чем, собственно,

и является флаг любой суверенной державы), символ своего пути. Флаг — это крест, а крест — это флаг.

Дальше выступает успешный богатый доктор из Вилы. Говорит о том, что лучше всего память о Джоне Фруме хранят старейшины на самом острове Танна. «Конечно, молодежи нужны деньги и нужно приезжать в Порт-Вилу, работать и зарабатывать деньги… Но если работы нет — нужно возвращаться на Танну. Детей нужно отправлять в школы на Танну. Только так мы сможем сохранить наш кастом». Кастом у городских фрумистов — любая традиция, которая противостоит городской культуре; для них сам культ Джона Фрума — это кастом, знание своего языка — это кастом, любовь к малой родине — тоже кастом.

Дают слово мне, я кратко на французском говорю о том, что традиции надо соблюдать, но не стоит закрываться от современной культуры в целом. Завершает серию речей член парламента, который подводит своеобразный общий итог всему сказанному. Приносят каву. На группу в 100 человек — всего 5 чашек из скорлупы кокосовых орехов. Сын Томи Нампаса не пьет. Сначала выпивают член парламента и участники дискуссии. Затем идем я, Лоран и Сэм — гость и те, кто с ним. Дальше группы вновь смешиваются, начинаются разговоры на свободную тему. Разговариваем с Сэмом и Лораном на французском языке, я вновь задаю вопросы о красном флаге. Подходит член парламента, приглашает провести исследование на Танне. Жить предлагает в его доме, который все равно пустует, поскольку он с семьей живет в Порт-Виле. Соглашаюсь с поправкой, что смогу приехать на Танну в следующий раз, наверное, лет через десять.

Где-то через сорок минут все расходятся. Встречаемся с девушками, которые наблюдали за процессом приготовления кавы в грязных канистрах и настойчиво предлагают выпить лекарства. Они все это время разговаривали с местными девушками. Для таннезцев Порт-Вилы характерно, что в семье муж — фрумист, а жена — христианка. Садимся в такси, прощаемся с нашими новыми друзьями, которые зовут нас приехать еще раз перед отлетом. Просто так, в гости.

Предания о вожде Рое Мате

Следует несколько подробнее описать историю вождя Роя Маты, в особенности мифы и предания о нем, поскольку именно они представляют собой основу как для «взаимодействия» с памятником, так и для идентичности ни-вануату.

Рой Мата появляется в легендах как капитан большого каноэ, пришедшего из-за океана с юга. Вместе со своими спутниками Рой Мата высаживается на самой восточной оконечности острова Эфате, в поселении Маньюра. Он назначает вождей в уже существовавших до него поселениях острова, много путешествует по побережью и наконец основывает свою резиденцию в поселении Мангаас, откуда правит Эфате и его округой. В этой части легенд проявляется особенность океанийской

мифологии, в которой «основатели» и «создатели» земли и природы — не всегда те же лица, что создатели культурных и политических институтов. Так, для большинства островов Меланезии культурный рывок связан с распространением в данном регионе археологической культуры лапита (ок. 1350-250 гг. до н. э.). Считается, что именно носители этой культуры привнесли сюда большие каноэ, керамику, более сложную политическую организацию и, судя по легендам, более проработанную систему родства. Хотя исторически Рой Мата не относится ко времени культуры лапита, его мифическая фигура в полной мере соответствует понятию культурного героя — создателя основ культуры — и не имеет никакого отношения к фигуре демиурга — создателя земли и неба, растений и животных.

Впрочем, легенды живут своей жизнью. Теперь во многих деревнях острова Эфате есть небольшие рассказы о ребенке по имени Рой Мата, который родился на острове, жил в различных деревнях и создал систему матрикланов «нафляк». Независимо от того, родился Мата на острове или прибыл на каноэ, он со временем осознал, что жители острова много времени проводят в сражениях друг с другом, не могут найти общего языка. Однажды он приказал всем своим подданным принести какую-нибудь вещь, которой в их краях было много, в Мангаас. Кто-то принес «вита» (осьминога), кто-то — «нанью» (кокосы), кто-то — «нгмаль» (ямс), кто-то — «крам» (морского гребешка, из раковин которого делают топоры). Вождь Рой Мата объединил всех пришедших с одним типом вещей в группы, которым дал соответствующие имена. Так в деревнях появились кланы Кокоса, Хлебного Дерева, Ямса, Краба, Осьминога и ряд других. К последнему относился сам Рой Мата и его родственники. Рой Мата запретил воевать членам одного матриклана. Так система «нафляк» положила конец «Великой войне на Эфате».

С точки зрения историка и этнографа можно высказать несколько критических соображений в адрес легенды [2]. Во-первых, совершенно отсутствует клан Свиньи, хотя именно свинья считается символом богатства, а свиные клыки были основной денежной единицей в доевропейские времена. Если бы люди несли самое ценное, то 80 % жителей острова должны были бы принести именно свиней. Во-вторых, система «нафляк» является основой землевладения, причем она противостоит другой системе — «наматрао». Наматрао — это земельное право, передающееся по мужской линии от индивидуума к индивидууму. При системе «нафляк» коллективным собственником земли являются женщины, относящиеся к одному матриклану. Согласно легенде, патрилинейная система наследования предшествовала матрилинейной. Более того, матрилинейная система является нововведением, возможно, в какой-то степени изобретением вождя Роя Маты. И именно матрилинейная система наследования принесла мир на Эфате. Выражаясь марксистским языком, коллективное женское землевладение, введенное сверху правителем, предотвратило многочисленные

межплеменные конфликты. Эта фраза, с одной стороны, противоречит всем стереотипным представлениям о развитии культуры в догосударственную эпоху, с другой — звучит вполне созвучно с современными представлениями о роли женщин и войны в истории.

Пещера Фельс. Рой Мата скончался во время праздника «налеоана», который проходил на острове Лелепа в деревне Лоу-Патроу. Праздник «натамвате» был неотъемлемой частью системы «нафляк». Раз в пять лет представители всех общин Эфате собирались в одном месте и угощали друг друга своими дарами. Смысл этого праздника очень близок к таким широко известным этнографическим феноменам, как потлач у индейцев Северо-Западной Америки или мока у папуасов долины Горока в центральной части Папуа — Новой Гвинеи. Особенностью праздника было то, что вожди должны были не только дарить что-то, но и есть. Потребление пищи было одним из состязаний вождей. По легенде, Рой Мата съел очень много пищи и от этого умер. Его тело перенесли в пещеру Фельс на Лелепе, затем отправили в Мангаас на Эфате. Однако вождеская сила «наткар» была настолько велика в присутствии мертвого лидера, что жители Мангааса опасались за свои жизни. Было принято решение захоронить Роя Мату на острове Эретока.

В 1967 году французский археолог Жозе Гаранже провел археологические раскопки на месте погребения вождя Роя Маты на острове Эретока, в его резиденции в Мангаасе на острове Эфате и сделал два небольших шурфа в пещере Фельс. Раскопки дали общую датировку: конец XVI — начало XVII века. Судя по всему, именно к этой дате и относится время деятельности легендарного вождя вождей Эфате. В пещере Фельс присутствуют изображения красного и черного цвета, сделанные рукой человека. По мнению Гаранже, именно черные изображения соответствуют времени Роя Маты. Наиболее известные из них — это собственно фигура вождя с двумя дубинами в руках и черепаха.

Очень важно подчеркнуть, что изображения в пещере живут своей жизнью, которая частично скрыта от глаз людей. Для ее понимания я чуть более подробно опишу наше собственное пребывание в пещере и экскурсию, которую провела нам местная жительница, сотрудница Общества наследия вождя Роя Маты по имени Элен. Пещера представляет собой гигантский свод высотой около 35 метров в известняковом массиве. В плане пещера — неправильный круг диаметром около 40 метров. Когда человек попадает туда, первое, что он видит, — это огромное изображение кабана размером около пяти метров в поперечнике. Элен говорит: «Все изображения в пещере сделаны духами. Часть из них открывается всем, как этот кабан, другая часть — многим, но не всем, третья часть — только местным жителям, а четвертая часть — избранным. А еще есть изображения, которые можете видеть вы, но не могу видеть я». Речь шла о естественных

изображениях, созданных причудливым переплетением трещин и выступов различного цвета на своде пещеры. Помимо кабана, видного всем, нам открывается еще и хвост кита, ныряющего в океан.

Мы подходим к стене, на которой видны изображения, сделанные красным цветом, и черные точки. «Посмотрите, — восклицает Элен, — сколько здесь бабочек! Последний раз столько бабочек в этой пещере было десять лет назад. Значит, вы удачливые посетители. Духи принимают вас». Если даже предположить, что в рекламных целях все посетители являются «удачливыми» и их «принимают духи», то остается еще один интересный момент: животные, оказывается, тоже часть картины, которую видит местный житель. Их наличие или отсутствие, присутствие того или иного вида животных также имеет значение для трактовки диалога с духами, который происходит во время каждого визита в пещеру. «А что это за изображения?» — вежливо интересуемся мы. «А эти черные точки указывают на количество дней, которые проходят со дня равноденствия до того, как приплывают черепахи», — отвечает Элен. И продолжает, включая фонарь на мобильном телефоне: «А вот это — отпечаток руки. Но посмотрите, какой он большой!» Она, находясь на расстоянии около двух метров от стены, подносит руку к фонарику. Тень ее руки совпадает с очертаниями негативного отпечатка на фоне пятна красной краски. «Представляете, каким огромным был человек, чей отпечаток руки вы видите? Возможно, это отпечаток руки самого Роя Маты, а может быть, кого-то из его воинов».

Собственно фигура Роя Маты и гигантская черепаха, отличающаяся от фигуры вождя только толщиной, не вызывают у Элен интереса, и она не останавливается на них подробно. Мы обходим пещеру; у выхода Элен останавливается и, указывая на остров Эретока, видный через отверстие в скале, произносит: «Могила Роя Маты видна отсюда. Он всегда присутствует здесь, в пещере». Опять же, гораздо большее значение здесь, чем в представлениях и культурных практиках европейцев, играют ландшафты и пейзажи. Для нас это не культура, поскольку они не созданы в ходе деятельности человека, но для меланезийцев это очень важная часть культуры, практик, повседневной деятельности. Для Элен важны естественные изображения, «открывающиеся отдельным людям», присутствие и отсутствие животных в пещере, пейзажи, которые тоже несут информацию. Для нас же важны рисунки древних, понимание точек, картинок и пятен…

До свидания, Лелепа! Проведя полдня вместе с Элен в Мангаасе и на Лелепе, мы не столько посетили памятник, включенный в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО, сколько совершили незабываемое путешествие в мир традиционной культуры. Автору этих строк приходилось бывать в знаменитых пещерах с верхнепалеолитическими изображениями во Франции и Испании. Изображения эти имеют множество трактовок, но никто не знает «правильную». Лишь во второй

половине XX века ученые стали обращать внимание на естественные выступы скал, напоминающие голову львицы или что-то еще. Если из европейской пещеры выходишь с неотвеченными вопросами, то нельзя сказать, что в Вануату на все наши вопросы были даны ясные ответы. Однако здесь ты слышишь ответ, не до конца его понимаешь, но знаешь людей, которые могут его растолковать. Собственно, многочисленные толкования видимых всем знаков и есть традиционная, или меланезийская, культура.

Этнографические истоки идей о первобытном коммунизме

Первобытно-коммунистическое общество. Понятие «первобытный коммунизм» впервые появилось в черновиках «Капитала» в 1857-1858 годах. Примечательно, что исходной точкой рассуждения оказалась русская поземельная община. Карл Маркс писал: «Общинную собственность недавно вновь открыли как некий славянский курьез. …А более основательное историческое исследование обнаруживает эту общину как исходный пункт у всех культурных народов. Система производства, основанная на частном обмене, первоначально есть историческое разложение этого первобытного коммунизма». Под этим словами понималось отсутствие собственности, коллективизм при разделе пищи и групповой брак при владении женщинами. В 60-е годы XIX века этот термин широко использовался в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса, а в 20-е годы XX века проник в труды историков-марксистов в Советской России. Но на этом его торжественное шествие остановилось.

Начиная с 1930-х годов термин постепенно начинает вытесняться из научных публикаций. В ходе дискуссий было найдено другое понятие для характеристики первого этапа развития человеческого общества — «родовое». Необходимость замены прежнего названия обосновывалась тем, что при его использовании возникает иллюзия, будто теоретические представления о коммунизме возникли еще до появления самих коммунистических идей. Кроме того, как отмечали участники дискуссий, возникало желание отождествить будущее коммунистическое общество с эпохой первобытного стада. Термин был изъят из научного употребления, но идея, которую он олицетворял, осталась жить. Идея была проста: существование первобытного коммунизма было дополнительным (и для многих людей очень весомым) аргументом в пользу неизбежности смены капитализма коммунизмом, классового общества — бесклассовым.

Эта идея вновь вышла на передний план, когда после Второй мировой войны коммунистическая и капиталистическая идеологии вынуждены были бороться за умы людей третьего мира. Здесь идея первобытного коммунизма пригодилась как нельзя кстати. Коммунизм стал представляться как строй, сохраняющий традиции. Да-да, те самые, идущие от времен первобытности. Капитализм же, напротив, стал

синонимом колониализма, слома традиций, «тлетворного влияния цивилизации». Активно эти идеи использовались для описания противостояния во Вьетнаме. Вьетнамские коммунисты «вьетконги» олицетворяли борцов за независимость, за сохранение собственных традиций, к которым относились и коммунистические идеи. Американские солдаты становились пособниками колониализма. Коммунистическая идеология оказалась в выигрыше, что привело к ответной информационной кампании.

Американцам, как политикам, так и их избирателям, нужен был пример народа, который был бы, с одной стороны, совершенно первобытным, с другой — готовым и, более того, заинтересованным в великодушной помощи людей под звездно-полосатыми флагами. Такой народ нашелся.

Последние люди каменного века. Случай тасадай. В 1972 году на крайнем юге острова Минданао Филиппинского архипелага состоялась встреча американских антропологов и племени тасадай-манобо. Это племя оказалось живым реликтом каменного века. Тасадаи жили в пещерах, не носили одежду, не знали охоты и занимались исключительно собирательством. Как писали ведущие журналы о путешествиях, «самым большим животным, на которое они охотились, была лягушка», а «к диким свиньям и оленям они относились почти как к друзьям». Миролюбие этих людей было поистине всеобъемлющим: «Тасадаи очень ласковы друг с другом, то и дело видишь, как они обнюхивают друг друга, — это заменяет у них поцелуи. Они научились жить в гармонии и согласии не только с природой, но и между собой. Между ними вообще не бывает конфликтов. Насколько мы смогли установить, у них даже не существует слова, обозначающего 'война' или 'борьба'».

Их орудия напоминали экспонаты археологических выставок. Увидев их, один из участников первой экспедиции к тасадаям, антрополог Фокс, воскликнул: «Господи боже! Видел ли кто-нибудь из вас нечто подобное?! Да ведь это чистейший неолит!» В его руках находился топорик, сделанный из небольшого, с куриное яйцо, камня, привязанного гибким камышом к рукоятке из ротанга. Это была настоящая сенсация! И что еще более важно, этот этнографический факт коренным образом изменил расстановку информационных сил. Если раньше вьетконги были воплощением «добрых дикарей», отстаивающих свое право на первобытный коммунизм, то теперь оказалось, что они совсем не дикари. В рамках руссоистской схемы они, как и американцы и европейцы, были испорчены цивилизацией, хотя и в меньшей степени. Коммунистическая же идеология стала не чем-то исконным, а одним из многочисленных социальных недугов, приобретенных в процессе развития. Настоящими «добрыми дикарями» на четырнадцать последующих лет стали тасадаи. Они и слыхом не слыхивали о первобытном коммунизме.

Поразительно, но в многочисленных описаниях нет ни одной сцены дележа добычи или собранных растений: каждый тасадай добывал себе необходимое пропитание сам. Нет и ни одного упоминания о матриархальных отношениях. Как писали журналы, «любопытно, что, несмотря на недостаток женщин, в племени нет полиандрии». Иными словами, описания тасадаев очень напоминали характеристики американского общества: независимость, индивидуализм, строгая моногамия… Но при этом глухая первобытность!

Оставался один единственный штрих: показать, что это общество готово эволюционировать в сторону капитализма под присмотром добрых помощников. В журналах вновь появились многочисленные статьи под заголовками вроде: «Тасадаи — год спустя». Красной нитью проходила мысль о том, что для людей каменного века смертельно опасно в один час столкнуться с болезнями, алкоголем, холодным и огнестрельным оружием и прочими благами цивилизации. В США было создано общество по сбору денег для адаптации тасадаев к современности. В общество сразу вступили актриса Джина Лоллобриджида, которая в то время увлекалась фотографией, авиатор и меценат Чарльз Линдберг, а также политик Джон Рокфеллер IV. Это была протянутая рука помощи, и тасадаи с радостью эту помощь приняли. Журналы писали, что антропологи для них были олицетворением духа Диваты. Все дары они принимали, говоря: «У нас есть все, что нам нужно, но мы очень рады встретиться с Диватой!» На территории племени был организован заповедник, и контакты с пришлыми людьми почти прекратились…

В 1986 году пал режим филиппинского диктатора Маркоса, и в страну приехал швейцарский корреспондент Освальд Итен, желавший встретиться с тасадаями. Оказалось, что пещеры пустуют, а тасадаи живут в домах в ближайших деревнях и носят джинсы. Они рассказали о том, как их просили переодеваться в пещерных людей для телекамер и изготавливать каменные орудия по музейным образцам. Величайший этнографический (или социально-антропологический) обман в истории XX века был раскрыт. Раскрытие обмана не повлекло за собой такого шума, как открытие племени в 1972 году. Французский антрополог Жан-Поль Дюмон обратил внимание на такие факты: тасадаи были открыты и описаны американскими антропологами, а обман был разоблачен швейцарцем и почти не вызвал возмущения в США. Сообщения о тасадаях появились в разгар Вьетнамской войны, и их активно растиражировали ведущие журналы, а известные люди как по приказу вступили в этот фонд. Такое множество совпадений неслучайно, уверен исследователь. Описания тасадай-манобо в прессе — продукт продуманной идеологической кампании. Этот народ воплощал все стереотипные представления о каменном веке, но в то же время его ценности напоминали американские. Война во Вьетнаме кончилась.

Затем исчез Советский Союз. Но борьба с первобытным коммунизмом продолжается.

Не спи — кругом змеи! Случай пираха. В 2008 году широкую известность получила работа Дэниела Эверетта «Не спи — кругом змеи!». Она была издана многотысячными тиражами во многих странах мира. Это книга о племени пираха или, в португальском произношении, «пирараа», небольшом индейском племени, насчитывающем примерно 450 человек и проживающем на реке Маиси в штате Амазонас.
В заглавие книги вынесена фраза, которой индейцы племени пираха напутствуют друг друга перед сном. По их поверьям, засыпая, человек умирает, а просыпается уже совершено другим. Поэтому пираха стараются не спать долго: они дремлют на корточках по 20-30 минут несколько раз в день. Остальное время они проводят бодрствуя.

Читатель, знакомый с тасадаями, заметит в описаниях почти текстуальные совпадения. Например, рассказывая о материальной культуре, Эверетт пишет: «Дома пираха замечательно просты. Кроме „ка ии-и и“ ('вещь-для-дочери'), они делают также „айта ии-и и“ ('вещь-из-пальмы'), менее прочную конструкцию. „Вещь-из-пальмы“ обыкновенно используется на пляже для создания тени. Она представляет собой четыре палки, которые поддерживают крышу, покрытую любыми широкими листьями, как правило пальмовыми. Строится это исключительно для детей. Взрослые будут спать на песке или сидеть на открытом солнце весь день, иногда воткнув вертикально в землю ветку, которая дает немного тени». Вновь минимализм в материальной культуре, хотя и не проживание в пещерах. Ветровой заслон тоже древнейшая форма жилища.

И вновь в поведении исследуемых — тотальное дружелюбие: «Пираха смеются над всем. Они смеются над собственными злоключениями — если резкий порыв ветра разрушает чью-то хижину, ее жители смеются громче других. Они смеются, когда поймают много рыбы. Они смеются, если вовсе останутся без улова. Они смеются, когда наедаются, и смеются, когда голодны. Они всегда трезвые, никогда ничего не выпрашивают, не грубят». Любой человек, побывавший у традиционных народов, знает, насколько это описание необычно. И ровно то же самое писали о тасадаях.

У пираха преобладает моногамный брак: «Учитывая то, что разводы происходят часто, разведенные в общественном мнении не покрываются позором, свободные половые отношения возможны во время танцевальных и песенных мероприятий и людям позволяются сексуальные эксперименты в предпубертатном и постпубертатном возрасте, будет вполне обоснованно предположить, что пираха занимались сексом с большим количеством других пираха. <…> Вместе с тем большинство пираха живут в нуклеарных семьях». И вновь поразительное совпадение. Как и в случае с тасадаями, пираха не должны жить малыми семьями, но тем не менее живут!

В описаниях пираха нет уравнительного раздела пищи. Перераспределение осуществляется, но, скажем так, по взаимной договоренности. «Они спрашивают: „Ты знаешь, как съесть это?“ Это замечательная фраза, поскольку если вы чего-то не хотите, то вы можете отказаться, не вступая в ссору. Все, что вам нужно сказать: „Нет, я не знаю, как это съесть!“» Проблема того, как можно отказаться, полностью надуманная. Например, бушмены могут подарить пришедшему аналогичное количество еды. Я тебе сорок орехов — ты мне сорок орехов! Вроде глупо… Однако этот акт не будет рассматриваться как бессмысленный. Он свяжет двух людей узами уважения. Они обменялись подарками, значит, между ними установилось что-то вроде родства.

Случай пираха поразительно напоминает случай тасадай. Вновь огромное количество людей во всем мире начинает рассуждать о традиционных культурах. Вновь, как по мановению волшебной палочки, появляется народ, который воплощает все стереотипные представления о первобытности. Вновь среди всех социальных институтов этого народа не находятся те, которые являются ключевыми для первобытного коммунизма. Вновь по глубинным ценностям эти люди скорее напоминают американцев, чем все остальные описанные учеными традиционные народы. Единственный вопрос, который остается без ответа: какова цель идеологической кампании второй половины 2000-х годов?

В гостях у православных Уганды

Уганда на карте Африки. Уганда находится в восточной части Африки, граничит с Кенией, Танзанией, Руандой, Демократического Республикой Конго и Южным Суданом. Это чрезвычайно быстро растущая страна. При приросте населения 33 промилле она занимает второе место по этому показателю после другой африканской страны — Малави. Еще более стремительными темпами в стране идет урбанизация населения. Столичный город Кампала увеличился с 68 тысяч населения в 1948 году до 1 миллиона 650 тысяч в 2019-м, причем прирост за последний год составил 150 тысяч человек, то есть 10 %.

Слово «Уганда» происходит от названия крупнейшего народа — баганда, который составляет более 16 % населения страны. «Ба-ганда» означает 'люди ганда', «м-ганда» — 'человек ганда', «лу-ганда» — 'язык ганда', а «у-ганда» — 'территория ганда'. Исторически именно Уганда считается родиной системы косвенного управления. В 1890 году сюда в качестве военного администратора был отправлен британский военный Фредерик Лугард. Он родился в Мадрасе, в Британской Индии, и с детства наблюдал сосуществование различных культурных и социальных явлений вокруг себя. Прибыв к месту работы и основав на холме Импалы (импала — это африканская антилопа) форт Кампала, он предложил местному императору союз: помощь британских винтовок и солдат в военных конфликтах в обмен на признание подданства

и отчисление части налогов. Так родилась форма колониального владычества, которая позволила Великобритании управлять империей, над которой никогда не заходило солнце, еще более полувека.

Интересно отметить, что эта система в чем-то сохранилась до наших дней. Лугард заключил еще несколько договоров с окрестными князьями, которые остались правителями в своих владениях, но одновременно стали подданными королевы Виктории. В 1962 году Уганда получила независимость и стала Республикой Уганда во главе с всенародно избираемым президентом. Однако бантуязычные регионы страны по-прежнему являются королевствами и управляются наследственными монархами. Например, территория на западе страны — это королевства Торо и Рвензуруру, центр — королевство Буганда, северо-запад — Буньоро, а восток — Бусога. Всего пять королевств, существующих параллельно с официальным делением на четыре области.

Кампала, особенно после Найроби, создает впечатление сверхъевропейского города. В пригороде Энтеббе, где расположены международный аэропорт, подразделение ООН и резиденция президента Уганды, можно по утрам увидеть бегущих трусцой европейцев. В такси у вас не будут выпрашивать дополнительные деньги и жаловаться на большое количество детей в семье. Все по-европейски сдержанно. Но есть и местный колорит — это мототакси «бода-бода». Практически весь день Кампала стоит в многокилометровых пробках, но в промежутках между автомобилями юркают туда-сюда быстрые мотоциклы с одним, а то и двумя пассажирами. Стоимость поездки на такси в несколько раз выше, а бода-бода — дешевый, демократичный и очень быстрый транспорт.

Ну и самое главное: Уганда — это «сердце православной Африки», как называют страну сами местные жители.

Появление православия в Уганде. Как гласит предание, бережно хранимое местными верующими, история православия в Уганде начинается в 1919 году. Однако, перед тем как рассказать об этом, несколько слов о религиозной ситуации в стране в целом.

Европейские религии стали проникать в Уганду в 1870-е годы. Первыми пришли англикане, но буквально через пару лет в стране появились французские католики. В ответ на активность христиан интенсифицировали свою деятельность исламские проповедники. Сейчас в Уганде примерно 40 % католиков, около 30 % — это приверженцы Церкви Уганды, которая является подразделением англиканской церкви, 13 % — мусульмане, 11 % — пятидесятники, а следом идет православная церковь, охватывающая 1 % (чуть меньше полумиллиона человек). Как сказал один из угандийцев, «у Церкви Уганды больше всего школ и церквей, у католиков — больше всего денег, мусульмане очень сильно поддерживают друг друга, но православие — это лучшая религия, потому что она наша».

Итак, в 1919 году три англиканских священника — Рубейн Мукаса, Обадиа Басаджикитало и Артур Гатуна — стали задумываться о том, почему в Уганде христианские церкви борются друг с другом, а не действуют заодно. Они стали изучать историю христианской церкви, нашли сведения о протестантизме, появлении англиканской церкви, деятельности Лютера и, наконец, нашли слово «православие». Никакой литературы об этой вере в Уганде не было, и священники стали писать письма во все концы света с просьбой рассказать им о ней.

Одним из немногих, кто откликнулся на их интерес, был Александр Макгвайр. Макгвайр родился в африканской семье на острове Антигуа. Он начал свою деятельность как священник Моравской церкви — протестантского объединения, также называющегося «Моравские братья» или *Unitas fratrum* (от лат. 'братское объединение') и восходящего своими корнями к средневековому гуситскому движению. В 1894 году Макгвайр иммигрировал в США, где стал активным борцом за культурную деколонизацию чернокожих. С этого времени он активно участвовал в деятельности Африканской методистской епископальной церкви, которая была основана в 1816 году как независимая протестантская деноминация для афроамериканцев. Также он стал активным участником Всемирной ассоциации по улучшению положения негров и сблизился с ее основателем Гарви Маркусом.

В сентябре 1921 года им была основана Африканская православная церковь, которая ставила своей целью объединить приверженцев епископальной церкви, стремившихся к церковной автономии. Макгвайр рассматривал Африканскую православную церковь как официальную деноминацию ассоциации Маркуса. Именно на этой почве у них начались разногласия, и Макгвайр целиком погрузился в развитие своего детища, основав отделения церкви в Вест-Индии, США, Канаде и Южной Африке.

Получив письма из Уганды, он постарался включить этих чернокожих православных в свою церковь. Он выслал им литературу о православии и о роли Африканской православной церкви в деле становления независимости африканской церкви. Примерно в 1930 году по поручению Макгвайра епископ Дэниел Уильям Александер, представитель Африканской православной церкви в Южной Африке, отправился в Уганду и рукоположил Рубейна Мукасу под именем отца Спартаса. Тот начал службы по православному обычаю, однако очень скоро от греческого предпринимателя, который жил в Кампале, узнал о том, что Африканская православная церковь не является канонической. Вновь отцы-основатели стали писать письма к патриархам с просьбой принять их под свое покровительство.

Путь к каноническому православию. Путь писем в первой половине XX века в колониальной Африке был небыстрым. А Александрийская патриархия с осторожностью отнеслась к письмам «непонятных» людей

из далекой Уганды. Шли годы. Отец Спартас и его единомышленники не сидели сложа руки: они открывали новые приходы, крестили людей, желавших познать «настоящее христианство». Количество православных верующих достигло к середине XX века 10 тысяч человек. Лишь в 1946 году Патриарх Александрийский Христофорос II принимает угандийских православных в полное каноническое общение с престолом.

Однако вместе с радостью приходит и первое разочарование. Александрийский патриархат заинтересован не только в окормлении новых верующих, но и в поддержке православных греков, разбросанных по восточноафриканским владениям Британской империи. В 1958 году в Восточной Африке создается митрополия, однако не в Уганде, где количество православных было максимальным, а в Дар-эс-Саламе, где находилось наибольшее количество греков. В переводе с арабского «Дар-эс-Салам» — 'город мира', на греческом — Иринополис. Именно Иринопольская митрополия становится первой православной митрополией в Африке к югу от Сахары. В 1959 году отец Спартас отправляется в путешествие, в ходе которого он посещает Александрию, а затем и Грецию. В том же году в Кампалу прибыл митрополит Николай, который провел много времени, наставляя местных верующих в истинном православии. В 1960 году в Кампалу начинают прибывать греческие проповедники, которые помогают в устройстве церковной жизни, пишут иконы, проповедуют православие в отдаленных деревнях. Именно так в конце 1960-х в деревушке Нгомбе, на окраине одной из самых западных земель Уганды, близ города Форт-Портал основывается церковь Вознесения Господня, о которой в одном из следующих разделов будет сказано чуть подробнее.

К началу XXI столетия количество верующих увеличилось до 200 тысяч человек, которые разделены на четыре епархии: центральную — в королевстве Буганда, восточную — в королевстве Бусога, западную — в королевстве Торо (именно к этой епархии относится церковь в Форт-Портале) и северную — в стране луо. В 1995 году произошло два важных события. Впервые в истории митрополии ее главой стал местный, угандийский священник Феодор Нанкьяма. В том же году на холме Намунгона в Кампале, близ митрополичьей резиденции была открыта семинария для обучения священников из местных жителей.

Угандийцы отстояли право на собственную религию и религиозное образование. И если не считать Эфиопию, которая в строгом смысле слова к православным странам не относится, поскольку эфиопская церковь — это одна из Древневосточных (Дохалкидонских) церквей, то Уганда остается крупнейшей православной страной Африки.

Угандийское старообрядчество. История старообрядцев Уганды начинается в 1991 году. В этом году настоятель одной из православных церквей Уганды Иоаким Чиимбе (или Киимбе) присоединился к греческому старостильному Синоду противостоящих. Энергичный

священник достаточно быстро основал два прихода в пригороде Кампалы Мперерве, где он жил и работал, и в своей родной дереве Накабаале. Его духовные поиски, напоминающие поиски отцов-основателей Православной церкви Уганды, продолжились. В 1998 году он вместе со своим приходом присоединяется к униатской Сиро-греческой антиохийской православной католической церкви в Африке. Однако долго отец Иоаким не задержался и там и в 2000 году принимается в молитвенное общение с Бостонским синодом Святой православной церкви Северной Америки, то есть оказывается под его управлением. Однако уже в 2004 году Иоаким со своими прихожанами вновь возвращается к Синоду противостоящих, чтобы в 2007 году присоединиться к Истинно-православной церкви Америки.

Еще в 1970-е годы, когда будущий священник учился в Ленинградской духовной семинарии, он слышал о старообрядческой церкви. Тогда он не обратил на эту ветвь православия серьезного внимания. Теперь же, после длительных мытарств и постоянной смены духовных руководителей, он вспоминает о ней и пишет письмо предстоятелю Русской православной старообрядческой церкви Корнилию. Прошение было рассмотрено Советом митрополии, и в следующем году отец Иоаким был приглашен в Москву. В Москве он прошел переобучение основам древлеправославной веры. Также к нему был приставлен куратор — отец Никола Бобков, священник старообрядческой церкви в Америке, прекрасно говорящий на английском языке и знакомый с особенностями жизни в Африке. Однако в 2015 году земная одиссея отца Иоакима Чиимбе закончилась: он умер от внезапно обнаружившейся болезни. На смену ему пришел его тезка отец Иоаким Валусимби, который в 2015 году был возведен в сан в Москве.

Интересно отметить, что третья старообрядческая община в Уганде была создана не одним из священников, а обычным крестьянином Алексом Чаккой. Он перешел в старообрядчество благодаря влиянию своего дяди. А вот как дядя Алекса пришел к старой вере, до сих пор остается загадкой. Тем не менее молодой и энергичный катехизатор стал организовывать новый приход, на этот раз к западу от Кампалы. Уже в 2013 году община составляла несколько десятков человек, и отец Иоаким Чиимбе несколько раз приезжал туда, чтобы крестить верующих по древлеправославному обычаю.

Большая часть старообрядцев Уганды — люди от 25 до 50 лет, то есть люди, сознательно принявшие старообрядчество в зрелом возрасте. Большая их часть — крестьяне или бедная интеллигенция (медсестры и школьные учителя). Те, кто может платить десятину, вносят ее в церковную кассу. Те же, кто не имеет достаточного количества денег, выполняют общинные поручения: убираются в церкви и во дворе, участвуют в строительстве.

По широко распространенной в Африке традиции, церковь является центром активной экономической жизни. Один из прихожан в 2016 году начал разведение свиней, мясо которых используется для церковных трапез, а также идет на продажу. Часть дохода поступает на содержание церкви, а другие прихожане-старообрядцы имеют право покупать это мясо со скидкой. Крупный экономический проект возглавляется и вдохновляется лично отцом Иоакимом Валусимби. Он с помощью прихожан строит платное медицинское училище в Мперерве. Священник надеется, что училище не только сможет дать финансовый доход общине, но и позволит детям местных старообрядцев получать столь необходимое им образование.

Будущее старообрядцев Уганды сейчас видится неоднозначным. Например, трое из шестерых детей Алекса Чакки, будучи рожденными в старообрядчестве, в зрелом возрасте перешли в католичество и англиканство. Часто это связано с экономическими причинами. Как уже говорилось ранее, для многих людей в Африке религия — это членство в клубе, которое дает доступ к инфраструктуре, деньгам, возможностям продвижения по карьерной лестнице. С этой точки зрения, Русская православная старообрядческая церковь не может тягаться с такими экономическими гигантами, как католическая церковь или Церковь Уганды. Но все же для большинства верующих главная причина выбора — «истинность» древлеправославной церкви. Именно это ведет в нее небогатых местных жителей, и именно это убеждение позволяет приходам медленно, но неуклонно увеличиваться в размерах. Сами угандийские старообрядцы смотрят в будущее с оптимизмом: они верят, что только их вера ведет к счастью в этой и загробной жизни.

Православие в Уганде начала XXI века. Теперь переместимся в западную часть Уганды, где я вел исследования сам. Община в деревне Нгомбе объединяется вокруг церкви Вознесения Господня, стоящей на самом высоком холме в округе. Как водится в Африке, церковь — это экономический мотор местного сообщества: она владеет землями, на которых стоят две школы, местный фельдшерский пункт и еще некоторые постройки. Эти земли церковь получила от правителя королевства Торо. За эти земли церковный совет получает определенную плату, а также скидки для обучающихся в школах православных детей.

Необходимо отметить, что в Африке школы часто организуются определенной церковью. Церковь определяет набор предметов, который преподается в школе, и одежду. Так, в мусульманских школах все девушки носят платок-хиджаб. Указанные церковью предметы и одежда обязательны для всех учеников, независимо от их вероисповедания. То есть православные и католические девочки, посещающие занятия в мусульманской школе, будут носить общую форму — платки-хиджабы. Так вот, на одном из участков земли православной церкви стоит католическая школа, в которой учатся и православные дети. Они,

а точнее их родители, получают возможность оплачивать школу со скидкой 10 %.

Полученные церковным советом деньги идут на нужды церкви, а также нуждающимся семьям. Отец Романос (кстати, он учился в семинарии при Троице-Сергиевой лавре) называет этот проект приютом. Однако никакого здания приюта на самом деле нет. Точнее есть, но оно очень старое и совсем развалилось. Жить там нельзя никому, а тем более детям. Отец Романос договорился с местными жителями, чтобы они приютили в своих домах детей-сирот, за содержание которых он приплачивает приемным родителям. Все дети, которые должны ходить в школу, получают деньги на обучение из церковной кассы, из этих же средств им покупают одежду. То есть обучающие проекты для африканских православных как старой, так и новой веры очень важны.

Есть и другие проекты. Например, женщины прихода создали женский совет, который занимается поиском оплачиваемой надомной работы. В Форт-Портале есть мастерская «Рувензори», которую открыл один приезжий немец. Он обучает местных жителей ремеслам: плетению корзин, лепке сосудов из глины, пошиву одежды. Справедливости ради надо уточнить, что все это местные жители знали и умели раньше, но немец учит делать все эти вещи по европейским лекалам и образцам, что для Африки чрезвычайно важно. Женский совет православной церкви заключил договор на поставку немцу плетеных корзин, которые тот потом продает туристам, приезжающим к нему в отель. Женщины плетут эти корзины дома, а представители совета отвозят товар в мастерскую «Рувензори» и потом отдают деньги работницам.

Также есть человек, который разводит свиней, снабжая общину во время праздников и продавая мясо прихожанам. Но есть тут существенная оговорка: для местных православных очень важна общинность, причем общинность в крестьянском смысле. Они очень дорожат всеми своими односельчанами, независимо от их вероисповедания. Именно поэтому все односельчане получают мясо со скидкой — и православные, и католики, и мусульмане. Пожалуй, только в придорожном магазине оно продается без скидки… Белым туристам…

Горящая крыша и русская православная церковь на озере Букаса: новые духовные поиски православных верующих. Мы уделили много места экономическим проектам, и хотелось бы сказать несколько слов о духовных поисках местных православных. Для них спиритуальность, или духовность, веры играет огромное значение. В один из дней вместе с отцом Романосом мы отправились по деревне разговаривать с местными прихожанами.

Заходим в дом к Адред — бедной женщине, которая только что закончила работать на огороде. Мы садимся за стол, а Адред устраивается на полу: таковы африканские традиции. Священник — очень важный человек в деревне, сидеть рядом с ним — значит

демонстрировать недостаточно уважения. Сначала задаем вопросы по анкете, затем говорим «без протокола». Речь заходит о постах. «Кто бы меня защитил, если бы я не постилась?» — спрашивает нас Адред. Мы удивены. Отец Романос поясняет: «Нам нужно содействие высших сил, Бога. Если мы не постимся, то и Бог обращает на нас меньше внимания. Когда у меня накапливаются нерешенные вопросы, я начинаю поститься». «Да-да, — продолжает Адред, — если у меня случаются тяжелые ситуации, я стараюсь только ужинать в течение трех-четырех дней. Не ем еду на завтрак и обед… Или сплю на полу, а не на кровати». Пост здесь — практика, идущая от внутреннего непрерывного диалога человека с Богом или высшими силами, а не только предписанное воздержание от определенного типа пищи.

После Адред переходим к Беатрис. Ее историю знает вся деревня: у нее раз в один-два месяца загорается крыша дома. Так случалось уже более десяти раз. Однажды крыша загорелась в то время, когда отец Романос находился рядом с домом. Беатрис несколько раз просила отслужить молебен, который бы охранил ее дом от пожаров, но православные моления не помогали. Тогда Беатрис обратилась к католикам, но и их молитвы оказались тщетными. Вопрос смогли решить англикане. После нескольких молебнов возгорания прекратились. Беатрис раз в неделю пешком ходит в англиканскую церковь, которая расположена в двенадцати километрах от ее дома. Но на Пасху она обязательно приходит в православный храм. Она ищет защиты у более сильной конфессии, но не хочет переходить в нее и прекращать связь с православием. «Она женщина-загадка, — говорит отец Романос. — Я надеюсь, когда-нибудь она снова будет регулярно ходить к нам в церковь».

Еще одна интересная встреча состоялась в юго-восточном пригороде Кампалы — Катусо. Вместе с отцом Романосом мы встретились с единственным священником Русской православной церкви, правда, не Московского патриархата, а за границей, — Христофором Валусимби. Отец Христофор был рукоположен в священники в 1988 году в Монреале. После этого он отправился в свою родную Уганду и на маленьком, затерянном посреди озера Виктория острове Букаса стал строить храм в честь Благовещения Пресвятой Богородицы. Отец Христофор — один из первых и единственный в Уганде африканский священник, находящийся в лоне РПЦЗ. Интересно, что для православных священников Александрийского патриархата отец Христофор является примером стойкости: у него нет ни митрополита, ни инфраструктуры, ни регулярных субсидий. Путь от Кампалы до Букасы занимает день. Причем только водная часть пути длится больше четырех часов, не учитывая две пересадки с парома на паром. В ходе разговора отец Христофор рассказывал, что он регулярно проводит воскресные службы и не пропустил почти ни одной, что для Уганды является редкостью.

Распрощавшись с отцом Христофором и отцом Романосом, мы отправились в Энтеббе — пригород Кампалы, где находится международный аэропорт. Наш путь лежал на север, в далекую Россию. Однако искренность, энергичность, с которой угандийцы исповедуют православие, безусловно, один из хороших примеров служения, которыми так богата история православия.

Глава 2. Бесконечный путь к Русскому Северу

Экспедиция 2006 года. Неподготовленный москвич в Пинежской тайге

В августе 2006 года я с пятью студентами отправился в Пинежский район Архангельской области. Это была первая поездка в регион вообще. Вокруг все было удивительно, и я приведу всего лишь несколько самых запоминающихся ситуаций, которые трудно встроить в ткань научной работы, но которые, как мемы в сети «Интернет», являются самодостаточными единицами и порой в наибольшей степени определяют наше восприятие региона и его культуры.

Инкубаторные цыплята. В поезде Архангельск — Карпогоры с нами ехала женщина-предприниматель из деревни Городецк. Она заставила половину плацкартного отсека своими клетчатыми сумками. Мы начали спрашивать у нее про жизнь в деревне. Поскольку у меня был большой блок вопросов про хозяйство, я попытался задать их. Елена рассказала, что после развала колхозов все в ее деревне стали возвращаться к ведению сельского хозяйства. Кто-то стал засевать овсом поле около дома, чтобы было чем кормить лошадь, кто-то завел кроликов, кто-то стал разводить кур. Среди последних оказалась и Елена. Она очень трогательно рассказывала, что до этого никогда не имела дела с курами. Купила яиц, положила их в картонную коробку с тряпками, поставила над коробкой лампу, которой обогревают цветы. Через некоторое время вылупились цыплята. Елена сказала: «Они были такие маленькие, так пищали, что я всю ночь не спала, смотрела на них и не понимала, что делать».

Сейчас, опираясь на более чем десятилетний опыт поездок на Север, мне хотелось бы обратить внимание на несколько аспектов этой ситуации. Во-первых, кур в трех восточных районах Архангельской области — Лешуконском, Мезенском и Пинежском — традиционно не держали. Мы имеем дело с «возрождением» традиции, в рамках которого создается новая традиция. Разрушение колхозов запустило в культуре не очень понятный ни самим сельским жителям, ни изучающим их ученым механизм «возврата к сельскому хозяйству». В рамках этого «возврата» и были закуплены цыплята, совершенно неизвестные ни с точки зрения метиса (невербальных знаний крестьянина), ни с точки зрения габитуса (интериоризированных конкретным человеком культурных и социальных навыков), ни с точки зрения соционормативки (одобряемых

обществом моделей поведения). Таким образом, мысля покупку цыплят как «возврат», Елена, по сути дела, освоила новый вид хозяйственной деятельности, который не прижился в ее хозяйстве и семейной экономике. «В дальнейшем, — сказала она в ходе интервью, — я отказалась от выращивания цыплят. Два-три года мы их держали, а потом я стала ездить в город и закупать вещи для продажи».

Во-вторых, возвращаясь к этой ситуации, я нахожу в ней все больше и больше черт, которые не являются подлинно сельскими. Я буду называть их «городскими», потому что именно так я думал о них тогда, но это название не совсем точно. Сразу же, еще в процессе рассказа, меня удивила эмоциональность Елены по отношению к цыплятам. Это было абсолютно городское отношение к животным как к беззащитным существам, которые требуют не только охраны, кормления, но и сочувствия, сопереживания. Уже тогда я начал сомневаться в соответствии сельского мира Пинеги начала XXI века книжным описаниям крестьянской культуры. Но «городские» аспекты ситуации этим не ограничивались. Сидя в вагоне «Кукушки», уносившей меня, как казалось тогда, в дебри тайги, я на самом деле двигался в сторону домов, где 24 часа в сутки есть электричество и специальные подогревающие лампы для выращивания рассады. Вещный мир сельского жителя Пинеги не так значительно отличался от вещного мира горожанина. Наконец, сама возможность выбора между выращиванием цыплят и предпринимательской деятельностью по перепродаже одежды при определении экономической стратегии говорит о многом.

We’re all living in Amerika. Вторая ситуация произошла в деревне Шотова гора. Я пошел на опрос, нашел пожилую женщину, сидевшую на мосту и чистившую грибы. «Мост» представлял из себя горизонтальный бревенчатый настил, который был пристроен с задней части дома — повети — и на который можно было попасть по пологому бревенчатому пандусу — «взвозу». Я стал задавать ей вопросы про распределение трудодней в колхозах, и она достаточно подробно отвечала на них. Оказалось, что она была счетоводом, очень хорошо училась в школе, затем в сельскохозяйственном техникуме, а потом вернулась в деревню и работала в правлении колхоза в 1950-е годы (она продолжила работу и в 1960-1970-е, но меня это время не так интересовало, потому что было «поздним»). Когда она закончила чистить грибы, то пригласила меня пить чай в дом. «Садись, я пойду обряжусь», — сказала она. Буквальное значение этой фразы — «накрою на стол». Я сидел за столом и предвкушал разговор о старине, об общинных традициях, возможно, о каких-то элементах язычества в повседневности. Она принесла чайник, налила чай в кружки, приосанилась и сказала: «Была я в Америке-той, в штатах Нью-Йорк и Массачусетс-от». Мои надежды рухнули в один миг. Я вежливо посмотрел фотографии, среди которых была карточка

шотогорского хора на фоне американских небоскребов где-то в Бостоне, и пошел в интернат, где мы жили.

В этой ситуации примечательны два аспекта. Во-первых, ответы этой женщины на вопросы о распределении трудодней были, пожалуй, наиболее подробными по сравнению с другими интервью. То есть в рамках классической этнографической схемы она была носителем того самого традиционного знания, «ускользающей живой старины», за которой этнографы и едут в поле. Но это знание она получила в сельскохозяйственном техникуме, а не от стариков, или, возможно, и там и там. Но ощущения традиции, нетронутой цивилизацией, ее слова не производили. Тогда я просто стал использовать ее ответы, не задавая внутренних вопросов о природе этих знаний; сейчас мне кажется, что городское образование не мешает сельскому укладу жизни, а может дополнять его и иногда (очень редко) даже укреплять.

Во-вторых, в Пинежском районе Архангельской области, средоточии русской северной культуры, было очень неожиданно наблюдать фотографии американских небоскребов, а также осознавать, что я, «интервьюер», горожанин, носитель университетского образования, в США не был, а она, «информант», носитель традиционной культуры, в США была! При этом она пела в хоре традиционные «длинные песни», помнила, как в детстве ходила на «метишшо», а ее речь сохраняла в большом количестве диалектные особенности. Мы не поменялись ролями, я не разуверился в существовании северного крестьянства (еще раз повторю, что ее интервью было одним из самых ценных в экспедиции), однако ее жизнь находилась не только в русле традиции: она путешествовала по миру, ее дети жили в крупном областном центре, куда и она регулярно ездила. Ее пример показал мне, что люди, которым я задавал вопросы, были не только объектом научного исследования, а еще и субъектами диалога, которые живут порой более интересной жизнью, чем я, и сама жизнь которых, а не только ее этнографическое наполнение, достойна изучения.

Карпогоры — центр мира. Это была первая поездка на Север, а дорога до села Карпогоры от одноименной станции была заасфальтирована. В селе было пять магазинов, которые работали до десяти вечера. Но дома были деревянные, автомобили старые, в интернате были старые советские розетки, так что половина наших ноутбуков с евровилками не заработала, пока мы не купили переходники. Нам казалось, что мы находимся в глубине тайги: ступишь шаг в сторону от Карпогор — и потерялся в лесу. За четыре дня до конца экспедиции мы нашли машину и отправились вверх по Пинеге в деревню Кучкас. Через десять километров после Карпогор асфальт, вместе с зоной покрытия мобильной связи, кончился: мы ехали по известной всем путешественникам, оказавшимся на Севере, «гребенке», или «терке», — дороге с грунтовым покрытием, которая от частого использования

покрывается мелкими, высотой в четыре-пять сантиметров, грядами и становится похожа на морское дно. Ехать по такой дороге чрезвычайно некомфортно. Однако после деревни Занюхча кончилась и она. Газель ехала по абсолютно сухой песчаной дороге с глубокими колеями. Когда мы застревали, водитель Алексей, невозмутимый и улыбчивый, выходил и своими широкими ладонями (*sic!*), без всяких инструментов отгребал песок, и мы ехали дальше. Последние 10 километров мы преодолели за 2 часа.

Деревня Кучкас тогда показалась мне заброшенной. В ней сохранился амбарный городок, в открытых домах можно было найти «битые» печи (то есть сбитые из глины, а не сложенные из обожженных кирпичей фабричного производства), а на поветь вела дверь «на пяте» (особая деревянная конструкция, позволяющая не использовать петли промышленного производства). Магазина в деревне не было вообще. Электричества тоже. Алексей сказал, что один из крупных домов используется местным предпринимателем для организации детских лагерей, причем приезжают туда дети со всей России. В нескольких жилых домах мы нашли охотников из Карпогор и Архангельска. То есть эти дома использовались их хозяевами, уехавшими в город, как охотничьи избушки, своеобразные лесные дачи. Все эти факты не укладывались ни в одну из имевшихся в моей голове схем, и я просто запоминал их.

Мы поехали назад. После преодоления песчаной дороги нас ждало небольшое чудо: по «гребенке» прошел грейдер и разровнял ее. Мы летели, как по автобану. Потом появилась мобильная связь, потом асфальт, потом электрическое освещение. Мы прибыли в Карпогоры в девять и за час успели сходить в магазин и купить еды на ужин. За этот день моя ментальная карта Пинежского района кардинально изменилась: Карпогоры теперь стали средоточием цивилизации уровня областного центра. Здесь было все: вода, электричество, магазины, связь. А глухие дебри тайги переместились на 100 километров на юго-восток, вверх по реке Пинега, в деревню Кучкас.

Экспедиция 2007 года. Лешукония далекая и близкая

Долгая дорога в Лешуконию. Для того чтобы попасть в Вожгору, в 2007 году требовалась изрядная доля везения и доступ к локальному знанию. Выбирая место для поездки во вторую северную экспедицию, я обратился к одной знакомой из Архангельска за советом. Она посоветовала поехать в родную деревню ее отца — Вожгору. Как она рассказала, «после перестройки там не осталось государственных магазинов, государственного транспорта, центральной электросети. Они там выживают сами, как могут. Сами организовали паром через реку, местный предприниматель держит магазин. Сами вырабатывают электричество на дизельной станции». Можно было сделать вывод, что деревня представляла собой классический пример натурального

хозяйства, который уже в начале XX века найти в Центральной России было практически невозможно.

Я отправился в гости к ее отцу, Евгению Капитоновичу Ляпунову, и взял контакты Василия Капитоновича и Александра Васильевича Ляпуновых (брата и племянника, которые проживали в Вожгоре). Это было в начале июня. Я позвонил Александру Васильевичу в первый раз. Детский голос ответил мне, что его нет дома, он ушел к бабе Тасе. На следующий день я не смог дозвониться: по всей видимости, была повреждена линия связи. Дозвонился я только через три дня. Тот же детский голос (а мой ум уже рисовал крестьянский дом, где все взрослые ушли на полевые работы) сказал, что «папа уехал на охоту и будет через десять дней». Через десять дней я наконец-то дозвонился до Александра Васильевича. Он сказал, что сам встретить нас не может, что нужно будет обращаться в администрацию села, к Надежде Владимировне Баранник.

Итак, личные связи и теория трех рукопожатий не сработали, и я двинулся иным путем: написал официальное письмо и отправил его факсом в Вожгору (наличие факсового аппарата в отдаленной деревне почему-то не произвело на меня никакого впечатления). Это было в конце июня. Мне дали телефон Михаила Владимировича Лешукова, который сказал, что нас встретят на станции Кослан его жена Надежда и ее брат Владимир. Я был несколько удивлен: во-первых, как мы найдем машину, а во-вторых, почему они нам так сильно доверяют и нужно ли перезванивать. На первый вопрос Михаил ответил, что номера не помнит, но: «…там будет одна машина 29 региона», уверенно сказал он. На второй вопрос он ответил своим вопросом: «Но мы же договорились?» Я предложил позвонить накануне, на что Михаил ответил, что лучше звонить за два дня, потому что машина уйдет раньше.

11 июля мы с пятью студентами выехали из Москвы. Через 36 часов (около полуночи 12 июля) мы вышли на станции Кослан. Нас встретила Надежда Любченко, которая нашла нас на перроне, и мы поехали в Вожгору. Как и по дороге в Кучкас, сначала был асфальт, потом грунтовка, потом пошли пески. Но в этот раз мы ехали на уазике, или «буханке», и он проходил по пескам, как нож сквозь масло. Потом началась гать. Дорога представляла собой узкую полоску между лесом и болотом. Через каждые 10 метров была лужа длиной в машину; наша «буханка» ныряла туда на полметра, и из темной воды, словно приветствуя нас, поднимались старые, черные, как смоль, бревна гати и вновь ухали вниз, поднимая снопы брызг. Казалось, что эта часть дороги бесконечна. Вишенкой на торте стала яма у деревни Политовой. На первый взгляд эта яма казалась пропастью, в которую вела узкая, скользкая глиняная дорога; внизу лежали несколько бревен. (При том что «подъем у Политовой» производит впечатление и на бывалых путешественников по Северу, на самом деле дорога там покрыта пескосмесью, а внизу находится небольшой, но полноценный

деревянный мост.) Мы преодолели его успешно и выехали к паромной переправе в деревне Большая Пысса. Как я узнал позже, дорога от Кослана до Пыссы имеет протяженность всего 100 километров. Мы проехали ее за 5 часов.

В Пыссу мы прибыли в пять утра. Паром должен был прийти в девять. Мы ждали. Такого количества комаров, как в Пыссе утром 13 июля, я не видел никогда больше: при вдохе в рот залетало два-три комара. Сгонять их с лица не имело смысла, потому что на кровавый след от стертых комаров в течение двух секунд садились следующие, на расстоянии двух-трех сантиметров друг от друга. В машине комаров было намного меньше. Примерно столько, сколько бывает в лесу в Подмосковье. После прогулки по берегу Мезени казалось, что в машине их мало. «Сейчас покурим да поперебьем», — спокойно сказал Володя. После бессонной ночи мы быстро заснули. В девять пришел паром и перевез нас на левый берег. С парома съехало на песчаный берег три автомобиля — все «уазики-буханки», и с нами на баржу заехали два автомобиля — такой же, как у нас, «уазик-буханка» и «Нива».

Оставшиеся 60 километров дороги от Пыссы до Вожгоры мы проехали меньше чем за час. Эту дорогу Надя и Володя называли «белорусской», потому что ее построила в 1990-е годы фирма «Архангельск-Беларусь-Лешуконское». Дорога была настолько ровной, что мы все заснули, пока ехали по ней. В десять мы выехали на берег реки напротив Вожгоры. «Вот моя деревня, вот мой дом родной», — невозмутимо, ровным голосом сказал Володя. И спокойно стал ждать. Я поинтересовался, чего мы ждем. «Вон там, напротив, в доме у реки живет паромщик, он нас увидит и приедет, заберет», — ответил Володя. Мы подождали около получаса, и с противоположного берега действительно отвалил паром, который подошел и остановился на расстоянии двух метров от нас. Володя завел мотор, и «буханка», взревев, преодолела два метра воды и взлетела на паром по крутым металлическим балкам. Мы вышли из машины: места для прогулки было около 30 сантиметров справа и слева от «буханки».

Я очень рад, что впервые попал в Вожгору таким способом. Это был самый дешевый вариант. Это не полет на самолете, за два часа переносящем тебя из Васькова в Вожгору и не дающем возможности оценить расстояния и дорожные трудности. Но это был и не путь на машине вместе с родственником или путь на машине до Усть-Кымы, а дальше, лодкой, со знакомым, как иногда делают местные жители. Мы приехали как чужаки, но в то же время обычные люди, а не богатые гости, которые приезжают и уезжают по четвергам, когда есть авиарейс.

Возгора, *вочгора*, *вожгора*… Село Вожгора было основано в XVI веке, а более точно — в 1552 году, в том самом, когда войска Ивана Васильевича Грозного взяли Казань. Как гласит легенда, изложенная в книге «Лешуконье» местного краеведа Николая Новикова, первые

поселенцы приехали с возами и встали на горе. Оттого и прозвалась та деревня Возгора, позже Вочгора, а потом и Вожгора. Почему понятное русское название стало таинственно искажаться — не объясняется. Однако только в Библии бывает так, что «Авраам роди Исаака. Исаак же роди Иакова» и т. д. На самом деле у ребенка обычно есть папа и мама; так и у слова может быть больше прототипов. Например, название крымского города Судак — совершенно русское слово, которое при этом имеет очевидную тюркскую этимологию.

У названия «Вожгора» есть русская исходная форма — «воз-гора», но есть и финно-угорская. Если посмотреть на карту региона, то можно увидеть много финно-угорских прототипов. Например, в соседнем с Лешуконией Удорском районе Республики Коми, на реке Вашка есть село Важгорт. Наличие полного совпадения весьма показательно. Но можно привести большое количество примеров частичных совпадений. Так, окончание «горт» характерно для нескольких десятков деревень Русского Севера: в Республике Коми — Выльгорт в Удорском районе, Камгорт в Усть-Цилемском районе; в Пермской области — Камгорт в Чердынском районе и другие. Начало «важ-», «ваш-», «вож-» или «вёш-» тоже широко распространено. В Вологодской области есть районный центр — поселок Вожега, в Коми — поселок Вашка в Удорском районе и другие. Учитывая все приведенные топонимы, возводить название села только к русскому или только к финно-угорскому прототипу неправомерно.

Таким образом, «Вожгора» — одновременно и русское, и финно-угорское слово, подобно словам «Вадюга» и «тайбола», которые местное население считает исконно русскими.

Русский Север — горная страна. Окончание «гора» в названии деревни неслучайно. На просторах Русского Севера очень много «горных» деревень. По Мезени расположены Вожгора, Колмогора, две Нисогоры — Большая и Малая, Мелогора, Целегора; по Пинеге — Карпогоры, Шотогорка; на Северной Двине — Концегорье, Моржегоры, родина М. В. Ломоносова Холмогоры… Всех и не перечислишь. Кроме того, есть деревни, в которых окончание потерялось на карте, но используется в устной речи. Так, на карте деревня именуется Шотово, а люди говорят «Шотова». Спросишь: «Почему Шотова?» — «Так ведь Шотова гора».

Во время экспедиции 2006 года на Пинегу мы слышали от местных жителей такое объяснение подобного окончания в названиях: на горе — лучшее место для строительства, ведь весной и осенью водой не заливает, а зимой снегом не заваливает. Околки (небольшие части деревень), расположенные в низинах, обыкновенно считаются малопрестижными. В Шотовой, которая стоит на изгибе реки, очень много поемных пастбищ; из-за них считалось, что выдать в эту деревню

девушку престижно. Даже делалось исключение для дворов в низинах: «Лучше под гору, да в Шотову».

Вдоль Мезени таких «горных» деревень больше всего, и объясняют здесь такие названия иначе. С древних времен и до сих пор на возвышенностях в Лешуконье устраиваются поля. Сама Вожгора, кстати, полюс холода Архангельской области. Поля в низинах заливаются водой, с них позже сходит снег. Да и во время ночных летних заморозков холодный воздух идет низинами. Только на горе и можно вырастить небольшой урожай. В отличие от Пинежья, тут на возвышенностях расположены поля, а все избы прячутся в низинах.

Что лучше, колхоз или совхоз? Согласно распространенному мнению, традиционная жизнь крестьянской деревни прекратилась в 1932 году. Тогда была проведена сплошная коллективизация сельского хозяйства, на место общины пришел колхоз. На место выборного старосты — «варяг», коммунист из города. И старая жизнь, древние традиции, песни и игры исчезли, уступив место городским. Это утверждение верно для Центральной России. На Русском Севере жизнь сложилась иначе.

На Севере почти не знают насильственного привлечения в колхозы. Как рассказывают местные жители, «в газетах было написано, чтобы все вступали в колхозы, дык мы и вступили». Конечно, жаль было отдавать своих коней на общую конюшню, но ведь на них же потом и пахали. Каждый хозяин, выезжая на пашню или сенокос, старался взять именно своего бывшего питомца.

Колхозная жизнь Лешуконья мало отличалась от жизни до 1917 года. Глава колхоза был выборным. Конечно, выбирали коммуниста; конечно, на выборах присутствовали «люди из города». Однако выбирали всегда односельчанина. Даже двадцатипятитысячник Иван Федотович Бобрецов, возглавлявший колхоз, был местным уроженцем. Колхозный уклад напоминал общину. Бригады соответствовали дореволюционным околкам — территориальным подразделениям села. Работу разверстывали в поле, а трудодни получали на всю бригаду и уже потом делили их. Круговая порука предстолыпинских времен в чистом виде.
В Центральной России колхоз боролся с различными вредными пережитками, такими, например, как праздник сбора урожая.
В Лешуконье на таком застолье, которое называлось «фюла», присутствовал сам председатель, говорил тосты, ел колоб. Более того, правление колхоза выделяло оленье мясо, то есть фактически не только санкционировало праздник, но и спонсировало его.

В Вожгорском колхозе были олени. Существовала особая оленная бригада, которая занималась их выпасом. Эта бригада обычно уходила на все лето в тайгу, а к осени, к фюле, возвращалась обратно. Тот факт, что вожгорцы получали на трудодни мясо для Московской или Тульской области, немыслим.

Традиции стали разрушаться лишь в 1960-е годы, когда колхозы-деревни были объединены в более крупные совхозы. На смену бригадам пришли личные задания трактористам, дояркам, оленеводам. Коллективные работы исчезли, а вместе с ними стало исчезать и трудовое воспитание. Детей уже не брали с собой в поле с пяти-шести лет, а оставляли в детских садах. Выросло новое поколение — поколение сельскохозяйственных рабочих, совхозников, а не крестьян.

Живая старина. Но некоторые элементы культуры не хотят сдаваться и уходить в прошлое. На Рождество по-прежнему по дворам ходят ребята и славят Христа. А более проказливые устраивают «зольные свадьбы»: берется большой мешок золы, и сыплется дорожка от дома девушки до дома парня, с которым она встречается. Есть и другие шалости. Чаще всего разбрасывают поленницы в домах, где есть девушки. Это называется «костры рушить». Интересно, что складывать заново «разрушенные костры» должна виновница события, то есть незамужняя девушка, живущая в доме.

Другим интересным примером старинного обряда является «нависня», или «залазня». Когда молодой человек или девушка впервые приезжает на сенокос, в его или ее честь один из взрослых лезет на верхушку сосны (оттого и «залазня»), обрубает там ветки и наматывает, навешивает на голый ствол кусочки ткани, бересту и что еще под руку попадется (оттого и «нависня»). Нависня одновременно и территориальный маркер, и что-то вроде обряда инициации. Тот, у кого есть залазня-нависня, считается взрослым человеком, полноправным членом общества.

Еще много старинных обычаев осталось в селе Вожгора. Чтобы описать их все, наверное, нужна целая книга. Тем более что после перестройки и распада колхозов жители стали все больше и больше вспоминать старину. Из подсобных помещений были извлечены конные косилки и грабли, заработали водяные мельницы, вновь стали топиться по-черному бани. Но параллельно с этими рассказами о старине были и факты, которые не вписывались в традиционную этнографическую картину. Владимир Михайлович Любченко, в доме которого мы жили, был украинцем; он приехал на заработки в начале 1950-х годов, женился в Вожгоре и остался здесь навсегда. Кроме того, в деревне жил чеченец, а до этого долгое время проживал осетин. Напротив Вожгоры, за Мезенью, находился лесопоселок Зубово, где в позднее советское время продавались вещи из Японии, которых не было даже в магазинах Москвы или Архангельска, потому что они напрямую поставлялись в Мезенский и Лешуконский районы за лес, экспортировавшийся в Японию. А в 1970-е годы за покупками нужно было ездить «к болгарам». В верховьях реки Вашка, протекающей неподалеку, было несколько поселков, где работали болгары, которые заготавливали лес и отправляли железной дорогой прямо на родину. Снабжение магазинов в их поселках было лучше, поэтому за одеждой ездили туда.

Тогда я просто не стал интервьюировать Владимира Михайловича, а от фактов о снабжении лесных поселков болгар и о самом Зубове отмахнулся как от второстепенных. Сейчас я сожалею об этом. В 2016 году в Зубове постоянно проживало около 10 человек, болгары почти все выехали в Болгарию. В 2010 году скончался Владимир Михайлович Любченко, у которого мы так и не успели взять полноценное интервью, хотя одну из бесед с ним я опишу через несколько страниц.

Возвращение на Пинегу. За неделю до конца пребывания в Вожгоре наша группа совершила полупеший-полукаракатный [3] поход в Шегмас. Возвращение в Вожгору было возвращением в цивилизацию. Обратные билеты в Москву у нас были из Архангельска. Дорога от Вожгоры до Кослана прошла днем почти незаметно. Обедали мы в Благоеве, в столовой, рядом с надписью «ИП „Шопски“». Надо ли говорить, что после Вожгоры и тем более Шегмаса благоевские кафе казались настоящей заграницей. От Благоева мы по лесовозной бетонке доехали до Занюхчи. Пинежская «терка», даже не разровненная грейдером, через год, а также после удорских бетонок и шегмасской тайболы [4] казалась автобаном, а Карпогоры в своей ментальной карте Севера я повысил до областного центра. И даже больше. Север стал отдельной картой со многими локусами — Карпогорами, Занюхчей, Кучкасом, Блогоевым, Вожгорой, Косланом, каждый из которых имел свое узнаваемое лицо. Если мы подумаем о европейских странах вроде Франции, Великобритании, Германии, то перед нашим умственным взором встанут некие устойчивые картины, стереотипные представления. Вот такие стереотипные представления стали формироваться у меня об отдельных локусах Севера. Север стал отдельным миром, самодостаточным и интересным *per se*.

И еще. Вожгора меня зацепила. Если желание вернуться в Кучкас или Карпогоры находилось где-то на периферии сознания, то в Вожгору продолжало тянуть постоянно. Это было настоящее село. Большинство сел, которые я видел до этого, находились в тени города и государства: во многих остались только пенсионеры; в других большинство жителей среднего возраста ежедневно ездили на работу в город; где-то село представляло собой гигантское агропредприятие, а его жители фактически были сельскохозяйственным пролетариатом; где-то село оживало только летом и затухало зимой; где-то деревня вымирала. Вожгора же жила полной деревенской жизнью. Там были дети, были различные предприятия, были предприниматели, были приезжие из города, но они не составляли большинства.

Экспедиция 2008 года. Первое знакомство с Вологодчиной

Дорога на Юг. Никольский район находится в юго-восточной части Вологодской области, то есть на самом юге Русского Севера. Эти слова правдивы вдвойне, поскольку сам город Никольск стоит на реке Юг.

Поэтому здесь «на Юге» отдыхают все жители. «Где был на выходных?» — «На Юге отдыхал!»

Двенадцать часов на поезде по оживленному северному ответвлению Транссиба до станции Шарья, затем два часа на маршрутке, и вы в Никольске. Способы добраться до Лешуконского или Мезенского района Архангельской области выглядят куда более завораживающими: сутки на поезде, потом автобус, потом двое суток сплава на барже… Или: сутки на поезде, потом двенадцать часов на «Кукушке», а потом еще столько же по лесным дорогам с паромными переправами. Казалось бы, какие традиции могут оставаться так близко к столице? Однако никольчан по сохранности традиций можно назвать одними из самых северных русских северян.

Здесь помнят традиции и домашнего пивоварения, и празднования съезжих праздников, завивания бородки после жатвы и многое-многое другое. А объяснить такую уникальную нетронутость края можно извечной русской бедой — дорогами. Та самая дорога, по которой за 14 часов можно попасть из Москвы в Никольск, была построена только в 1996 году, а до этого край представлял собой действительно таежный угол.

Никольские дороги. Еще в 1950-е годы для того, чтобы выбраться из Никольска в столицу, надо было проделать долгий путь. Сначала пешком или на лошадях до Великого Устюга, затем пароходом до Котласа, который находится ни много ни мало в Архангельской области, а от Котласа уже на поезде до Москвы. Если мы прибавим к этому не самому короткому пути деревенскую неспешность и частоту хождения пароходов и поездов, то получится, что путь от Никольска до Москвы занимал примерно неделю. Этим и объясняется высокая степень сохранности повседневной культуры и быта местных жителей: выбраться отсюда было действительно непросто.

В 1960-1970-х дороги стали появляться. Однако, как считают местные жители, лучше бы они и не появлялись вовсе. Дорога до 1990-х годов представляла собой направление, просеку в лесу с колеями глубиной в метр. Более-менее проезжая грунтовая дорога в направлении Вологды продолжалась около 20 километров до деревни Авксентьево, далее проехать было невозможно. Даже водители полноприводных УАЗов (а других машин здесь в то время практически и не было) останавливались около этой деревни и ждали более крупную машину — «Урал». Эти грузовики также старались не ездить поодиночке, и обычно собирался караван в три-четыре машины. Все они соединялись жесткой сцепкой: впереди «Уралы», а следом, вереницей, — уазики. И так, не расцепляясь, ехали 350 километров до нынешней трассы «Холмогоры», идущей из Архангельска в Москву через Вологду. Как рассказывают водители, за рулем можно было и выспаться: машина из колеи все равно никуда не денется.

Своеобразная общинная взаимопомощь в советской редакции. Для поездки каждая организация давала по одному грузовику, а руководители согласовывали время поездки. Таким образом, «общинность» проявилась на уровне взаимоотношения государственных организаций, что совсем нельзя назвать традицией. Однако здесь реализовывались те же принципы сосуществования людей, которые действовали многие века и выражались в помочах и братчинах в XVIII веке и переделах земли и круговой поруке в веке XIX. После дороги водители уазиков устраивали угощение в Доме колхозника шоферам «Уралов». А это уже колхозная престижная экономика. Тоже традиция, она живет и видоизменяется.

Деревенское пиво. Некоторые традиции сохраняются почти в оригинальном виде. Так, во многих деревнях на важные даты — свадьбу, дожин, Рождество, рождение ребенка, проводы в армию, поминки — и сейчас «варят пива́».

Приготовление начинается с того, что рожь замачивают. Обычно в небольшую речушку или ручей кладут несколько мешков и держат там три дня. Потом привозят эту рожь домой, в гнеты. Мешки складываются один на другой в сарае или на повети и сверху «пригружаются» чем-нибудь тяжелым. За те сутки, пока зерно находится под прессом, оно успевает дать небольшие росточки. Далее его необходимо посушить — и здесь опять нужна помощь соседей. Сушат пророщенную рожь на лежанке русской печи. А три мешка, кстати, занимают по площади больше четырех лежанок. Приходится пивовару идти к соседям и разбрасывать будущий солод по разным домам. Снова коллективизм и кооперация в действии. Когда рожь высушится, ее снова соберут в мешки и повезут молоть. Смелют, и готов солод — первая составляющая будущего пива.

Далее следует собственно варка. Для варки нужна огромная емкость — чан, или «шан», как говорят никольчане. Шан — это кадушка высотой около метра и диаметром около 80 сантиметров. Стоит такой шан обычно вдали от домов, позади деревенской улицы, в строении, которое называется «поварня». Рядом с поварней располагается очаг для нагревания камней. Приготовление начинается с того, что часть солода засыпают в чан, а затем заливают горячей водой. Потом еще часть солода и еще горячей воды, потом еще слой и еще, пока весь солод не будет замочен. После смесь надо довести до кипения. Для этого в шан «садят по́жиг»: «Тут каменья в груду складываешь, в кучу. Потом сухими дровами все эти каменья оцепляешь и подсвечаешь их со всех сторон. Это называется „пожиг“». Разогретые в костре камни-голыши размером в два кулака деревянными щипцами кидают в шан, пока вода не закипит. Это надо сделать быстро, пока камни не остыли: «По-быстрому, кто быстрей, всё в шан кладем это. Закипело, прокипело — оставляем. Закрываем на́плотно и остужаем».

После этого сусло должно сбежать, то есть отделиться от замоченного солода. Если переложить солода, то сусло не сбежит и получится кисель. Такой кисель в пищу не использовали — отдавали скотине. Ржаной кисель не считался вкусным: «Кисель уж мимо — скотине. Животные были, дак скотине уж и давали. Кисель есть кисель. Из гороха кисель — вот тот кисель! Хороший!»

Полученное сусло переливали в лагуны, где пиво бродило, и в них же оно выносилось на праздничный стол. Иногда у лагунов был специальный кран, как у самовара, через который пиво наливали в стаканы. Деревенское пиво по цвету и консистенции напоминает яблочный сок с мякотью, а по вкусу похоже на живое городское пиво.

Съезжие праздники в прошлом. Съезжие праздники, престолы, деревенские праздники всегда были важной частью русской крестьянской культуры. В день, посвященный святому местной церкви, в деревню собирались жители окрестных селений. Девушки одной деревни приезжали в дом к своей родственнице, куме или просто знакомой, переодевались в праздничные наряды и начинали танцевать.

Еще в середине XIX века девушки танцевали медленные танцы: водили хороводы или ходили парами одна за другой под протяжную песню. В конце XIX века, под влиянием городской культуры, принесенной крестьянам отходниками, медленные танцы сменились на частушки. Гости разбивались на кружки во главе с тальяночником. Тальянка — северный вариант гармони-трехрядки. В Никольске клавиши слева связаны с ударным механизмом, который бьет по небольшим колокольчикам. В кружок выходил человек и пел частушку, потом второй и так далее. Случались даже целые частушечные дуэли. Например, один из наших информаторов Елена Камкина и ее будущий муж общались так:

Он:
Голубые, голубые,
Голубые небеса!
Кабы были голубые
У залеточки глаза!

Она:
Голубые, голубые,
Голубые нипочем!
Мы и карими глазами
Кого надо завлечем!

В «колхозные 30-е» праздники запрещались как кулацкие попойки. В «военные 40-е» было не до них. В «хрущевские 50-е» шла антиалкогольная кампания. Варить пиво варили, но пили по домам, деревенских праздников не собирали. А в 60-е правительство решило

возрождать народные традиции. Вновь, теперь уже по линии культотдела, стали собирать жителей деревни, приглашать фольклорные коллективы. Такой праздник начинался с речи председателя селькома, затем следовали выступления фольклорных коллективов, а потом — танцы, порой под традиционную тальянку, с частушками. В 90-е селькомы исчезли, да и культотделам не до деревенских праздников, а праздники всё живут.

Праздник в Ирданове. Деревенские праздники в Никольском районе приходятся на Петровский пост (конец июня — начало июля), когда сев уже закончен, а сенокос еще не подоспел. Мы приехали на Вологодчину в августе, и почти все говорили нам, что на праздники мы уже никак не попадем: «Уже прошли». Но судьба была благосклонна к этнографам: в деревне Ирданово праздник назначили на 15 августа — сейчас никто не жнет и не пашет, а картошку копать еще рано.

С утра деревня выглядела деловой и оживленной. По улице мимо библиотеки то и дело проезжали автомобили. В них были родственники ирдановцев, живущие в Никольске и окрестностях. Несколько человек собрали по всей деревне лавки и выстроили подобие зрительного зала. Гости принялись занимать места. Впереди справа, на лавку с подлокотниками и спинкой сели самые старшие и уважаемые люди. Слева и сзади от них — среднего возраста. И позади всех рядов, на поленнице — ребятишки. Поразительным образом оказались соблюдены все правила проксемики и семантики: впереди и справа сидели наиболее почетные жители деревни и гости, потом — обыкновенные, а ребята оказались немного в стороне.

Далее было вводное слово библиотекаря о том, что такое деревенский праздник, пели песни фольклорные коллективы и все желающие. В итоге за все время на сцене побывали около трети зрителей. Принцип «себя показать и на других посмотреть» тоже был соблюден. После официальной части тальяночник взял в руки свою тальянку, а женщины образовали кружок и стали петь частушки. Словесных дуэлей, конечно, не было: и возраст у певиц не для озорства, и мужчин в деревне мало. Зато проводили нас специальными частушками:

До свиданья, до свиданья,
Тебе до свиданьица!
И еще раз до свиданья,
Милое созданьице!

До свиданья, до свиданья,
До свиданья три разá.
Никогда я не забуду
Эти серые глаза!

Экспедиция 2010 года. Зимняя Вожгора

В конце январе 2010 года я с тремя студентами вновь отправился в Вожгору. Я отталкивался от распространенного утверждения, что этнографы прекрасно знают летнюю деревню, но совсем не представляют зимнюю. Зимняя деревня отличалась от летней визуально: почти никого на улицах, тишина, и только ровные столбы дыма идут из труб домов. Яркая окраска стен, которая воспринималась летом как аляповатая, неестественная на фоне зелени листьев, желтизны песка и бело-голубого неба, зимой не резала глаз. На фоне белого безмолвия снега и покрытых инеем деревьев краски становились ярче и естественнее. Это была сама жизнь. Яркие цвета маркировали присутствие человека. А черные, неокрашенные северные дома, считавшиеся нами после посещения Малых Карел «традиционными», растворялись среди темных туч и темноты ночи.

Зимой нас поселили в доме Владимира Михайловича Любченко. Мы по вечерам ужинали вместе с ним и разговаривали. Он родился в Сумской области и в детстве пережил немецкую оккупацию. Он рассказывал, что в его доме стояли немцы. Однажды вечером они приставали к женщинам: «Ком фиг-фиг (от нем. *komm fick-fick* — 'пойдем заниматься сексом'. — *А. Т.*)». Одна женщина, у которой был грудной ребенок, слегка щипала его, он начинал плакать, немец отпускал ее к ребенку, а сам засыпал… Владимир Михайлович замолчал и снова разговорился только через полчаса.

После школы он рванул на Север, стал работать трактористом в Лешуконском районе. Постепенно он стал лешуконцем, по крайней мере, его так воспринимали. Он рассказал два анекдота про то, как лешуконцев воспринимают архангелогородцы. Однажды он поехал в Архангельск на переподготовку. Когда его сосед по комнате узнал, откуда он, то с серьезным видом сказал: «На лампочку не дуй — выключатель на стене». Другой анекдот касался лешуконских призывников, которых привезли на вокзал в Архангельске и оставили группой на перроне. Веселый машинист маневрового локомотива спросил, откуда они, и, узнав, что они «из Лешуконьска», громко крикнул: «В сторону отойдите — разворачиваться буду». По логике анекдота, призывники опрометью кинулись прочь от края платформы. Уж не знаю, случалось ли такое в действительности, но образ лешуконцев определенно был ярким.

Все эти истории мы не записывали: они исходили не от аутентичного носителя культуры, а, по терминологии К. В. Чистова, были «вторичными культурными явлениями». Сейчас я очень сожалею, что в те дни не записывал беседы на диктофон или не вел дневника. Позже я узнал, что Владимир Михайлович был хорошим другом Василия Капитоновича Ляпунова, представителя старейшего в селе Вожгора рода Федоровцев. Да и вся жизнь Владимира Михайловича, проведенная

в деревне, делала его достаточно компетентным и аутентичным для ответа на наши вопросы.

Владимир Любченко возил нас на Лёбу на снегоходе. По дороге мы останавливались и пили чай из термоса около Бабкиного пня. Никакого пенька там не было, но была куколка, похожая на куклу Масленицы, высотой около 1 метра 20 сантиметров. За пояс ей был заткнут букет цветов. Рядом, на снегу лежало несколько конфет. Мы попили чая и продолжили путь. Перед отъездом Володя показал куколке направленную вниз ладонь, так же как говорят «спасибо» московские водители, когда их пропускают в пробке.

Интересно отметить, что от Кослана до Вожгоры Володя довез нас за 3 часа, и это по сравнению с 12 часами пути летом 2007 года. Мы удивлялись, а Володя сказал: «Дедушка Мороз подправил дорогу-то». Обратно мы возвращались через Архангельск. Заезжали в Кимжу, чтобы посмотреть прекрасную Одигитриевскую церковь, но именно в тот год она была полностью разобрана. В Совполье — селе на полпути между Мезенью и Пинегой — обедали в столовой. Кто-то из водителей, видимо мезенцев, в шутку сказал, кивая в нашу сторону: «Лешуконов не корми — у них там птичий грипп». В тот момент я понял, что значит широко распространенное в англоязычной литературе выражение *go native*. Мне хотелось ответить за всех «нас», лешуконцев, что птичьего гриппа у нас нет, чтобы у себя в Мезени его поискали. Я промолчал, но ощущение, что «наших» обижают, осталось. Мы простились с Володей в Архангельске около дома Ольги Ляпуновой, которая размещала нас у себя, и Володя сказал: «Приезжайте еще, мы к вам уже привыкли».

Экспедиция 2010 года. По сакральным местам Лешуконья

Обетные кресты Лешуконии. Лешуконский район Архангельской области — это этнографический заповедник Русского Севера. Все население района сосредоточено вдоль двух рек, которые являются и основой хозяйства, и главными транспортными артериями. Более крупная река Мезень впадает в Белое море. Около районного центра в Мезень впадает река Вашка. До середины XX века районный центр так и назывался: Усть-Вашка, но затем был переименован в Лешуконское. Как говорят некоторые краеведы, незаконно, потому что «лесной конец» — «лешук кона» — это только один из околотков большого села Усть-Вашка.

Отправимся в путешествие от верховьев реки Вашка к ее устью. Эта часть Лешуконии выделена в отдельный сельсовет, который носит название Олемский, по центральной деревне. В этих местах традиции почитания обетных крестов сохраняют множество следов языческих времен. «Обетный», или «обветный», крест на Севере ставится по обещанию — обету («обвету»). Потерялся человек в лесу — родные забеспокоятся. Помолятся Богу, пообещают крест оставить, если вернется человек. «Обветиться» значит обратиться к Богу с просьбой

о разрешении какой-либо житейской сложной ситуации, а в случае ее разрешения или предварительно пообещать установить крест.

Также к обетным крестам носят «обветы» — монетки, конфеты, предметы одежды с просьбами об успехе на экзамене, исцелении от болезни и т. п. Отдельно стоит упомянуть магическое представление о том, что если принести «ко кресту» предмет одежды, связанный с заболевшей частью тела, то это может привести к исцелению. Так, например, женщины, у которых болит голова, относят на крест косынки. Принесенные вещи обычно вешают на крест. Данное представление распространяется и на другие предметы: например, принесенная тетрадь, по представлениям учащихся, может помочь успешно сдать экзамен или написать контрольную работу. На крестах нередко размещают «пелены» — тканые мешочки, в которые можно складывать принесенные монеты и конфеты.

Такие кресты стоят и около Соловецкого монастыря, и по дорогам Пинежья, Каргополья, Поважья и Обонежья. Но только в олемских местах встречаются целые крестовые рощи, где в небольших балках или лесных лощинах теснятся по тридцать крестов.

Однако обо всем по порядку. Река Вашка берет свое начало в Удорском районе Республики Коми. Русскими заселено только нижнее течение Вашки — от деревни Кеба до села Лешуконское. Сейчас во всей русской части Повашья нет ни одного действующего церковного прихода. С этим связана сохранность своеобразной идейной автономии региона, не затронутого влиянием официального православия ни в начале XX века, ни в начале века XXI. Наша экспедиция двигалась от деревни Чупрово, которая находится еще в Республике Коми. Первый этап пути от Чупрова до Кебы мы преодолели пешком. Затем двигались то на попутных автомобилях, то на лодках.

Кеба: дальше только коми. В деревне Кеба мы нашли четыре обетных креста. Все они находятся в самой деревне, что является довольно редким явлением в этом районе. Кресты расположены на возвышенностях близ устья реки Кеба, впадающей в Вашку. Один из крестов представляет собой столб с приделанной сверху небольшой «крышей», однако он также зовется местными жителями «крест». Согласно рассказам местных старожилов, эти кресты раньше находились традиционно в некотором отдалении от деревни, некоторые даже на другом берегу Вашки. Однако их перенесли в связи с тем, что пожилым людям было затруднительно посещать дальние кресты.

Из всех крестов освящен священником только один — поставленный Клавдией Ивановной Нориной. Он находится на месте разрушенной в советское время церкви Николая Чудотворца. Традиция приносить «в дар ко крестам» предметы одежды осуждается духовенством, которое, впрочем, лишь изредка заглядывает в этот отдаленный уголок. Как сообщила нам сама Клавдия Ивановна, «первоначально люди полагали,

что, принося вещи, они приносят вещи Богу. Однако священник Владимир, побывавший в 2010 году в Кебе, пояснил жителям, что „Богу эти вещи не нужны“ и нужно, чтобы „эти вещи забирали нуждающиеся“».

Олема. Около следующей деревни, Олемы, находятся две группы обетных крестов. Обе расположены в лесу за пределами деревни. Одна примерно в двух километрах южнее Олемы, близ устья рек Олемы и Комши, в овраге, у ручья, по одним рассказам зовущегося Студеным, по другим — Крестовым. Впрочем, в деревнях очень часто одно и то же место имеет несколько названий. Надо отметить, что бóльшая часть найденных нами крестовых групп располагалась у ручьев или речек. Вода из этих водоемов считается святой и целебной. Почитание ручьев — древнейшая из славянских языческих традиций. Однако в ходе опросов местных жителей нам не удалось выяснить, что было первичным: почитание крестовой группы или воды из «святого» ручья. При этом мало сомнений вызывает тот факт, что наличие источника прямо повлияло на выбор конкретного места почитания. В момент осмотра крестовой группы 13 августа 2010 года мы застали ручей практически пересохшим. Водоток начинался только из ключа, бьющего примерно в пяти метрах ниже крестовой группы.

Группа на Студеном ручье насчитывает одиннадцать крестов, установленных разными людьми в разное время. Все они обильно увешаны различными предметами одежды и домашнего обихода: косынками, футболками, носками, полотенцами, платками, свитерами и т. п. Причем косынки повязаны на верхушки крестов, как на головы (это характерно и для других групп обетных крестов). Предметы здесь не производят впечатления новых, хотя некоторые местные жители подчеркивали, что вещи «ко крестам» нужно носить обязательно новые, подчас даже специально купленные в магазине для этой цели. Любопытно отметить, что близ крестов в овраге стоит стол со скамейками — верное свидетельство того, что крестовая группа служит и местом трапезы местных жителей. Обычай устраивать пиршества в местах поклонения святыням не является исконно христианским.

Другая группа крестов находится примерно в семи километрах к северу от Олемы, в овраге ручья Крестового, почти на самом берегу Вашки. Здесь можно видеть девять стоящих крестов и один старый, лежащий на земле. Вновь в большом количестве на крестах висят косынки, шарфы, носки (новые, порой даже с ценниками). На поперечных рейках крестов лежат булавки, монетки, гвозди. По рассказам местных жителей, монеты раньше прятали под камни, лежащие возле крестов. С этой группой связана еще одна интересная традиция: жители деревень, расположенных вниз по Вашке, когда плыли в сельсовет на пароходе, обязательно, проплывая мимо крестового оврага, кидали в реку монетку, на счастье.

Резя. Для того чтобы добраться до следующей деревни — Рези, нам пришлось переправиться на правый берег Вашки. Основной святыней этой деревни является часовня Георгия Победоносца, расположенная примерно в четырех километрах к северо-северо-востоку от деревни, на берегу ручья, близ места впадения его в реку Чуласа. Вода из этого ручья считается целебной; ее полагается черпать непременно по течению, а не против. Воды речки Чуласа также считаются благотворными. Среди местных жителей бытует пословица, противопоставляющая свойства Чуласы другой окрестной речке Выкомша: «Чуласа лечит — Выкомша калечит».

Часовня представляет собою небольшую срубную избушку. Вход сделан ниже роста взрослого человека. Внутри стоит стол, который выносят на улицу во время коллективной трапезы, виден деревянный крест, прислоненный к стене, на стенах висят иконы, на специальной полке справа от входа в часовню сложена одежда: носки, платки, свитера и др. На улице рядом с часовней стоят два креста. Неподалеку от них лежит еще один. На стоящих крестах висят пелены, вещей нет (все они сложены внутри).

Основным днем почитания этого места является 27 сентября — церковный праздник Крестовоздвижения. В этот день к часовне съезжается много народа из окрестных деревень, к столу группы «паломников» усаживаются по очереди. Как сообщил нам местный охотник, часовня нередко используется здешними охотниками для отдыха и обогрева.

Чуласа. На проселочной дороге из Рези в Чуласу, примерно в пяти километрах от последней, на берегу реки Чуласа стоит обетный крест, установленный жительницей деревни Чуласа Марией Федоровной Опариной. Рядом есть костровое место, наколоты и сложены дрова. На кресте висит одна пелена: одежду Мария Федоровна приносить сюда запрещает, считая этот обычай языческим. Крест, поставленный примерно пять лет назад, широко известен среди местных жителей.

В одном километре к северу от Чуласы, прямо у проселка, ведущего в деревню Русома (примерно в пятнадцати метрах от него, священное место хорошо видно с дороги), находится еще одна традиционная для Повашья крестовая группа. Ее составляют девять стоящих крестов, один старый, упавший, и один столб с изображением креста на нем. Группа огорожена деревянной оградой. За пределами ограды, возле входа, стоит столик со скамьями. На крестах развешаны предметы одежды, традиционный набор: косынки, свитера, футболки и т. п. Рядом с группой протекает ручей.

Неподалеку от деревни расположен так называемый Худой мост — развaленный мостик через небольшую речушку, овеянный мрачными легендами. Жители рассказывают о многочисленных несчастных случаях

при переезде через этот мост повозок, запряженных лошадьми. По свидетельству местных жителей, у моста раньше также стояло много крестов. Но мы, осматривая мостик и его округу, обнаружили лишь два, старых и поваленных.

Русома и Каращелье. Следующая деревня в сторону Лешуконского называлась Русома. Ни жители окрестных деревень, ни ее обитатели, которых нам удалось опросить, не знают об обетных крестах или каких-либо иных сакральных местах, относящихся к этой деревне. Как сообщила нам Клавдия Ивановна Осипова, жители Русомы со своими обветами ходили к обетным крестам у деревни Каращелье.

Следующая деревня расположена совсем недалеко от Лешуконского. Здесь даже начинает работать мобильный телефон, безжалостно оповещая обо всех непринятых звонках и сообщениях за неделю без связи.

В нескольких километрах от деревни Каращелье, выше по течению Вашки расположена самая многочисленная из осмотренных нами группа обетных крестов: их здесь 35. Группа примыкает к Крестовому ручью. Название идентично Крестовому ручью в Олеме, хотя каращельский «ручей» превратился в пересохший овраг. Кресты стоят как в самом овраге, так и сверху, на его «берегах». Несмотря на большое число крестов, одежды на них почти нет: на многих висят пелены. На одном — детская погремушка. Позднее у местных жителей мы выяснили, что приносимые сюда монеты и одежду забирает лешуконское духовенство: одежда раздается нуждающимся, а деньги отдают церкви.

Деревня Едома. В центре деревни расположен большой и старинный поклонный крест. По словам Алевтины Васильевны Поташевой и других местных жителей, едомскому кресту уже более ста лет. Недавно поменяли лишь подгнившую нижнюю поперечную перекладину. Необычайная долговечность креста связана с тем, что он сделан из лиственницы. Одежды на этом кресте во время нашего посещения не было.

Примерно в полутора километрах от Едомы, в лесу на левом берегу речки Вызя, но поодаль от нее, находится группа из четырех крестов. Кресты расположены в густой еловой роще. Отличительной чертой этой группы является отсутствие ее привязки к оврагу или ручью со святой водой. По сообщениям местных жителей, этот лес пользовался дурной славой места, где «водит» и люди часто теряют дорогу. Неподалеку протекает Дьяков ручей, также считающийся нечистым местом, по сообщению опрошенных нами местных жителей. Возможно, кресты здесь ставились для того, чтобы обезопасить, «очистить» это место. Также здесь наше внимание впервые обратили на то, что некоторые кресты вытесаны из цельных стволов деревьев, в частности лиственниц.

Рядом с крестами к деревьям прибита лавка для сидения. На одном из деревьев висит старое ржавое кадило. Местная жительница Наталья Аркадьевна Опарина сказала, что люди кадят им сами. На этих крестах, так же как и на каращельских, мы не обнаружили предметов одежды, хотя, по сообщениям всех опрошенных нами местных жителей, обветы люди сюда носят часто. Причина отсутствия обветов на своем месте та же, что и в случае с каращельскими крестами: их забирают священники из Лешуконского.

Выше по течению реки Вызя, тоже с левой стороны, в нее впадает Ялый ручей, вода которого считается целебной. При этом, насколько можно судить по материалам опросов, он не отмечен никакими рукотворными святыми объектами (такими как кресты) или особыми легендами о происхождении его благотворных свойств.

Расположившись в гостевом доме в Лешуконском, а потом и в купе поезда Архангельск — Москва, мы долго спорили о том, что же это такое, почитание крестовых оврагов. Язычество или христианство? Однозначного ответа здесь, пожалуй, быть не может. Для тех людей, которые дают обветы и приносят обветы, читают около крестов христианские молитвы и пьют чай, это, конечно, христианство. Это та вера, которой научили местных жителей их отцы и деды. С другой стороны, думая о крестах около ручьев и столиках для трапез рядом, невольно вспоминаешь фразу из «Слова святого Григория»: «…а друзии огневи, икамению, и рекам, и источникам, не токмо же то в поганьстве творяху, но и мнози ныне то творят кретьяне ся нарицающе…»

Экспедиция 2011 года. Вытегория — обитель Батюшки Онего

Вытегорский район — самый западный из районов Вологодской области. В давние времена он входил в состав Обонежья. Новгородцы, заселявшие этот регион, двигались от метрополии на ладьях до Ладожского озера, а затем по Свири поднимались до Онеги. Берега по левую и правую руку от Свири именовались Обонежьем, северо-западное побережье — Заонежьем. Путешествие древних новгородцев на этом не прекращалось. Они поднимались по рекам Водле или Вытегре, далее волоком перетягивали суда в бассейн реки Онеги и шли по ней до Белого моря. Все земли, куда можно было добраться, только используя волоки, назывались Заволочьем. А мы остановимся здесь.

Страницы истории. Крестьяне, обосновавшиеся здесь, не знали крепостного права. Они селились преимущественно однодворными деревнями. Такое поселение состояло из объединенного под одной крышей дома-двора и, на небольшом отдалении, ледника и амбара. Основными транспортными артериями вплоть до XIX века в регионе оставались реки. Очень часто по одной реке селились потомки одного первопереселенца. Эту особенность подметил по писцовым книгам отечественный этнограф Михаил Владимирович Витов. Он указывает,

что вдоль одной реки все жители, как правило, имели одно отчество: «Степанко Семенов, да Федко Семенов, да Лашко Семенов, да Гришка Семенов, да Матюшко Семенов, да Михалка Семенов».

До XIX века вытегорские земли были перевалочным пунктом дороги из Санкт-Петербурга в Архангельск. С 1810 года ситуация изменилась. Была открыта Мариинская водная система, которая связала Волгу с Балтийским морем и прошла по рекам Шексна, Ковжа и Вытегра. Система включала в себя 28 деревянных шлюзов, а на дорогу от Рыбинска до Санкт-Петербурга необходимо было тратить более трех месяцев. В течение всего XIX века система совершенствовалась: углублялись каналы, строились дополнительные шлюзы.

В середине того же XIX века в Обонежье приходят круп-ные предприятия, которые занимаются вывозом леса из России. В Оште, Андоме, Самине создаются разнообразные артели, занимающиеся рубкой, перевозкой и сплавом деревьев. В конце XIX века этнограф и диалектолог Герман Куликовский в серии очерков об артелях Обонежья писал также о «бревнокатных, пиловых, тесоносных, дровокатных и женских дровоносных артелях». Примечательно, что в этих артелях жил дух капитализма. Крестьяне нанимались в артели не гуртом, а по отдельности. Каждый домохозяин отвечал сам за себя, и круговой поруки, широко распространенной в других отраслях крестьянской экономики, не существовало.

В 1930-е годы было принято решение о модернизации системы каналов, чтобы иметь возможность проводить по ним военные суда. Для того чтобы весь Волго-Балтийский путь находился в подчинении одной области, Вытегорский район Лодейнопольского округа Ленинградской области, включив в себя часть территории Оштинского, Ковжинского и Андомского районов, вошел в состав Вологодской области.

В 1960-е годы завершилось усовершенствование Волго-Балтийского канала, который вместо имени императрицы Марии Федоровны получил имя В. И. Ленина. Все деревянные шлюзы на конной тяге были заменены железобетонными механическими конструкциями. По Ковже и Вытегре стали ходить морские крупнотоннажные суда. В настоящее время именно в сфере обслуживания канала работает большинство жителей города. Канал является основным поставщиком туристов в город.

Военные годы. Вытегорский район — единственный район Вологодской области, на территории которого велись боевые действия в Великую Отечественную войну. В 1941 году войска генерала Маннергейма занимают территории на Онежско-Ладожском перешейке и стремятся прорваться к немцам, захватив южное побережье Ладожского озера. Другая часть финских войск направляется к Оштинскому Погосту, намереваясь развить наступление на Вологду. В Оште из местных жителей был сформирован истребительный батальон, который держал оборону и прикрывал эвакуацию людей

и припасов по Вытегре на Волгу. После прибытия в Вытегру частей 272-й стрелковой дивизии линия фронта на три года стабилизируется.

Сухие слова «фронт стабилизировался» на самом деле значат многое. Во-первых, все предприятия из двадцатипятикилометровой прифронтовой полосы были эвакуированы. Многие из уехавших людей нашли работу в других районах Вологодской области и после освобождения Ошты не вернулись в родные края. Во-вторых, линия фронта с обеих сторон обросла минными полями. Они снижали возможность внезапного прорыва. Только 19 июня 1944 года в ходе операции 368-й стрелковой дивизии район был полностью освобожден. Однако война для местных жителей на этом не кончилась.

Из девушек Вытегорского района был сформирован батальон минеров. Они прошли обучение по семидесятичасовой программе Осоавиахима и были отправлены на задания. Если заминированный участок был сухим, его выжигали. От этого большинство мин взрывалось, а оставшиеся становились заметнее. Если участок был мокрым, то его разбивали на полосы по полтора метра шириной и девушки производили разминирование вручную. Уже давно отгремел салют Дня Победы, а минеры Ошты все еще несли потери от расставленных финнами мин. Подрывались на них и обычные колхозники, старавшиеся скосить сено для личного скота на незанятой колхозом земле. Лишь к сентябрю 1946 года разминирование было завершено.

Вепсский след. Вытегорский район — территория, на которой начиная с X века бок о бок живут русские и вепсы. Михаил Владимирович Витов, исследовавший этот регион в 1950-е годы, отметил такую особенность. В этнографическом плане деревни четко делились на русские и вепсские. Например, Оштинский Погост был полностью русской, а Шимозеро — полностью вепсской территорией. В антропологическом же плане жители всех поселений Вытегории были весьма схожи. Из этого факта ученый сделал вывод о том, что проникновение русских в этот регион шло небольшими группами. Новопоселенцы смешивались с вепсами, заимствуя у них лексику (в первую очередь рыболовецкую и магическую), а также некоторые хозяйственные приемы. Вытеснения или противостояния не было.

Русские Вытегории отличаются от соседних с ними русских Вологодской области. Во время поездки члены экспедиции помогали одному из местных жителей Алексею на покосе. Кроме нас, на самую сложную работу — метать стог — Алексей пригласил своего сослуживца по местному отделению МЧС Дмитрия, который был родом из Кирилловского района. Стог в Вытегорском районе напоминает яйцо. Сначала ставится «стожар» — вертикальная жердь, основа будущего стога. Затем мечется небольшое основание, около двух метров в диаметре. После этого ставятся подпорки с развилками на конце —

«соромины» — и стог начинают расширять до трех метров в поперечнике. Потом на высоте четырех метров делают конусообразное завершение и на конец стожара надевают связанные петлей ивовые ветки с зелеными листьями — «кагачи». И слово «соромина», и слово «кагач» имеют вепсское происхождение.

Во время работы Алексей и Дмитрий беззлобно подшучивали друг над другом. «Зачем вам такой стог высокий, думаете, сверху не украдут сено?» — интересуется Дмитрий. «Ты давай работай, а то его и красть не надо будет — он у тебя на бок завалится», — отвечает Алексей. Затем находящемуся уже на высоте четырех метров Дмитрию подают кагачи. «Это еще зачем, что это такое?» — удивляется он. «Кагачи, чтобы сено от ветра не разлетелось», — отвечает Алексей. «Оно и так не разлетится. Кагачи… Слово-то нерусское!» — подмигивает Дмитрий. «Самое что ни на есть русское!» — отвечает Алексей. И уже совсем нешуточный спор разгорается, когда приходит время спускаться со стога. Дмитрий просит воткнуть в стог на высоте двух метров вилы, чтобы встать на них, как на ступеньку. Алексей предлагает подать палки-носилки длиной около четырех метров и спуститься по стогу, как по ледяной горке, держась за них, как за перила. Вроде дело несложное, а у каждого свои взгляды. Кириллов и Вытегра рядом, а традиции особенные.

По всей вероятности, из вепсской старины пришли к вытегорам поминальные обычаи. Каждый раз, проходя мимо кладбища, люди заходят к родственникам «платочком помахать». Многие просто подходят к ограде, возьмутся левой рукой за нее, помашут правой, с платочком, и дальше пойдут. Те, кто «малтает» ('знает, разбирается'), учат так: «Надо зайти за ограду и взмахнуть два раза платком вверх — открыть покойнику глаза. Потом посидеть на лавочке, поговорить с ним, а перед уходом махнуть платком два раза вниз — закрыть покойнику глаза». Обычай регулярно (а не по специальным, поминальным дням) проведывать покойников — финно-угорского происхождения. То же можно сказать и о практике «будить» и «усыплять» покойников.

Кроме этих обычаев, еще многое в культуре Вытегории напоминает о древних насельниках этого края. То тут, то там в речи услышишь вепсские слова. «Лудо» — каменная отмель на озере, от финского *loudo* — 'отмель'. Слово «луда» широко распространено по всему Русскому Северу, но в Обонежье в нем четко артикулируется звук «о» в конце слова. «Кенда» — высокий песчаный берег, поросший соснами. Однокоренное слово «кондовый» — 'крепкий' — имеет гораздо более широкое распространение в русском языке. В других районах Вологодской области словом «конда» обозначают сосну, растущую на сухом возвышенном месте, в противоположность соснам, растущим на болотах. Именно из первого вида сосен получается крепкие, кондовые брусья.

Да, а еще жуки здесь «бурандают», а лягушки «кырандают», а вовсе не жужжат и не квакают.

Батюшка Онего. Конечно же, важную роль в культуре местных жителей играет Онежское озеро, которое они именуют Батюшкой Онего. В каждом колхозе в советское время были рыболовецкие бригады. Такая бригада, в отличие от полеводческой, формировалась по артельному принципу. Бригадир набирал своих знакомых для вылова определенного количества рыбы. Весной во время путины рыбаки из Тудозерского и Андомского колхозов уезжали к деревням Кюршево и Голяши, расположенным непосредственно на берегу Онего, и ловили рыбу. Рыбу первого сорта сдавали на рыбзавод, рыбу второго сорта ели во время лова и часть оставляли себе. Первый сорт — это красная рыба, «ло́сось», с ударением на первый слог.

Кстати сказать, именно такое ударение долгое время было единственно правильным в литературном русском языке. Только в середине XX века было признано нормой ударение на втором слоге. На пожилых интеллигентов Карелии слово «лосо́сь» производит то же впечатление, что и средний род слова «кофе» на москвича.

Для зимнего лова бригады распределяли по небольшим озерам, которыми изобилуют Вытегорский край, соседняя Карелия и Ленинградская область. Начинаются бесконечные перечисления: Лужандозеро, Бундозеро, Гонгинское, Кудьмозеро и другие. Рыбаки жили в других деревнях по несколько недель. На это время «снимались квартиры» — у местных колхозников арендовался дом, где рыбаки и жили. Один рыбак вспоминает: «Мы им рыбкой платили, они довольны были. Радовались, когда мы приезжали. А мы всё озеро обловим и уедем».

В настоящее время отлов рыбы на Онежском озере, можно сказать, запрещен. Самые большие квоты на отлов рыбы получают хозяйства Республики Карелия. В Вытегорском районе крупных рыболовецких хозяйств нет. Вытегоры по-прежнему ловят рыбу, однако с точки зрения закона это называется браконьерством.

Не очень охотно рассказывают местные жители об обрядах и поверьях, связанных с Батюшкой Онего. Например, если перед человеком стоит какой-то важный вопрос, надо задать его себе и выйти постоять на берег озера. Если озеро сразу спокойно или, наоборот, бушевало-бушевало и вдруг внезапно успокоилось, а вдали блеснул просвет в облаках, значит, Батюшка Онего отвечает положительно. Если же озеро непонятно почему разбушуется или в ведрую погоду набежит туча, следует отменить приятое решение: Батюшка Онего противится.

Есть и еще одна интересная особенность, о которой и вовсе не разговаривают. Из озера вылавливают коряги причудливой формы, называемые здесь «калужинами». Они натерты водой до серебряного блеска, закруглены так, что не найти ни одного острого угла. Никто не говорит, зачем они нужны. Однако на Андоме-горе редкий дом не украшен такой корягой. Даже на баркасе, который иногда возит туристов

к Муромскому монастырю, укреплена обтесанная озером комля небольшого дерева. Местные жители говорят, что «выловили корягу просто так, для украшения». Однако глаз этнографа цепляется за эти детали. Далеко от Русского Севера эскимосы Канады делают из выловленных в море веточек причудливой формы амулеты-обереги, скрепляя их кожаными ремешками. Если развилка напоминает человечка, то этому придается особое значение. Но об этом вытегоры не рассказывают не только первым встречным, но и позже.

Экспедиция 2013 года. Путешествие в верховья Пёзы

Путь на Пёзский волок. В 2013 году мы вместе со студентами отправились в верховья реки Пёза, которая протекает с востока на запад по Мезенскому району Архангельской области. Это была, пожалуй, единственная экспедиция, в которой все участники были молодыми людьми. Дорога предстояла непростая: сначала на самолете до крайнего сельсовета Мезенского района — деревни Сафоново, затем вниз по реке на лодках, пешком или как придется. А в самом конце экспедиции мы планировали совершить пеший поход из города Мезень на урочище Козьмин перелесок, которое является одним из немногочисленных святых мест на Русском Севере и почитается и ненцами, и русскими.

Итак, верховья Пёзы — это начало Пёзского волока. Этот пеший участок пути соединял Мезень с Усть-Цильмой. Он был основным участком «многожильного» пути из Москвы в Мангазею, Пустозерск, далее в Сибирь и, если надо, Русскую Америку. Только в середине XIX века, в связи с расцветом у коми-ижемцев товарного оленеводства, дорога через Койнас становится более важной и государство держит на ней избы «кушни». Пёзской тайболой в 1837 году прошел русский путешественник Александр Густав фон Шренк по дороге к оленеводческим кочевьям ненцев Большеземельской тундры и на острове Вайгач.

Что скрывает «бабий» фасад? Мы прибыли в Сафоново в начале августа 2013 года, нас встретила Роза Николаевна Окулова и поселила в доме местного жителя. Он на тот момент уже долго проживал в Мезени, но свой дом был готов предоставлять путешественникам вроде нас.

Мы отправились на интервью и задавали там вопросы про обетные кресты, которых в этих краях так же много, как и в других местах Севера, об оленеводах, которые приходили, о территориальном общественном самоуправлении… в общем, о жизни в деревне. Как и в значительной части случаев, у нас складывалась картина «бабьего царства»: все мужики пьют, а «тех, кто не пьет, в деревне и не увидишь». Эту фразу мы поначалу трактовали как то, что мужское население уезжает из деревни в города и там оседает. Все общественные организации состоят из женщин: сельсовет — одни женщины,

депутаты — в основном женщины, ТОС — женщины, женское самоуправление даже не упоминаю… Отмечу лишь, что крепкие северные женщины играют действительно важную роль в деревне. Фактически на них деревня держится, и это не преувеличение. Зарплаты около 12 тысяч, пенсии почти такие же. Выживать позволяют лесные промыслы и огород. В основном нам говорили про ягоды и грибы.

Протралив деревню несколько раз туда-сюда, мы столкнулись с бытовой проблемой, которая внезапно и случайно позволила совершенно иначе взглянуть на деревню. У нас сломался электрический чайник. Мы обратились с этой проблемой к Розе Николаевне, и она посоветовала нам открыть подсобку и посмотреть там, нет ли запасного чайника. Вооружившись гвоздодером, мы оторвали доску, запиравшую дверь в подсобку, и увидели почти пещеру Аладдина, в ее северном виде. Перед нами открылся склад вещей, необходимых для лесных промыслов и путешествий: фонари, бензогенератор, электроскороварки и, наконец, два лодочных мотора «Ямаха». Чайник, надо сказать, мы тоже нашли. Вещи стоили таких денег, что не только человек с зарплатой в 12 тысяч радовался бы их наличию, но и любой москвич-путешественник не отказался бы от такого набора.

Мы поделились своим открытием с местными жителями, но это не произвело на них никакого впечатления: «Дак как же иначе, если в верховьях рыбу ловить или на Сюрзю отправиться, без этого никак». Причем женщины совершенно спокойно говорили, что такой или почти такой же набор есть у всех мужиков в деревне. Внезапно оказалось, что и мужики в деревне есть, и деньги у них есть за пределами низкой сельской зарплаты. И что об этом все знают…

Разница в разговорах о «бабьем царстве» и характеристике «у всех это есть» заключается в том, что первый разговор — официальный и легальный, а второй — местное знание, которое стороннему наблюдателю открывать особенно и не надо: напишет где-нибудь, хуже всего в газете или «в интеренете», и проблем не оберешься. Оказывается, мужики в деревне есть. Они действительно пьют или, вежливее сказать, регулярно выпивают. Для них время в деревне — время отдыха, когда надо делать значительно меньше, чем в лесу. Их работа — промыслы: они добывают рыбу (щуку, хариусов), а также птицу и иногда зверя. Все эти промыслы, которыми на Севере занимались испокон веков, внезапно стали незаконными. Не совсем, конечно… Можно брать лицензии на отлов рыбы, на отстрел зверя, но это дорого, а еще и очень долго: за разрешениями надо ехать в Мезень — это три дня пути туда, три дня обратно, да еще надо в самой Мезени побыть. Если ехать за одной лицензией, то оформление разрешения на одну рыбину окажется вдвое дороже, чем та сумма, за которую ее можно продать. О вложенных силах речи даже не идет.

Складываются различные «серые», браконьерские схемы, как добыть рыбу и еще что-то заработать. О них не говорят. Все они «незаконны»,

несмотря на то что формы лова рыбы являются традиционными, пришедшими от отцов и дедов. Мужики о них с приезжими не говорят, и женщины не говорят. Вот и получается, что легальное царство — исключительно бабье.

Захряпы. Одно из интереснейших явлений пёзских деревень — существование там антропоморфных фигурок, сделанных из стволов деревьев, коряг-рассох причудливой формы или из высоких пеньков. Фигурки, как авторитетно говорилось в «интеренете», назывались захряпами. Они украшались одеждой: на одну корягу были надеты женские и мужские вещи, называлась композиция «Бабка с дедом». В другом месте по песчаному косогору к реке спускалась старушка. На третьей фотографии пенек высотой около 70 сантиметров из достаточно толстого дерева был превращен в крепыша охотника, на него было навешено старое ружье, а поперек груди надет патронташ. Впрочем, кроме названий и говоривших за себя фотографий, в сети было очень мало сведений о том, для чего нужны захряпы, кто их ставит, что делают рядом с ними… Отправляясь на лодке вниз от Сафонова, мы хотели выяснить, что же это за такие вещи.

Вниз от Сафонова, километрах в 10 по дороге и 25 по петляющей Пёзе, находится деревня Ёлкино. Рядом с ней мы встретили лодку с рыбаками. По правде говоря, там было две женщины и двое мужчин, которые поймали достаточно много рыбы, поэтому противопоставление «легального бабьего царства» «браконьерскому мужскому» тоже часть игры по созданию определенного образа деревни. Так вот, эти люди сказали нам, что лет десять в десяти километрах вниз от Ёлкино стояла бабушка, но в прошлом году ее уже не было видно. «Может, увезли куда?» — бесстрастно заметил мужчина, сидевший «на моторе». Мы поплыли вниз и пристали к берегу в том месте, где должен был быть захряп. Мы нашли деревянную бабушку упавшей лицом вниз после очередного оползня. Мы все вместе водрузили ее назад и укрепили ветками, чтобы она стояла и не падала. «Вот молодцы!» — приветствовал нас наш провожатый. Дальнейшие расспросы о том, что надо делать около бабушки, как правильно себя вести, возвращались к нам в виде универсально-философского: «А по-разному бывat».

Немного не доезжая деревни Мосеево находились те самые захряпы — бабушка и дедушка из коряги, звезды Интернета. Около них мы остановились и попили чая из термоса. Наш проводник оказался чуть более конкретным и информативным: это место называлось Захряпская смена. Здесь менялись люди, которые, упираясь длинными шестами в дно, толкали лодку вверх по течению. Весь путь от Мосеева до Сафонова был разбит на смены — места, где менялись те, кто «стоял на шесте» или «толкался». Если людей было много, то в лодку садились свежие люди, а уставшие шли пешком к предыдущей смене. Если сменять толкальщиков было некому, то на Захряпской смене просто

устраивали перевал. Конфеток захряпам не клали, водки не наливали, подарков не дарили. На этом рассказ и закончился.

Добравшись до Мезени, я отправился в гости к знатоку местной истории Николаю Федотовичу Окулову. Николай Федотович авторитетно пояснил, что сами фигурки называются «наряжухи», а не «захряпы». Захряпская смена — это имя собственное, название полянки, где стоят бабушка с дедушкой. Наряжухи ставятся теми, кто много плавает вниз и вверх по Вашке. В частности, бабушку, спускавшуюся к реке, поставил сам Николай Федотович, когда возил одну экспедицию на Пёзский волок. Правда, поставил тогда, когда один возвращался назад… Чтобы веселей и интересней было… Когда я сказал, что мы бабушку снова поставили, Николай Федотович сказал: «Это правильно» — и улыбнулся. Он также рассказал, что есть традиция — не традиция, обычай — не обычай: надевать старые малицы и куртки на невысокие елочки в тундре. Они служат как бы ориентиром. Часто одна такая елочка, одетая в малицу, стоит недалеко от того места, где нужно сворачивать к дому. Уже позже, уезжая из Мезенского района на автобусе, после Кимжи, я увидел в лесу, метрах в 50 от дороги, пенек, одетый в одежду, — тоже наряжуха. Но около нее автобусы не останавливаются…

ТОС в Заозерье. Спустившись по Пёзе до деревни Бычье, мы направились оттуда рейсовым автобусом в Заозерье. В этой деревне нам рекомендовала поселиться районная администрация. И это оказалось очень интересно, потому в что в Заозерье существует наиболее успешный на всем востоке Архангельской области ТОС.

ТОС — это территориальное общественное самоуправление, способ местного населения организовываться и решать местные проблемы самостоятельно, но координируя свою работу с местными органами власти. До 1991 года в Советском Союзе существовали селькомы (сельские комитеты, охватывающие одну деревню) и товарищеские суды (существовали опять же в селах, удаленных от мест размещения региональных государственных органов власти). ТОСы в России появились в 1995 году как самостоятельные органы развития территорий и решения местных проблем, без обращения за помощью к областному или федеральному центру. Впрочем, взаимодействие с органами власти и участие в грантовых областных и федеральных программах — важный аспект жизни каждого ТОСа.

Заозерский ТОС был создан в 2002 году Татьяной Коротаевой, местной активисткой, школьной учительницей, будущим депутатом областной думы. Татьяна Николаевна — легендарный (без преувеличения) человек Мезенского района и области. В конце 1990-х годов в деревне закрылся основной работодатель — совхоз, постепенно перестали работать поддерживаемый совхозом медпункт, водонапорная башня, клуб. Деревня испытала инфраструктурный коллапс. Наша

история начинается в 2000 году, когда местный женсовет начинает брать в свои руки управление деревней. Итак, Заозерье 2000 года — это деревня, где почти нет работы, но есть огромное количество пенсионеров, честно отработавших в молодости и зрелости в колхозе и совхозе. В мае 2000 года женсовет своими силами ремонтирует Дом культуры и устраивает ветеранам концерт в честь 65-летней годовщины Победы. Летом того же года обращается в администрацию района с просьбой предоставить насос, который устанавливается силами местных жителей, — в деревне вновь появляется вода. Затем был отремонтирован медпункт, женсовет сам нашел фельдшера (женщина приехала из Смоленской области!) и отремонтировал «квартиру» — комнату для проживания этой специалистки.

Итак, в 2002 году бесплатная деятельность женсовета была законодательно оформлена: создается Заозерский ТОС. ТОС начинает реализацию проекта, который станет одним из самых известных в России и самым известным в области: открывается дом престарелых. Проект назывался «Дом надежды». Администрация района выделяет для учреждения старый сруб в соседней деревне, его перевозят в Заозерье, собирают, отделывают внутри. На небольшие деньги, выделенные областным бюджетом, над срубом ставят новую крышу. Пенсионеры деревни получают место жительства, где они не думают о том, будет ли завтра затоплена печь, будет ли завтра еда и как быстро к ним прибудет медицинская помощь, — всеми этими вопросами занимается администрация дома престарелых. Учреждение передается на баланс района и дает деревне новые рабочие места, куда приезжают работать люди даже из Центральной России и Сибири. Проект гремит.

Однако, как и у «бабьего царства» в Сафонове, здесь есть обратная сторона. ТОС спасает деревню, не дает умереть ей в один месяц. Но дает ли он ту самую надежду, о которой говорилось в проекте? Это очень сложный вопрос. С одной стороны, в деревне появляются рабочие места, еще одно поколение детей, пусть и немногочисленное, вырастет в деревне и увезет в город необъяснимую ностальгию по деревянным срубам, бескрайним полям, тихим таежным речкам. С другой стороны, эти дети в деревне не останутся, а внуки не приедут в деревню работать. ТОС такой возможности дать не может. Те талантливые, активные, инициативные люди, которые объединились вокруг Татьяны Николаевны, тоже не останутся вечно молодыми. Низкий им поклон за то, что они спасли деревню от смерти, но хватит ли этого для жизни деревни?

Надежда все же есть. В 2014 году, через год после нашего посещения и бесед с Татьяной Николаевной, дом престарелых отметил свое десятилетие. В нем сейчас проживает множество пенсионеров со всего Мезенского района, а не только из Заозерья. В том же 2014 году в деревне было выделено десять новых участков под застройку. При возведении домов молодым семьям помогал ТОС. Население, раньше

составлявшее 70 человек (2000 год), вновь перевалило за 150 (2014 год), хотя и не добралось до нескольких сотен, которые жили в деревне в 1980-е. Заозерье — деревня, которая изо всех сил борется за свое право выжить. Если даже эта борьба не закончится успехом, это хороший пример того, как можно не сдаваться и строить свое будущее.

Козьмин перелесок. В последние четыре дня экспедиции мы решили отправиться к легендарному и до сих пор окутанному тайной святилищу под названием Козьмин перелесок, или Харв Пад (на ненецком — 'лиственничная роща'). Мы пытались сначала найти проводника, который бы отвел нас к перелеску по суше. Однако это оказалось невозможно, местные жители отказывались ехать туда даже на болотоходах. Затем мы договорились с местным моряком, помором Федором Коткиным, который предложил отвезти нас на корабле до деревни Семжа, а оттуда мы бы дошли пешком. Сейчас мне все эта затея представляется невыполнимой, но в 2013 году у нас было много сил и устойчивое желание добраться до святилища.

В Мезенской губе это поистине зрелищное событие. Когда вы приходите к причалу, корабли лежат в смолистой, жирной грязи, которая называется «няч» или «няша». Если в такую грязь наступить, то твердый на первый взгляд участок суши может играючи поглотить вашу ногу по колено или еще глубже. Итак, волны прилива буквально за пару часов превращают протоку с няшей в полноводную реку: лежащие корабли поднимаются на волнах, а причал, который сначала кажется конструкцией из бревен посреди грязи, действительно становится пристанью. Мы отплыли из Мезени днем, когда прибыла вода. Но, выйдя из протоки в саму губу, вынуждены были бросить якорь. Капитан сказал: «Дальше идти нельзя — могут выпасти кошки». Итак, корабли «ходят», а «кошки» «выпадают». Кошками поморы называют илистые отмели, во время отливов имеющие форму островерхих гряд из той самой няши. Во время нижней точки отлива одна такая кошка возвышалась рядом с нашим судном примерно на три метра. Была сильная качка, лечиться от которой капитан предложил универсальным русским лекарством, после чего все легли спать до наступления белой ночи и новой волны прилива. Ночью по высокой воде мы прошли расстояние от Мезени до Семжи и встали на якорь в устье одноименной реки. Дальше предстояло идти пешком.

Как сообщают исследователи ненецких религиозных верований, два самых известных ненецких святилища — это мыс Болванский (от старорусского «болван» — 'идол') на острове Вайгач, куда совершил свое путешествие А. Шренк, и Кольмин перелесок недалеко от города Мезень. Близкое расположение ненецкой священной рощи к русскому поселению привело к тому, что русские промысловики также стали останавливаться там. Согласно легенде, некий Козьма с товарищами ехал на озера через это жертвенное место. Они насмехались над идолами и украшениями,

висящими на деревьях. Вдруг лошади встали, то есть отказались идти дальше, и так стояли до тех пор, пока рыбаки не дали обет уважать жертвенные места ненцев. Сам глава ватаги Козьма первым повесил на березу свой цветной кушак в знак примирения. С тех пор каждый проезжающий мимо этого перелеска водитель останавливается, выкуривает сигарету, выпивает чай, кладет монетку, или сигарету, или шоколадку, или патрон около одного из деревьев и отправляется дальше. Примерно так же люди ведут себя около обетных крестов, которые стоят на въезде и выезде из деревни.

Путь наш лежал по болоту, которое ходило подо мхом, как гигантский студень. Напутствие капитана было таким: «Но не бойтесь, здесь не глубоко. По шейку уйдете — а дальше вечная мерзлота, голова наружу торчать будет». Так мы и пошли, взяв палатку, поскольку 20 километров туда и столько же обратно пройти за день мы не рассчитывали. Из деревни за нами увязалась собака, которая честно шла с нами туда, куда шли мы, а потом привела нас обратно в деревню. Мы вышли в шесть утра и шли до десяти вечера вдоль реки Семжа, вверх по руслу. Шли от лесного мыса к лесному мысу, срезая те места, где было можно. Около двух часов дня прямо из тумана над лесом на высоте метров сорока над нами проплыл Ан-2, направляющийся куда-то на север, может быть на Канин Нос. Вокруг росло много черники и морошки, которую не так-то просто найти поблизости от деревень. Однако за 16 часов пути мы не нашли и не увидели на горизонте ничего, что могло бы напоминать перелесок. Мы повернули обратно. Переночевали, проспав четыре часа, с двух до шести, в лесу, выпили чаю и к полудню вышли обратно к Семже.

Мы сели на корабль и поплыли обратно. Козьмин перелесок с первого раза «не пустил нас», как сказали нам наши сопровождающие.

Экспедиция 2016 года. Письма из деревни

В январе 2016 года я отправился на длительное поле в Лешуконский район Архангельской области. Местом своего проживания я выбрал уже знакомую деревню Вожгору, в которой у меня была договоренность с директором школы о том, чтобы поработать там историком в старших классах. Длительное пребывание на Севере сильно изменило мое понимание северной деревни, которое я постарался изложить в серии очерков. Повседневные наблюдения за окружающей жизнью дают очень интересный ракурс на деревенскую жизнь эпохи перестройки и постперестроечного времени.

В 1870-е годы из Смоленской губернии посылал в журнал «Отечественные записки» письма с описанием положения дел на месте петербургский дворянин, химик по образованию, народник по взглядам Александр Николаевич Энгельгардт. Его письма стали незаменимым материалом для тех, кто хочет понять, чем же жила пореформенная деревня средней полосы России. Не претендуя на то, чтобы встать в один

ряд с Александром Николаевичем, я все же надеюсь, что мои скромные заметки в дальнейшем окажутся полезными тем, кто захочет понять, чем же жила деревня в 1985-2015 годах.

Вожгора на карте России. Итак, снова поговорим о Вожгоре. Вожгора — это самая удаленная точка Лешуконского района. Она отстоит более чем на две сотни километров от районного центра — села Лешуконское — и на 750 километров от областного центра — города Архангельска. Реальность этой дороги — отдельный, особый разговор. Дорога от Архангельска до Лешуконского гравийно-песочная. Для привыкших к асфальту жителей центральных областей России это обычная грунтовая дорога. Но отличие есть, и очень важное: осенью и весной покрытие дороги сохраняет прочность и она не превращается в грязевое месиво. С 2006 года, после строительства участка дороги Архангельск — Мезень в районе деревни Совполье, дорога из Лешуконского «в город» функционирует круглый год.

Дорога Лешуконское — Вожгора грунтовая. Фактически с апреля по октябрь ее не существует. Это связано с тем, что весной и осенью покрытие превращается в глиняную сметану, пробраться через которую могут только полноприводные грузовики и большие тракторы. Кроме того, часть рек приходится преодолевать вброд, что делает невозможным использование на дороге легковых автомобилей «4х4» в апреле, мае, августе, сентябре, а также после каждого обильного дождя. В советское время дороги другого качества и не требовалось. Совхозы располагали тяжелой техникой, которая преодолевала любые участки пути, а простые граждане имели возможность пользоваться самолетом.

Ан-2 летал дважды в день из Вожгоры в Архангельск с посадкой в Лешуконском. Цена билета до 1992 года составляла 34 рубля. В жарком степном крымском городе Джанкой существовала советская традиция: молодой человек, который ухаживал за девушкой, приглашал ее в поездку в Ялту. Молодые люди ранним утром садились в автобус и прибывали в курортную столицу ЮБК чуть позже полудня. Они выпивали бутылку шампанского на набережной, гуляли там четверть часа, вновь садились в автобус и к вечеру возвращались домой. Нечто похожее делалось и в Вожгоре, однако без романтики отношений. Когда в совхозе или лесопункте выдавали зарплату, молодые люди засылали гонца «в город». Человек улетал утренним рейсом, покупал два сорокалитровых бидона пива и вечерним рейсом возвращался в родную деревню. Пиво в сельмаге и райпо не продавалось. Очевидно, что строительство дорог было не самой актуальной задачей в те годы.

Агрогород в лесах. Если произнести слова «северная деревня», то в уме горожанина возникает картина громадных двухэтажных домов-дворов, крытых тесом, затерянных на «угоре» (склоне горы) или на высокой «щелье» (красном каменистом обрыве над рекой). Кажется, что

время здесь остановилось. Зимой по улицам ездят тройки с бубенцами, а летом девушки пускают венки на Троицу. Но это совсем не так. Северные деревни в советское время очень динамично развивались и стали настоящими агрогородами на таежных полянах.

Если мы обратимся к материалам похозяйственных книг, то, по моим подсчетам, которые могут и не быть абсолютно точными, население Вожгоры на 1 января 1986 года составляло 1073 жителя. Из них 98 числились временно выбывшими. Большинство выбывших были молодыми людьми, проходившими службу в рядах Советской армии, или девушками, учившимися в техникумах и институтах. Иногда случалось так, что молодой человек, отслужив три года на флоте, поступал в институт. Отучившись пять лет, он по распределению отправлялся на два-три года работать в один из районов области. А по окончании этого срока возвращался в Вожгору. Таким образом, он проводил за пределами деревни около десяти лет жизни. После этого он возвращался и шел работать в совхоз или на лесопункт. Людей, не выезжавших за пределы своей деревни, в 1980-е годы в Вожгоре почти не было. А вот тех, кто побывал в Крыму, во Владивостоке, других городах Сибири и несколько лет прожил в Архангельске или Ленинграде, было немало.

Из оставшихся 975 жителей 152 были детьми дошкольного возраста, а 140 человек — школьниками. 220 человек в похозяйственных книгах значатся пенсионерами. Лешуконский район приравнен к районам Крайнего Севера, поэтому мужчины выходили на пенсию в 55 лет, а женщины в 50 лет. Таким образом, в деревне работало 463 человека.

Основным работодателем был совхоз «Вожгорский», объединявший, кроме центрального села, близлежащие поселения: Лебское, Родому, Пустыню, Ларькино и Шегмас. Непосредственно в Вожгоре в совхозе работало 165 человек. Кроме совхоза, крупнейшими работодателями были: Вожгорская средняя школа, где работало 48 человек, Сельхозрайпотребкооперация — 42 человека — и Вожгорский участок Передвижной механизированной колонны — 28 человек. Вопреки логической ассоциации, ПМК — это не транспортное, а строительное предприятие. Оно занималась строительством Дома культуры, дома быта, здания школы, детских садов. В 1980-е годы в Вожгоре появилось несколько новых зданий с паровым отоплением и водопроводом.

Кроме крупных работодателей, было и множество небольших: агентство Госстраха, сберегательная касса, лесничество, рыболовная инспекция, участковая больница, киноклуб, воинская часть, сельский совет, библиотека и другие. В доме быта работали закройщик, парикмахер, швея, обувной мастер. Очевидно, что такая внушительная сфера обслуживания гораздо больше напоминает город, чем село. Но мы по-прежнему говорим о Вожгоре, одном из наиболее удаленных сел Архангельской области.

Деревня образца 1986 года. Итак, северная деревня образца 1986 года предстает перед нами настоящим городом, с аэропортом, кинотеатром, сберегательной кассой, домом быта. Всего в сфере обслуживания было занято около 200 человек, то есть чуть меньше половины трудоспособного населения. В селе проживали украинцы, узбеки, белорусы, коми, осетины и ненцы. Все эти люди часто отправлялись в отпуск в Крым или Сочи, слушали рок-н-ролл, читали газеты. Даже язык не поворачивается назвать это поселение захолустьем, и с трудом можно использовать слово «село».

Однако это было именно село, причем село достаточно архаичное. Водитель СХР, получивший от отца редкую западноукраинскую фамилию, был крещен традиционным деревенским способом: его младенцем сажали на могилу деда по материнской линии, от которого он получил имя. Работник отделения связи, окончивший с отличием техникум в Архангельске и недавно переехавший из Шегмаса, прекрасно разбирался в приметах и гаданиях. А учительница русского языка и литературы могла на выходных по дороге в лес положить монетку к Бабкиному пню — почти лишенному христианских атрибутов культовому месту, а через пару дней рассказывать школьникам о нигилизме и разбирать с ними образ Базарова.

Гибридная материальность. Начнем знакомство с современной культурой Русского Севера с культуры материальной.
В этнографических работах обычно пишут о гигантских журавлях для подъема воды, двухэтажных домах из огромных бревен, создавая иллюзию того, что материальная культура Севера почти не менялась с глубокой древности. Тем не менее уже в конце XIX века в Архангельской области у крестьян были часы с кукушкой, по рекам ходили колесные пароходы, а большую часть хлеба они закупали на ярмарках, а не производили сами.

В повседневной жизни современной Вожгоры я также наблюдаю различные элементы материальной культуры, которые соединены в повседневной жизни. Это взаимопроникновение традиционного и нового можно назвать гибридностью.

Хорошим примером для иллюстрации этого тезиса может стать широкое использование местными жителями снегоходов «Буран» в паре с санями-розвальнями традиционной конструкции. «Бураны» появились в Вожгоре на рубеже 70-80-х годов. Они стали использоваться для поездок к лесным избушкам наравне с лошадьми. Преимущество современной моторной техники заключалось в первую очередь в скорости: 50-60 километров в час против 15-20 на лошади. Второе преимущество — меньшее давление на снег. Там, где снегоход промчится, не сломав «чира» (наста), лошадь проломит его и будет еле тащиться.

Однако сани к «Бурану» покупали немногие. Во-первых, сани были почти в каждом хозяйстве, даже у людей, которые не имели лошади. Лошади до перестройки были в основном совхозными. Их можно было взять, например, для вывозки дров. А вот саней совхоз не давал. Поэтому сани нужны были свои. Сейчас совхозы ушли в прошлое, но если вожгорец берет лошадь у соседа для своих нужд, сани он не просит. Считается, что они могут сломаться или уйти под лед на реке, поэтому нужно пользоваться своими. Вторая причина сохранения саней — их дешевизна. В деревенской культуре то, что может быть сделано в деревне, ценится дешевле того, что можно приобрести только в городе. Поэтому пластиковые сани ярославского завода стоят по 12-15 тысяч, а березовые розвальни — по 8-12.

Но чистота «традиционности» саней и «новизны» снегохода тоже условна. Сани сделаны с использованием современных материалов: жерди скреплены не тонкими прутьями, «вицей», а металлической проволокой. Да и снегоход уже отремонтирован и получил новый китайский двигатель, таким образом, он уже результат изменения готового городского продукта. Также справа под сиденьем приделано крепление для топора. То есть гибридна каждая вещь в этой гибридной комбинации.

Что такое «нависня»? «Нависня», «залазня», «залазень» или «залазь» — это чрезвычайно интересный обычай, существующий в Мезенском и Лешуконском районах. Это одновременно и своеобразный обряд инициации, и ритуал взаимодействия с неким географическим локусом.

В Лешуконском районе во время первого приезда молодого человека или девушки на один из лугов («пожней») он или его родители должны были поставить «бутылочку» взрослым членам звена или сенокосной бригады. Этот человек залезал (отчего и происходят слова «залазь» и «залазня») на ель, выбранную новопришедшим, и обрубал на одном-двух метрах ствола ветви. Некоторые старожилы указывают, что ель для нависни обязательно выбиралась с «рассохой», то есть с раздвоением ствола, и именно в месте раздвоения и обрубались ветви. Другие говорят, что существовал обычай украшения «обкарзанного» (очищенного от сучьев) участка. Чаще всего навешивали (отчего происходит второе название — «нависня») на него бересту. Более молодые информанты утверждают, что украшаться очищенный участок мог ленточками и тряпицами.

Делать залазь можно было на каждой новой пожне. Впрочем, на это были способны только состоятельные семьи. Одна из пожилых респонденток на вопрос о том, делали ли ей залазь, ответила: «Куды! Отец на войне погиб. Мать на сплаве постоянно была. Неоткуду было взяться деньгам». В годы перестройки обычай с колхозных лугов

переместился к охотничьим избушкам. По приезде нового человека к избушке он может попросить хозяев сделать ему залазь.

В Мезенском районе наиболее широко распространено слово «залазень». Делается он таким же способом, но имеет другое значение. Так отмечались охотничьи угодья, места, где хорошо ловилась рыба на озерах и протоках, а также места, где начинались переходы через болота. Мезенский залазень не украшался, но на нем делался затес — вырубался плоский участок, на котором отмечали горизонтальными чертами количество ходок охотника к этому угодью. Залазни делались не только русскими охотниками, но и ненцами-оленеводами, например с полуострова Канин к реке Пёза.

Первый выезд на сенокос чаще других сопровождался созданием нависни и маркировал не только факт пребывания человека на определенном месте, но и факт его вступления в статус взрослого человека. Обычай существовал еще в 1970-1980-е годы. В настоящее время существует его редуцированная форма. «Ставить нависню» означает выставлять спиртное по случаю прибытия нового человека на новое место.

День малой авиации в Вожгоре. Однажды в марте директор школы сказала во время обеда, что в час дня на реку за больницей сядет двухместный самолет. Им управляет путешественник, который держит путь из Подмосковья на остров Вайгач. Все желающие (и учителя, и ученики) могут отправиться на реку и посмотреть.

Что тут началось! Все разговоры были только о предстоящем прилете самолета. Без пятнадцати час добрая половина школы уже была на берегу Мезени и смотрела в небо, где должен был появиться самолет. На льду реки четырьмя красными флагами было отмечено место для посадки. Самолет появился ровно в час дня и сделал круг над Вожгорой. Тут уж развеселились даже взрослые. Многие выходили из домов и махали руками самолету. Совершив круг почета, самолет плавно опустился на лед и на лыжах подкатил к толпе школьников.

Пилотом оказался бывший военный летчик Виктор Михайлов, уроженец далекого Диксона. В этот день он взлетел в Карпогорах, а к вечеру намеревался добраться до Ижмы. Ровно в середине этого пути находится Вожгора. Здесь Виктор собирался дозаправиться топливом, однако ветер был попутный, поэтому горючего и времени оставалось с запасом. Так заброшенная еще в середине XIX века цилемская тайбола стала основой для авиамаршрута.

Выйдя на прочный мезенский лед, пилот кратко рассказывает о своей железной птице. Самолет зовут Северок, а официально это французский учебный самолет «Скайрейнджер». Ребята обступают пилота и задают самые разные вопросы. Можно ли стрелять с самолета в лосей? Сколько стоит самолет? Дайте разок полетать! Можно хотя бы посидеть в кабине?

По северной традиции Виктора напоили чаем, а затем он в школьном кабинете рассказал о других своих путешествиях. Его родной поселок на острове Диксон был когда-то большим и густонаселенным, там проживало более 6 тысяч жителей. В настоящее время там осталось менее 500 человек, что меньше, чем в Вожгоре. Он каждый год организует различные поездки — на самолетах, снегоходах, трэколах и вездеходах — в сторону своего родного поселка, чтобы привлечь к нему внимание, да и просто чтобы насладиться красотами северных земель. На вопрос школьников, не хочет ли он полететь в другую страну, Виктор ответил, что в других странах бывал много и понял, что душу его влечет к таежным речкам, бескрайним снегам и низкому северному небу. «Я много где был, но мне хочется больше бывать именно здесь», — признался он.

После беседы, заправки аппарата мы вновь фотографируемся около самолета. Отходим в сторону, мотор ревет — и самолет стартует в небо, навстречу далекой от нас Ижме.

Благовещение в Вожгоре. Благовещение — 25 марта по старому стилю и 7 апреля по новому — один из двунадесятых праздников Русской православной церкви. Согласно Священному Писанию, в этот день к Деве Марии явился архангел Гавриил с радостной вестью о том, что она была избрана, чтобы родить от Творца Сына, которого нарекут Иисусом. Те, кто соблюдает Великий пост, 7 апреля могут позволить себе добавить к рациону рыбу и вино, а также спокойные увеселения. В XIX веке в России был широко распространен обычай на Благовещение выпускать из клеток птиц. Обычно это делалось после торжественного богослужения в соборе. В больших городах люди специально покупали птиц в клетках, чтобы выпустить их на волю.

Вожгорское Благовещение совсем другое. На протяжении XIX и начала XX века на Благовещение к деревне подходили оленьи стада, которые затем отправлялись на север, за Пёзу, в леса. А 25 марта пастухи-оленеводы обходили деревню, получая вознаграждение. Каждый крестьянин старался зазвать оленеводов, которыми часто были ненцы, к себе, чтобы «олешки не тратились» и по осени «было за чем в чум ехать». Угощали традиционно пареной рыбой в латках (прямоугольной глиняной посуде наподобие сковороды для запекания рыбы в русской печи), хлебами, супом. Обязательно наливали вина. После этого «оргиши ямдали на весновку». Интересно, что Благовещение было единственным праздником пастухов: коров и коней, которых крестьяне держали, весной отправляли на вольный выпас. Коров перевозили за реку, а лошади ходили по деревне свободно.

Во второй половине XX века олени были ликвидированы и праздник оленьих пастухов исчез. Однако продолжил существовать другой обычай: в этот день деревенская детвора прыгала на досках. На землю клали половинку чурбака, а на него — прочную плаху из листвы. Один

ребенок становился на одном конце доски, другой прыгал на противоположный. Многие современные взрослые едины в утверждении, что так играли исключительно на Благовещение. Высокие прыжки в небо семантически очень близки к улетающим в небо птицам. А вот веснянок и закличек почему-то почти никто не помнит.

Сейчас Благовещение — праздник, о котором помнят. С ним поздравляют, в отличие от ряда других церковных праздников. В этот день на стол ставят бутылочку вина, а школьники в рамках проверки домашнего задания рассказывают выученную наизусть из учебника закличку: «Чувиль-виль-виль, жаворонки летят, к нам весна пришла…»

Троица. Хождение ко кресту. На пятидесятый день после Пасхи, в праздник Троицы (Пятидесятницы) жители Вожгоры ходят к обетному кресту, который находится примерно в трех километрах от селения по дороге в соседнюю деревню Лебское. Около креста люди ставят свечи, приносят кресту дары в виде цветов, вышитых пелен или просто денег. После этого семьи садятся на пригорке недалеко от креста и устраивают что-то вроде пикника. Однако не стоит видеть в этом обычае просто санкционированный традицией выезд на природу, его сущность намного интереснее.

Во-первых, следует обратить внимание на тот факт, что обрядовые действия, связанные с церковным праздником, происходят не в церкви, а около обетного креста. Безусловно, мощным импульсом для формирования этой традиции стали гонения на церковь в годы советской власти. В 1932 году вожгорская Воскресенская церковь была закрыта, крест спилен, а колокола сняты. Здание стало использоваться как деревенский клуб: здесь проходили собрания колхоза, танцевальные вечера, показывались кинофильмы. Православная община была официально зарегистрирована в Вожгоре лишь 70 лет спустя — в 2002 году. Пока церкви не было, верующие ходили молиться к обетному кресту, поэтому сейчас вся община в день Троицы собирается у креста, молится и угощает пришедших чаем.

Вместе с тем традиция почитания обетных крестов чрезвычайно широко распространена по всей Архангельской области. Во многих деревнях, где никогда не было церкви, обетные кресты существовали и продолжают существовать сейчас. Слово «обет» или «овеет», которое стало использоваться для общего наименования отдельно стоящих крестов, обозначает 'обещание'. В идеале человек должен идти «ко кресту» с одной-единственной мыслью, неким желанием. Около креста он вновь повторяет свое желание и обещает в будущем оставить у креста некий дар. Чаще всего, если приходит женщина, оставляют платки или, как они называются здесь, «пелены»; мужчины оставляют деньги, дети — конфеты. Иногда обетом является воздвижение нового креста.

Однако видов крестов существует множество. Трудник Соловецкого монастыря кресторез Кожокарь выделил кресты-маяки, кресты — мореходные знаки, кресты при въезде в деревню, кресты обетные, кресты

памятные и несколько других видов. Кресты иногда стоят в центре села, а иногда на границе. Чаще всего поодиночке, но иногда группами до 60 штук.

Вожгорский крест — и памятный, и обетный одновременно. По преданию, он был поставлен в честь того, что два брата-святителя Иуда и Аника около Вожгоры расстались и отправились в разные стороны вдоль реки Мезень учить Слову Божьему. Но памятный крест стал использоваться как обетный, к нему стали приносить дары и просить. Очевидно, что принцип *do ut des*, лежащий в основе обетов, не является наиболее важным для верующих в настоящее время. В начале XXI века идет процесс приведения бытовых обрядовых практик в соответствие с каноном. Важными атрибутами троичного «хождения ко кресту» становятся молитва и зажигание свечей.

Общий взгляд на деревенские праздники. В 1950-1960-е годы в этнографические работы вошло словосочетание «народное православие». Его суть состояла в следующем: народная культура живет и развивается по своим законам, но государство привнесло на определенном этапе развития православную культуру, в частности православный годовой календарь, который и стал использоваться крестьянами. Понятие возникло в годы хрущевских гонений на религию, и основным тезисом было то, что крестьяне так и не поняли суть православных праздников. Например, День памяти сорока Севастийских мучеников трактовался через примету «Сорок мучеников — сорок утренников». То есть со Дня памяти сорока Севастийских мучеников (9 марта по старому стилю и 22 марта по новому) морозить по ночам должно ровно сорок раз. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы (1 октября по старому стилю и 14 октября по новому), связанный с легендой о том, что она накрыла пеленой город Константинополь, получает в русском народном православии трактовку: землю покрывает снегом.

Можно эту идею высказать словами историков школы «Анналов»: церковь «владела» временем в дореволюционной деревне, и трудовой, рабочий календарь неминуемо был связан с памятными днями православия, не всегда совпадая с ними по смыслу. Однако в XX веке ситуация изменилась и «владеть» временем стала светская социалистическая культура. Появились новые праздники: 8 Марта, 1 и 9 Мая, 7 Ноября. Они стали центрами притяжения ритуальных практик. Можно отметить поразительную особенность: новые советские праздники получили аутентичное (чтобы не использовать слово «традиционное») сельское наполнение.

Например, праздник 8 Марта в Вожгоре становится аналогом престольного праздника. Вожгорский престольный праздник Святина́ отмечался в последнее воскресенье января — время, когда в Вожгору можно было попасть по зимнему пути. На съезжих праздниках, которые

проходили в период с Рождества по Масленицу, выбирали невест.
В обязательную программу праздника входили гостевания у молодых девиц, гуляния по деревне и катание на тройках. Суть всех этих мероприятий заключалась в том, что молодые парни смотрели девушек, их рукоделие, стать, голоса, а также демонстрировали свою удаль в песнях и управлении конями. Гостевания имели две основные функции. Во-первых, молодой человек мог попасть в дом к девушке, придя в гости к ее брату, а девушка могла посмотреть на предполагаемого жениха, придя в гости к его сестре. Во-вторых, во время таких визитов могла сложиться компания, которая затем шла по деревенской улице и пела песни и частушки. Гуляние по улице с песнями и гармонью было формой демонстрации своих разносторонних качеств максимальному количеству людей. В идеале продемонстрировать все это можно было бы в некоем большом помещении. Однако единственным помещением подобного рода и размера в деревне была церковь, а там гуляния не дозволялись.

В XX веке ситуация коренным образом изменилась. В деревне появился клуб. Собственно, до 1980-х годов в Вожгоре клуб располагался как раз в здании церкви и именно там устраивались вечерние танцы по праздникам. Таким образом, появление клуба сделало ненужными гуляния по деревне: петь и плясать в клубе гораздо удобнее, а риска застудить горло и замерзнуть нет совсем. Хождение по гостям сохранилось, задачу знакомства клуб не решал. Хождение с песнями по деревне сохраняется как ностальгическая практика пожилых людей, которые ходили так по деревне в пубертатном возрасте, а вот молодежь, по крайней мере зимой, в гуляниях с песнями не участвует.

В перестройку в деревне появились автомобили и ушли в прошлое тройки. То есть они сохраняются как реликт, «традиционная практика» на празднике «Русская зима». Это мероприятие организует деревенский клуб, и оно включает в себя все традиционные элементы праздника: залезание на ледяной столб, катание на тройке, перетягивание каната, ношение дров на лопате и т. д. Молодые люди предпочитают катать девушек на машинах и мотоциклах.

И, наконец, последнее и самое важное. Деревня (до 2005 года — село) Вожгора в 1980-е годы насчитывала более 1000 жителей, в соседних деревнях проживало еще столько же людей. На праздник Святина приезжали люди из соседней Коми АССР, из деревень по Мезени. Теперь наиболее выгодными женихами считаются горожане. Причем не столько коренные архангелогородцы или сыктывкарцы, сколько местные вожгорцы, которые уезжают в город на заработки или живут там уже несколько лет. Старинная система престольных праздников выполняла задачу временного распределения праздничных мероприятий: праздники в деревнях не должны были располагаться близко друг к другу по времени или совпадать. В настоящее время значение имеет потенциальная возможность горожан приехать в село. Это можно сделать на больших выходных, которые в нашей стране сейчас (если

брать искомый период с Рождества по Масленицу) выпадают на 8 Марта. Поскольку дорога от Архангельска до Вожгоры занимает в лучшем случае двенадцать часов, чтобы приехать в деревню, нужно отложить два дня на дорогу и два-три дня на сам праздник. Обычно вожгорцы берут дополнительный отгул и возвращаются в деревню.

Именно на 8 марта хлеба было напечено в два раза больше обычной нормы, и он оказался весь раскуплен. Именно 8 марта у клуба во время дискотеки выстроились в ряд шесть машин из города. В обычные субботы их либо нет совсем, либо стоит одна или две. А 9 марта по деревне шли разговоры, что одна компания уехала в Койнас, а другая в Засулье (деревни на расстоянии 30-50 км от Вожгоры). Именно 8 марта по деревне ходили друг к другу в гости девушки и парни.

Эта традиция осталась жива и прекрасно себя чувствует без тройки и гуляний. Кстати, все эти действия не имеют никакого отношения ни к празднику Святина, ни ко дню 8 Марта, когда женщины-рабочие должны были бороться за свои права. На смену народному православию пришел народный социализм.

Как делается лодка-мезенка? Одной из таких форм традиционной материальной культуры, которые продолжают свое бытование в Вожгоре, являются лодки-мезенки. Жители деревни делают их самостоятельно и предпочитают другим видам плавательных транспортных средств. Лодки промышленного производства называются «алюминиевки». На берегах Мезени их практически не видно.

Для изготовления лодки зимой выбирается сосна длиной на метр больше, чем предполагаемая длина будущей лодки, и с ровно расположенными волокнами древесины. Из одной такой заготовки делается основа лодки — выпиливается с помощью бензопилы и долота. Второе бревно распускается на доски на пилораме и служит для изготовления «набоев». Набои — это продольные доски, которые крепятся к «опругам» (шпангоутам) и основе-днищу. Опруги делают из сосновых ветвей, которые нагреваются и сгибаются, приобретая нужную форму.

Доски набоев крепят к основе и опругам гвоздями, тщательно подгоняя каждую доску к предыдущей и промазывая смолой. Гвозди обеспечивают общую жесткость конструкции, а смола — герметичность. Каждый год весной, а иногда и в течение лета, необходимо дополнительно смолить лодку. От количества набоев зависит ширина лодки. Можно сделать лодку «в два набоя», то есть по две доски с каждой стороны от основы, или «в три набоя» — прикрепив по три доски с каждой стороны.

В итоге получается конструкция, по форме напоминающая четвертинку кожуры апельсина. Для того чтобы она могла плавать, необходимо прикрепить по бокам борта — «ветренки». Каркасом для их установки являются «кокорки» — части ствола сосны с ветками; из

кокорок вытачивается угольник. Угольники-кокорки прикрепляются гвоздями к опругам и набоям, а к ним крепятся ветренки. Опытный мастер тратит на изготовление такой лодки около недели, без учета поиска подходящих деревьев и заготовки материалов для кокорок.

Мезенка готова! Такая лодка легко проходит каменистые пороги, выдерживает вес трех-четырех человек, а также приспособлена к перевозке значительного количества добытой дичи и засоленной рыбы.

Чего не надо делать, когда отправляешься в поле. Когда впервые едешь в удаленную от столицы местность, а порой едешь и не в первый раз, но после долгого пребывания в комфортных городских условиях, то путешествие предстает в твоих глазах не просто переездом географическим, а путешествием во времени и паломничеством за мудростью. Мы не всегда четко осознаем это, а порой такие ошибки, в особенности в коротких поездках, могут стоить нам расположения людей, драгоценных хранителей народной культуры.

«Максимовская» ошибка. Когда приезжаешь из густонаселенного города, в котором оказаться на минуту вдали от людей весьма и весьма трудно, желание наконец-то побыть одному достаточно быстро улетучивается. В деревне ты остаешься наедине с огромными пространствами, малонаселенными реками, пустыми дорогами, с одиночеством, с которым мы, горожане, мало знакомы.

Обычно одиночество осознается еще на этапе подъезда к пункту назначения. Желание побыть одному перерастает в удивление: «Как же можно жить небольшой деревней так далеко?..» Кстати, как это ни парадоксально, но правильное завершение этой фразы звучит так: «…от того места, откуда приехал я». Ведь удаленность тоже субъективная категория. И очень часто наши вопросы к местным жителям содержат в глубине вопросы «И как же вы здесь без людей живете?», «Не скучно ли здесь зимой?», «А как со зверями справляетесь?».

Я назвал эту ошибку «максимовская», поскольку нашел именно такой диалог в книге С. В. Максимова «Год на Севере». Писатель в далеком 1856 году ехал тайболой от села Вожгоры до Усть-Цильмы. Вдоль всей этой лесной дороги стояли избушки-кушни, в которых можно было обогреться и напоить лошадей. В избушках жили «кушники», с одним из которых у путешественника и произошел разговор:

— Скучно тебе жить здесь, старик, одному, без товарищей? Не боишься?

— Чего бояться-то? Нету, не боюсь…

— А лесовиков, водяных?

— Кричат же по лесу-то, а ко мне не ходят: оборонял Бог. Молитвой ведь я их!.. Медведи вон по летам живут — те балуют, шибко балуют.

— Что они с тобой делают?

— Да всяко. Об угол чешутся, расшатывают углы-то, тоже опять дверь припирают…

— Как же это?

— А хворосту да бревен натаскает к двери-то, тем и запирает. И не выйдешь…

Первая «аксаковская» ошибка. Существует этнографическое поверье, которое, как все поверья, восходит к давнему и верному правилу, что жители сел одеваются не так, как горожане, что девушкам необходимо носить исключительно длинные юбки и футболки с длинными рукавами. Возможно, в 1950-1960-е годы такая форма одежды имела свой резон. Тогда слишком свободные нравы горожан были для жителей деревни в диковинку и пугали их.

В настоящее время деревня не является настолько замкнутой социальной системой, как в 1950-1960-е годы. Значительное количество нынешних взрослых людей в деревне проходили службу в армии, а также учились в ПТУ или даже в вузе в городе. Иногда суммарно они провели в городской среде около 8-9 лет. Удивить их неправильным цветом одежды или неподходящей длиной рукавов трудно. При этом очевидно, что слишком откровенная одежда вызывает некое раздражение даже у взрослых в городе.

«Аксаковская» ошибка заключается в том, что приезжие из города часто гипертрофируют деревенскую традиционность. И, пытаясь соответствовать этой выдуманной традиционности, ставят жителей деревни в тупик. Точно так же, как в известном случае, пересказанном А. И. Герценом в «Былом и думах», когда Константин Сергеевич Аксаков решил пошить зипун древнерусского кроя, чтобы быть «ближе к народу», а его крестьяне решили, что барин «нарядился персиянином». Слишком длинные, разноцветные юбки на девушках вызывают у жителей деревни ассоциации с цыганами, что совсем не способствует быстрому установлению доброжелательных отношений.

Вторая «аксаковская» ошибка. Подобна стремлению быть сверхтрадиционными в одежде ситуация, когда во время практики молодые люди стараются доказать свою традиционность и близость к сельским жителям тем, что отпускают бороду. Однако реальная близость и знакомство с сельской культурой определяются не бородой, а трудолюбием, знанием особенностей быта и умением отказываться от городских удобств. Наличие окладистой бороды также было составной частью образа народного Константина Аксакова.

Очень удачное описание такого несоответствия облика и знания быта оставил в 1970-е годы писатель-публицист Олег Ларин, путешествовавший по Пинеге по следам М. М. Пришвина. Он писал: «Пришли в избу без стука, наследили. Ни „здравствуйте“, ни „извините“. И сразу же к старухе: „А ну, расскажи, как своего внука баюкаешь! А ну,

покажи свои наряды!“ На лицах — снисходительное презрение. Отсутствие туалета означает для них крушение цивилизации… Заросшие бородами юные „старички“ взирают на северных жителей прищуренным, слегка презрительным оком. Они не очень-то церемонятся с деревенскими обычаями и, случается, просто вредят науке, разрушая атмосферу доверия и сердечности, без которой собирательство теряет всякий смысл».

Знание этих типичных ошибок не означает, что получится очень быстро найти общий язык с местными жителями. Нас разделяет достаточно большое культурное расстояние, несмотря на то что мы и очень близки. Следует помнить, что залогом успеха является искренность и настоящий интерес, ведь только тот, у кого в глазах горит огонек интереса, получит настоящие, полные и научно значимые ответы.

Три измерения современной деревни. Вселенная индейцев яномамо, по описанию Наполеона Шаньона, состоит из четырех уровней, которые символизируют собой одновременно и пространство, и движение времени, процесс старения и умирания, и естественного хода вещей, и девиации. Четыре плоских куска земли парят друг над другом. Причем верхний как бы проваливается вниз, становясь в будущем слоем, расположенным ниже. Верхний слой — мир без живых существ: деревьев, зверей и людей. На втором уровне находится живой мир, но отсутствуют люди. Третий слой — мир с людьми, то, что словами европейца можно назвать словосочетанием «реальный мир». И, наконец, четвертый мир — мир смерти. Он имеет такую же географию, как остальные миры, но он, как и первый, пуст: все животные и люди умерли.

Очень похожую картину можно найти и в современной российской деревне: она состоит из трех слоев, по терминологии яномамо, или существует в трех различных измерениях. Эта схема не передает представления самих жителей, а составлена мной на основании моих исследований, поэтому она не будет иметь той стройности, что и аутентичные, «эмные» схемы. Вместе с тем она очень хорошо позволяет понять нюансы культурных процессов, происходящих сейчас в деревне. Я назвал измерения существования деревни следующим образом. Первое — «традиционное». При всей условности этого термина он имеет четкий смысл: идеальная картина деревни, без городского влияния. Второе — «реальное», ситуация, которая существует в деревне сейчас. Третье — «виртуальное», то есть деревня в электронных сетях.

Традиционное измерение. В первом измерении деревня имеет совершенно четкие границы. Это поселение, расположенное в отдалении от другого поселения, с четким самосознанием. То, что деревня долгое время являлась основной единицей организации различных видов деятельности, отражается во многих фактах. Например, в том, что более

90 % сельских общин, образовавшихся после реформы 1861 года, включали в себя одну деревню, а после образования колхозов в 1930-е большинство из них состояли из одной деревни. Деление на деревни является основой для системы престольных праздников, в рамках которой жители соседних деревень в определенном порядке ходили друг к другу в гости.

Деревенская идентичность является наиболее важной формой идентичности в сельском мире. Принадлежность определяется чаще всего по рождению. Например, если женщина выходит замуж и переезжает в другую деревню, то в новой деревне она очень часто заявляет, что «не местная». Например, женщина родом из деревни Засулье, прожившая в Вожгоре более тридцати лет, всегда в разговоре подчеркивает, что она не вожгорская, а засульская. Причем деревенское происхождение может противопоставляться более широким географическим объектам. Например, про жену Евгения Герасимовича Лешукова говорят: «Она не вожгорская, она из Сибири».

Это самосознание сохраняется и сейчас, хоть иногда и в очень причудливых формах. Так, в администрации Лешуконского района работает девушка, родившаяся в Плесецком районе и вышедшая замуж за молодого человека из Вожгоры. Они познакомились в Архангельске, а проживают в Лешуконском. Таким образом, эта девушка никогда не жила в Вожгоре постоянно, хотя часто бывает в этой деревне в гостях у родственников. Ее называют «наша вожгорска молодка». Молодка — это невестка, молодая женщина, которая приходит в дом мужа. В традиционной культуре дом мужа должен находиться в деревне его рождения, то есть формально, с точки зрения традиционных представлений о мире, девушка, вышедшая замуж за вожгорца, становится «вожгорской молодкой».

Необычность этой ситуации заключается в том, что в разбираемом примере «вожгорска молодка» имеет только формальное отношение к деревне своего мужа. Тем не менее это определение по отношению к девушке используется, потому что она помогает вожгорцам и вожгорским организациям в преодолении бюрократических преград в районном центре. В данном случае перед нами вновь идентификация через деревню выступает уже как своеобразный казус. Девушка не имеет никаких реальных повседневных знакомств в деревне, знакомств, которые реифицируют родственные отношения, делая их основой социальных структур. В данном случае реальные контакты и связи отсутствуют, однако традиционная идентификация сохраняется. Словосочетание «наша вожгорска молодка» звучит как определенный казус, нечто, чего не должно быть в данном случае. Вместе с тем это пример радостного или приятного оксюморона: не должна была помогать по традиции, как положено в деревне, а помогает.

Реальное измерение. Пример «вожгорской молодки» является своеобразным мостиком, по которому мы можем перебраться в следующее, реальное измерение деревни. Для того чтобы понять, что такое реальная деревня, нужно кратко вспомнить исторический контекст последних 20-30 лет. В 1992 году перестройка дошла до деревни, началось повышение цен, а ставки стали постепенно сокращаться. В 1996 году был ликвидирован совхоз «Вожгорский», а на его месте были созданы акционерные сельскохозяйственные предприятия, которые, кстати сказать, совпадали с колхозами 1930-х годов: АСП «Вожгорское» в Вожгоре, АСП «Родомское» в Родоме, АСП «Лебское» в Лебском и так далее. Были закрыты и другие крупнейшие предприятия: Вожгорский участок Передвижной механизированной колонны, воинская часть, Зубовский лесопункт. Население стало вынужденно перемещаться в более крупные села и города.

Значительное число вожгорцев оказалось в Северодвинске. Они воспринимаются жителями деревни как свои, местные. Это совершенно нормально, например, в ситуации, когда в город уезжают дети, а родители по-прежнему считают их частью своей семьи. Когда вожгорцы возвращаются в деревню, считается, что вся семья в сборе. Эта логика действует и в отношении деревни в целом. Так, один из учащихся школы, характеризуя дискотеку в летнее время, сказал: «Народу больше, вся деревня собирается». То есть горожане, постоянно проживающие в городе, воспринимаются как «вся деревня».

Интересно отметить несколько фактов. Молодые люди, находящиеся на обучении в Архангельске или Санкт-Петербурге, проходящие службу в армии, то есть те, кто действительно временно отсутствует в деревне, как правило, не приезжают на все лето или длинные выходные. Эту возможность имеют именно те люди, которые уже постоянно живут и работают в Архангельске или Северодвинске. Именно они привозят своих детей на лето в деревню, а также приезжают сами на длительный (иногда достигающий 80 дней) северный отпуск. То есть, помимо «всей деревни», которая собирается летом, существуют еще жители деревни, которые отсутствуют временно и на лето не приезжают.

Итак, деревня в настоящем, реальном измерении включает в себя значительное количество людей, юридически считающихся горожанами. Вместе с тем из людей, которые присутствуют в деревне *de facto*, многие, с точки зрения вожгорцев, вожгорцами не являются. Это многочисленные переселенцы из Шегмаса и Ларькина — двух наиболее удаленных деревень Вожгорского муниципального образования, а также переезжающие в Вожгору из рабочего поселка Зубово. Эти люди не похожи на чужаков, они прекрасно инкорпорированы в местный социум, однако ощущение, что в деревне есть не совсем свои люди, едва-едва, но все же присутствует у коренных вожгорцев.

Таким образом, реальная деревня значительно отличается от того, что представляет собой деревня «по прописке» или «реально проживающие в деревне люди».

Виртуальное измерение. Деревня в настоящее время существует и в интернет-пространстве. Поскольку, как уже говорилось выше, часть от «всей деревни» проживает в разных городах, Интернет становится прекрасной площадкой для организации общения между людьми, удаленными друг от друга, но считающими себя частью единого социума. Очевидно, что деревенское сообщество в социальных сетях будет отличаться от традиционной и реальной деревни.

В социальных сетях отсутствуют люди старшего поколения. По крайней мере, они отсутствуют там «реально». По моим наблюдениям, люди старше 40 лет не пользуются Интернетом. При этом их аккаунты в социальных сетях существуют. В большинстве случаев эти профили родителям заводят их дети, для того чтобы иметь возможность поздравить их в виртуальной среде с днем рождения. Можно говорить о том, что виртуальное пространство деревни охватывает вторичная виртуализированность: там присутствуют люди, которые виртуальны даже в виртуальном пространстве. Интересно отметить, что виртуальные люди — это не выдуманные персонажи, а реальные люди, вместо которых аккаунты заводят их родственники.

В виртуальном пространстве наблюдается тенденция, которая существует и в реальном: на смену деревенскому сообществу приходят более высокоуровневые социумы. Например, сообщество «Подслушано Вожгора» объединяет людей из Лебского, Пустыни, Вожгоры, Зубова и частично из Шегмаса и Ларькина.

Вверх и вниз по реке времени. Н. П. Колпакова, участница комплексной этнографическо-искусствоведческой экспедиции по Мезени 1928 года, писала: «Мы плывем вверх по реке Мезени, как будто плывем вспять по реке времени. Те песни, которые на Пинеге знали отдельные, самые старые и памятливые женщины, здесь поют молодки. Домотканые сарафаны, которых на Пинеге почти не встретишь, здесь носит половина женщин…» Вы думаете, такое путешествие во времени — это исключительно этнографическая фантастика? Вовсе нет, вожгорцы путешествуют во времени регулярно.

Вожгора расположена недалеко от впадения в Мезень реки Пижма. Пижма — основная промысловая река для местных жителей. Здесь добывают и наваристую щуку, и неприедающегося окуня, и деликатесного хариуса, и жирного налима, и, конечно же, запрещенную к отлову, но от этого не менее вкусную семгу. Пижма берет свое начало в одном из отрогов Заполярного Урала — Тиманском кряже. В 60 километрах вверх по реке находится последний форпост цивилизации — деревня Шегмас. А уже в 80 километрах от устья пологие лесистые берега сменяются горными стенами, иногда под углом

в 45 градусов, а иногда почти отвесно уходящими вверх и в стороны. Вот эта самая Пижма связывает времена года и эпохи…

Времена года Пижма связывает только весной. Если в низовьях реки распускаются листья, а наиболее ретивые хозяева подумывают о благоустройстве огорода, то в верховьях еще лежит снег. Когда в Вожгоре отнерестились хариусы, то в среднем течении они еще ходят с икрой, а в самых верховьях еще нерестится щука. Разница в температуре может достигать 10-15 градусов. Если в Вожгоре цветет сирень, в Шегмасе еще цветет черемуха, а в верховьях Четласа и Пижмы можно найти подснежники. Поэтому если у вашей любимой день рождения в июне, но она любит апрельские цветы, то шансы у вас есть в двух случаях: если вы вышли к костру двенадцати месяцев или… в Вожгоре.

Все оставшееся время Пижма связывает эпохи. Причем это не только мнение этнографа, но и местная народность мудрость. Однажды я слышал такой разговор двух достаточно молодых людей. Первый: «Да… Теперь редко пекут настоящие шаньги на соснях [тонкие лепешечки, похожие по типу на основу для пиццы, но сделанные из ржаной муки], а молодые девки вообще не знают, как пекчи». Второй: «А шегмасянки — те умеют. Ты женись на шегмасянке. Она тебе и шаньги на соснях пекчи будет, и корову обрядить сможет». То есть для вожгорцев шегмасяне — это люди прошлого десятилетия, а то и двадцатилетия… Так что если бы вам в 1980-е годы захотелось потанцевать с девушкой 1960-х годов? в Европе пришлось бы идти на тематическую вечеринку, а в Вожгоре можно было просто завести мотор и через пижемские пороги отправиться в «старинный сказочный город Шегмас», где был клуб и устраивались танцы…

Глава 3. Необыкновенное рядом с нами

Смёнки — островок деревенского модерна

Подмосковье обделено вниманием ученых. Этнографы, которые ищут «живую старину», стремятся отдалиться от центров цивилизации. Их манят озера Карелии, острова Белого моря, леса Вологодчины. Архитекторы и искусствоведы, напротив, редко выбираются за пределы городов. Причем чаще всего эти вылазки устраиваются на островки «города за городом»: дачные поселки Клязьмы и Малаховки или дворянские усадьбы. Немудрено, что деревенская — не дачная — жизнь Подмосковья мало кому знакома.

Дорога и деревня. Дорога — основа любого населенного пункта, если, конечно, он не лежит на море или реке. Продукты, товары, новости — все это приносится путниками, привозится с подводами, оставляется пролетающими вестовыми. Стоит селению остаться в стороне от дороги, и оно замирает в том времени, в котором находилось. Такое случилось

с Боровском, Вереей, Суздалем и многими другими богатыми купеческими городами России.

Деревни обыкновенно не так остро реагируют на отсутствие хороших путей сообщения. Крестьянин летом довольствуется проселочной дорогой, а зимой не променяет санный путь даже на шоссе с лучшим покрытием. Однако есть исключения — ямские деревни. Для них тракт еще важнее, чем для города: это жизнь и основное занятие всех жителей.

Слово «ям» китайское и обозначает двор на тракте, где можно поменять лошадей. Его принесли в Россию татары вместе с другими элементами китайской государственной культуры. Уже позже, в XVIII — XIX веках, когда в Российской империи появились дороги, оно использовалось в русском языке для обозначения станции. Название Смёнки (именно через «ё») говорящее: здесь меняли лошадей по дороге из Талдома в Кимры.

Ямские деревни принадлежали царской семье, крестьяне в них назывались государственными и отрабатывали подати тем, что предоставляли подводы и лошадей проезжающим. До сих пор жители, которых и словом «местные» назвать трудно (многие из них успели поездить по стране, поработать на всесоюзных стройках и вернуться обратно), помнят, что они «не барские», и гордятся этим.

Следы прошлого. Смёнки застыли в начале 30-х годов прошлого столетия. Конечно, сказать, что деревня по-прежнему живет во времена нэпа, трудно: слишком близко Москва. Повсюду автомобили со столичными номерами, в некоторых домах появились евроокна, то тут, то там над крышей виднеется спутниковая тарелка. Тем не менее следов старинной повседневности множество, стоит только приглядеться.

Тракт, он же главная улица, не заасфальтирован. Проехать по нему до сих пор можно только на лошадях. По обеим сторонам растут высокие липы, которыми в начале XX века обсаживались дороги.

Дворы очень обширны: они продолжаются метров на пятнадцать в обе стороны от дома. Ямскую деревню не затронуло малоземелье и «аграрное перенаселение» послереформенного Подмосковья. После освобождения крестьян в 1861 году наделы выкупались, а когда подрастали дети — разделялись поровну. Вот почему в большинстве поселков Центральной России одна стена дома одновременно служит границей усадьбы, а перед второй есть небольшой двор, метров десять по фасаду. А здесь справа и слева — своя земля.

На многих домах висят жестяные восьмиугольники — знак того, что дом застрахован. Страховать жилье, в основном от пожара, было принято уже тогда. Страхование земское: значит, постройка застрахована в конце XIX — начале XX века. Многие дома застрахованы в Московском обществе, хотя в начале века деревня относилась к Кимрскому уезду Тверской губернии. Дело в том, что местные купцы торговали, держали лавки в основном в Москве и там же страховали свои хоромы.

Деревянный модерн. Мы въезжаем в деревню, и уже первый, немного обветшалый синий дом удивляет нас сразу тремя причудливыми, похожими на кокошники надстройками на переднем скате крыши. Это «князьки». «Князек» — название местное, в науке эти сооружения именуют «ложным мезонином», а в селах и весях России чаще всего «слуховыми окошками».

Слуховое окошко — древняя часть крестьянской избы. По старинным народным традициям полагалось класть на него блин на Рождество и на Пасху — для предков. Слуховые окошки постепенно украшались и увеличивались. В Нижегородской губернии слуховое окошко, украшенное колоннами, называлось «выходцем». В Подмосковье и Владимирщине окошко и комната под крышей известны как «светелки». А в московско-тверском пограничье это «князьки».

Если сам князек родом из древности, то его форма — порождение рубежа XIX — XX веков. В это время в столицах распространяются дома в новом стиле — модерн. Городские архитекторы стилизуют свои творения под древнеегипетские, готические, классические, а также древнерусские постройки. Новые модные веяния с небольшим запозданием проникают в провинциальные городки, а потом и в деревню: со второго десятилетия прошлого века в домах, как деревянных, так и каменных, появляются элементы в стиле модерн.

Однако деревенские мастера не целиком копируют постройки: они выбирают то, что нравится им самим, и то, что можно использовать при украшении деревянной избы. Главный объект украшения — мезонин-князек. Они чаще всего уподоблялись щипцовым закомарам псевдорусских церквей, которые можно видеть всюду: от храма Христа Спасителя Константина Тона до многочисленных церквей фабрично-торговой Гжели.

Иногда окошечко-кокошник переходит в коническое навершие, в котором можно узнать видоизмененные шпили Ярославского вокзала Федора Шехтеля или «предполагаемого дома Маргариты» Льва Кекушева, зданий, которые, в свою очередь, копировали шатровые колокольни XVII века.

Другая яркая отличительная черта модерна — природные, перетекающие формы. Наиболее известные яркие примеры — лестница-волна в доме купца Степана Рябушинского и дверь-паук в псевдоготическом доме фабриканта Саввы Морозова. Растительный орнамент, которым славится модерн, попал на пропильную резьбу наличников, которые напоминают то вьющиеся побеги растений, то дракончиков. Однако предок смёнковских дракончиков не древнеславянский «пращур-ящур» и не змееподобный скотий бог Велес. Он намного моложе: это дракон, поддерживающий балкон, на доме коллекционера Ивана Цветкова. Растительно-драконьи мотивы

потеснили на наличниках старинные солнечные узоры, а местами и полностью заменили их.

Парадоксы каменного строительства. Есть в деревне три каменные постройки — дома братьев Парфеновых. Старший построился ближе всего к Москве, средний — в центре деревни, младший — по дороге на Кимры. Самый заметный дом, дом старшего, построен под влиянием стиля городских построек начала прошлого столетия, то есть снова модерна. Однако это здание каменное, и подражал его создатель уже не псевдорусскому направлению, а классицизму. Три полуциркульных окна выделяются белокаменным узорочьем на краснокирпичном фоне. Колонны с витым узором, однако же, снова уводят нас к кремлевским соборам. И здесь чутье увлекло неизвестного архитектора в псевдорусский стиль.

Традицию не победить: жилые постройки деревни упорно противостоят стилизации. Только свое же, древнее, но уже забытое, приживается в них. Однако городская мода не менее жестко диктует свои новые законы; модерн — это разные стили, не только псевдорусский. Итогом борьбы стал псевдоготический амбар. Он воплотил в себе инонациональные, европейские мотивы *Art nouveau*. Его силуэт напоминает готическую базилику с треугольным фронтоном и башенками по краям. В центральной части фронтона есть даже небольшое круглое окошечко, почти окно-роза.

Этнографы в поле. Память жителей деревни не менее интересна, чем ее постройки. Больше половины населения — москвичи-дачники, предки которых когда-то жили в Смёнках. Деревня была богатой, многих жителей раскулачили, другие уехали сами. В их воспоминаниях живут рассказы родителей: еще помнят имена братьев Парфеновых, знают, кто из них чем торговал, расскажут, где находилась земская школа, когда построили тот или иной дом. При этом многие не знают, что за учреждения находились в их домах после раскулачивания.

Возвращались мы с запасом интересных воспоминаний, несколькими интервью и парой килограммов огурцов. Гостеприимство здесь также осталось старорусским. Да и настоящий этнограф должен возвратиться с опроса с запасом провизии.

Деревенский модерн — материя очень непрочная. Дом в деревне постоянно меняется, хотя и кажется чем-то основательным. Раз в 20-30 лет надо поменять подгнившие бревна, примерно через такой же промежуток времени перекрывается крыша. Каждый раз облик дома меняется. Новые материалы вносят исправления в его архитектуру. Как рассказал нам местный столяр Николай Травкин, князьки очень сложно крыть шифером: «Мы эти штуки шалашами называем и очень не любим. Пока их перекроешь — весь измучишься. Мы стараемся их разобрать и прямую крышу сделать».

Не успел модерн проникнуть в деревню в начале века, как уже через полстолетия постепенно оттуда уходит. И если каменные постройки Москвы навсегда сохранят этот стиль для потомков, то в сельской России он может и исчезнуть навсегда… Один только псевдоготический амбарчик будет ярко выделяться на фоне построек с прямыми крышами.

Афины русских крестьян. Имение Талашкино

В конце XIX века лучшая часть российского общества была одержима мыслью помогать народу. Мысль эта была, конечно, не нова. Декабристы, вышедшие в 1825 году на Сенатскую площадь и требовавшие принятия конституции, в конечном счете тоже хотели сделать доброе дело народу. Народ в лице солдат не понимал, правда, зачем они вышли на площадь. А возглас «За Константина и конституцию!» воспринимал как имена будущей императорской четы.

Благо народа было основной целью, с которой собирались на ежевечерние дискуссии западники и славянофилы в богатых дворянских домах Москвы. Ради блага народа развязали террор против властей землевольцы. В 1874 году революционная интеллигенция совершила хождение в народ. А крестьяне «дворян-смутьянов» стали сдавать полицейским приставам. И только тогда образованные люди задумались о том, насколько народ надо осчастливливать и нужно ли ему их «интеллигентское» счастье.

Стратегия действий поменялась. Как уже было сказано, идея помогать осталась, но приобрела другие формы. Во-первых, счастье перестали навязывать, а во-вторых, интеллигенция захотела узнать, чего же хочет сам народ. Так появились воскресные школы, где любой желающий в выходной день мог бесплатно позаниматься арифметикой, чтением, историей и литературой со студентами университетов. Последние шли преподавать в такие школы добровольно. Многие из таких студентов после окончания университетских штудий шли работать в земские школы. Зарплата земского учителя была 150 рублей в год. Для сравнения: учитель гимназии получал 1200 рублей в год, а преподаватель университета — 3500 рублей. Но желающих стать земским учителем было множество, ведь так интеллигенция отдавала народу «долг».

Другие молодые люди, под влиянием идей Л. Н. Толстого, селились в деревне и становились ремесленниками. Они носили простое платье и зарабатывали на жизнь своими руками. Они хотели опроститься, чтобы стать ближе к крестьянам, а одновременно ближе к Богу. Но совсем слиться с селянами им не удавалось. По вечерам они бегали в ближайшие дворянские усадьбы, где вели нескончаемые споры о судьбах России. Надо отдать им должное: «толстовцев» уважали намного больше, чем пропагандистов образца 1870-х годов.

Народность проникала и в искусство. В архитектуре появляется неорусский, или псевдорусский, стиль. Живописец В. М. Васнецов пишет серию картин по сюжетам русских былин и сказок. Савва

Мамонтов в своем имении Абрамцево собирает образцы народного искусства, чтобы художники могли сделать предметы, подобные лучшим из этих образцов, а работы художников, в свою очередь, повторяли мастера-крестьяне в здесь же организованных мастерских. Не менее известным популяризатором крестьянского искусства была княгиня Мария Клавдиевна Тенишева. А ее имение Талашкино под Смоленском можно назвать вторым Абрамцевым. А может быть, даже и первым.

История супругов Тенишевых. Талашкино расположено в 18 километрах к югу от Смоленска, где меж древних курганов струится река Сож. Это дорога на старинный город Рославль. Но почему не Москва и не Санкт-Петербург?

Мария Морицовна фон Дезен родилась в Санкт-Петербурге в 1867 году. По некоторым слухам, она была внебрачной дочерью Александра II. О своем настоящем девическом имени она узнала только в день своего бракосочетания с правоведом Рафилом Николаевым. По легенде, в тот момент, когда она уже начала писать свое имя в церковной книге, к ней быстро подошла ее мать и продиктовала ее настоящее имя — Мария Клавдиевна Пятковская. На следующий день ее фамилия была Николаева.

В семейной жизни Мария Клавдиевна быстро разочаровалась и, взяв с собой маленькую дочь, уехала в Париж. В 1884 году она вернулась и поселилась в родовом имении своей подруги детства Екатерины Константиновны Святополк-Четвертинской — Талашкино. Так семейные невзгоды и дружба породили ее привязанность к этому небольшому тихому местечку смоленской окраины России.

В 1892 году Мария Клавдиевна повторно выходит замуж — за известного заводовладельца, князя Вячеслава Николаевича Тенишева. Вячеслав Николаевич был крупным собственником, в его ведении находились многочисленные заводы в разных городах России. Свое состояние князь нажил сам. Начал он свою карьеру техником на железной дороге с содержанием 50 рублей в месяц. За деловые навыки его прозвали «русский американец». Тенишев был чужд любой абстрактной идее. Все, что не поддавалось научному, логическому объяснению, отбрасывалось им как неважное и ненужное.

Для того чтобы понять крестьян, которые работали на его предприятиях, Тенишев задумывает грандиозное этнографическое исследование. Он открывает этнографическое бюро, для работы в котором привлекает многих виднейших этнографов. Бюро рассылает анкеты, которые заполняются местной интеллигенцией: приходскими священниками, агрономами, земскими учителями, дворянами-землевладельцами. Каждая присланная анкета оплачивается.

Некоторые корреспонденты бюро пользовались этим. Некий Балов из Вологодской губернии переписывал публикации «Вологодских губернских ведомостей» и высылал в бюро. Через некоторое время это

было раскрыто, и в бюро стали проверять каждую доставленную рукопись. Материалы этнографического бюро князя Тенишева до сих пор остаются ценнейшим материалом для исследователей.

Расцвет Талашкина. Итак, в 1893 году князь приобретает любимое его женой имение у княгини Святополк-Четвертинской. Мария Николаевна сразу начинает энергичную деятельность в своем новом, но давно любимом имении.

Началось все с создания на хуторе Флёново сельскохозяйственной школы. В нее принимали детей старше девяти лет из соседних деревень. Основной курс включал общие предметы: арифметику, чтение, литературу и историю. Кроме них, в школе преподавались такие дисциплины, как земледелие, огородничество, садоводство и пчеловодство. Для девочек преподавалось домашнее хозяйство. Позже в программе появились предметы эстетического воспитания. При сельскохозяйственном училище были открыты художественные мастерские, где детей учили резьбе по дереву, изготовлению полихромных эмалей, гончарному и керамическому искусству, росписи по дереву, вышивке.

Постепенно обыкновенные учебные заведения стали истинно художественными мастерскими, в которых создавались новые вещи. Такое превращение связано с именам великих русских художников и архитекторов, подолгу живших в Талашкине.

Первым из именитых художников в Талашкине побывал Илья Репин, в 1896 и 1897 годах. Здесь он рисовал смоленские пейзажи, портреты крестьян. Тут же им был создан хранящийся в Русском музее Санкт-Петербурга портрет Княгини Тенишевой. В 1899 году в имении работал Михаил Врубель. Смоленская природа воплотилась в эскизах к картинам «Царевна-Лебедь», «Сирень», «К ночи».

В 1900 году по рекомендации Врубеля, мнением которого княгиня весьма дорожила, в имение был приглашен Сергей Васильевич Малютин, отец четверых детей, в то время просто бедствовавший. С его именем связано появление мирового символа России — матрешки. Однажды он увидел японскую игрушку «с секретом», состоящую из вложенных друг в друга частей. Малютин создал эскиз аналогичной игрушки в русском стиле, а токарь Звездочкин выточил ее. В 1900 году на выставке в Париже она получила бронзовый приз и навсегда стала самой русской из всех игрушек. Но вернемся в Талашкино.

Там Малютин раскрыл все грани своего таланта. В музее имеются его работы как скульптора, художника, архитектора, сценографа. Архитектурным наследием его таланта остаются «Теремок» и здание театра. В живописи — многочисленные росписи балалаек, мозаичное панно «Садко — богатый гость». Одним из самых запоминающихся экспонатов музея является стол, изготовленный художником. Столешница сделана из огромного распиленного пополам агата,

обрамленного деревом, а толстая ножка представляет собой перевернутую ступу бабы-яги.

В 1901 году для продажи вещей, созданных в мастерской, княгиня открывает в Москве магазин «Родник». На прилавках этого магазина можно было найти все разнообразие предметов талашкинских мастерских: от расписных балалаек до керамики, от мозаичных панно до деревянной мебели. Мастерские работали не только на внутренний рынок. Благодаря русским выставкам в Париже о них знали по всему миру. Заказы поступали со всей Европы. Англичане, например, очень интересовались набойкой и деревянными резными предметами, а также шторами и вышитыми скатертями.

В 1903 году Малютин уезжает в Москву уже известным человеком. Там он совместно с архитектором Николаем Жуковым строит доходный дом по заказу Перцовой. В Талашкино приезжают его ученики Самусев и Мишонов.

Начиная с 1903 года в Талашкине регулярно бывал Николай Рерих. Еще в 1902 году по просьбе княгини на холме близ сельскохозяйственной школы была заложена церковь Святого Духа, задуманная как усыпальница князей Тенишевых. В создании проекта участвовали Сергей Малютин и сама княгиня. Небольшое здание, по размерам и формам напоминающее северные церкви и церковь в Абрамцеве, покоится на массивном рустованном фундаменте. Переход от основного объема к главке выполнен в виде трех рядов уменьшающихся кокошников. Маленькая темная луковка венчает постройку, как бы воспарив над ней.

С 1908 года начинается отделка церкви. Рерих работает над внутренними росписями и огромным мозаичным панно «Спас Нерукотворный» над входом в церковь. Работа была закончена только к 1914 году. Храм, подобно церкви в поселке Клязьма, никогда не был освящен, но причина здесь не в революции и войне. Дело в том, что Рерих, сторонник единства всех религий, допустил в оформлении множество отступлений от православного канона. Приехавшие священники отказались освятить храм. Так до настоящего времени он не стал местом молитв. Внутренние росписи не уцелели, но мозаичное панно над входом прошло и через годы войны, и через послевоенные годы, когда в церкви располагалось зернохранилище.

Одним из выдающихся художников талашкинских мастерских была сама княгиня Тенишева. Она расписывала ларцы и шкафчики, создавала рисунки для крестьянского платья и вышивок по холсту. Мария Клавдиевна самостоятельно освоила эмалевое дело. В «Теремке» и сейчас можно видеть портал с композицией «Святой Георгий, поражающий дракона». В 1916 году она защитила диссертацию на тему «Эмаль и инкрустация» в Московском археологическом институте.

Талашкинская повседневность. Талашкино было именно дачным имением. Тенишевы регулярно уезжали отсюда в Петербург, в Москву, за границу и во многочисленные города России, где у князя были дела.

Каждый свой приезд Тенишева старалась обратить в праздник для местного населения. Подъезжая к селу, княгиня готовила лукошко с конфетами, среди которых попадались и золотые монеты, и разбрасывала их встречающим ее крестьянам и их детям.

Если княгиня была в имении зимой, то она устраивала крестьянским детям настоящий игровой городок. Заливались ледяные горки, строились крепости. Больше всего княгиня любила рождественскую елку. На ней развешивались мешочки с орехами, пряниками, конфетами, карандашами, тетрадями. Бедным детям дарили рубахи и картузы.

Часто в имении бывали гости, такие как певец Федор Шаляпин, антрепренер Сергей Дягилев, композитор Антоний Аренский. Хозяева совершали с ними длительные прогулки вдоль реки Сож, вели нескончаемые беседы о судьбах русской культуры.

Автостопом по Европе

Первый вопрос, которым может задаться только этнолог: «Где начинается Европа?» По дороге мы пересекли несколько границ. Граница России и Белоруссии скорее виртуальна, чем реальна; границей Европы ее никак не назовешь. Граница Белоруссии и Польши по характеру постовых, будь то пограничники или таможенники, больше напоминает какой-нибудь пункт ДПС где-нибудь в Саратовской области возле моста через Волгу. Вопросы, которые задаются («Почему вы на фотографии в черной кофте?» или «Почему у вас после первого инициала стоит запятая, а не точка?»), свидетельствуют скорее о неудовлетворенной жажде общения и не нашедшем достойного применения таланте предпринимателя, чем о чувстве долга — долга охранять границу.

Когда пограничники увидели, что в заграничном паспорте стоит одна дата выдачи, а в обыкновенном российском — другая, причем той же самой выдачи заграничного паспорта, то они почувствовали себя на высоте. Попытки обратить их внимание на то, что и та и другая дата поставлена в ОВИРе и заверена печатью этого же самого ОВИРа и что мы, при всем желании им помочь и утолить их жажду общения, не имеем никакого отношения к этим двум датам, эффекта взаимопонимания не принесли. Впрочем, после длительной беседы и демонстративной задержки машины нам возвращают документы и даже как ни в чем не бывало желают приятного пути. Время города берет, не то что пограничников.

А вот граница, которая действительно изменила и пейзаж за окном, и людей вокруг, осталась нами совершенно незамеченной. Еще под Смоленском, в той самой мертвой зоне автостопа, которой нас долго пугали перед отъездом, мы поймали Ричарда-Ришара — татарина из Башкирии с французским именем. На польско-немецкой границе нас ни

о чем даже не спросили, так мы и въехали в Германию под слова песни группы «Любэ» «А ты там, там, там, где смородина растет и береза тонким прутиком песок метет», которую очень любил водитель. Ришар поехал дальше, а мы искупались в Эльбе и тут только поняли — мы в Европе.

Первое этнологическое наблюдение. В Европе совершенно другое представление о времени. Когда в шесть вечера мы искупались в Эльбе, для нас день только что перевалил за середину, а для жителей города Дессау это была уже ранняя ночь. Мы не нашли ни одного гуляющего по улицам человека: город строителей вагонов-холодильников спал как убитый. Только несколько совсем, видимо, отчаянных смельчаков сидели за столиками в чем-то наподобие летнего кафе. И лишь иногда из самых темных мест парков были слышны негромкие разговоры и приглушенный смех. Один раз мы услышали даже громкий смех. На освещенной бензозаправке стояли несколько человек и громко что-то обсуждали. Когда мы подошли ближе, оказалось, что люди эти говорят по-русски. Русское время — и в Германии русское время: в десять вечера жизнь только начинается…

Через неделю Франция порадовала бульварами, оживленными и освещенными после десяти часов вечера, однако и французское время оказалось более «жавороночным», чем русское: после десяти в кафе подают только напитки, а магазины закрываются и вовсе в семь-восемь. Кроме того, «нетуристические» улицы со всей определенностью напоминают о прилежном восточном соседе этой страны туризма.

Второе этнологическое наблюдение: портрет немецкого водителя. Первое: каждый немецкий водитель должен знать, куда вы едете, поэтому если голосовать без таблички с надписью, то останавливается меньше машин. Второе: когда вы подходите и на ломаном языке начинаете объяснять, чего вы хотите, немецкий водитель уже открывает карту автодорог и планирует, на каком *Parkplatz* или *Autohof* он вас высадит. Он не только скажет вам название этой стоянки, но также уточнит, сколько до нее осталось километров и через какое время вы там будете. После этого немец обыкновенно целиком погружается в вождение.

Важная ремарка: у немцев в машинах можно курить. Стоит проветрить никотином легкие перед въездом в оплот европейского здоровья — страну сыров и красных вин.

Третье этнологическое наблюдение: портрет французского водителя. Когда перед нами первый раз, еще в Германии, остановилась машина с буквой *F* на номере, мы были просто счастливы. Водитель сказал, что он сворачивает незадолго до французской границы, но где-нибудь высадит нас. Уже то было радостно, что не надо выслушивать

вереницу различных чисел, уточняющих дату, время и точные географические координаты места, где мы через несколько часов окажемся. Через некоторое время водитель произнес фразу *Ah, voilà*, которую мы тогда еще воспринимали в ее непосредственном значении, сказал, что сворачивает здесь, и высадил нас прямо у отбойника на «аутобане».

Мы были довольны: наконец-то кто-то не так фанатично предан всевозможным правилам. На нашу удачу, мы смогли дойти по обочине до заправки, которая находилась в 300 метрах от поворота. Позже мы узнали, что средняя продолжительность жизни человека, стоящего на «оторуте», — семь минут. И только позже мы узнали, что слова *Ah, voilà* с точки зрения семантики более верно переводить как «Ой, не получилось».

Следующий «кри-кри» попросил нас не курить, а очередной Жан-Поль-Батист, который как раз только что рассказывал, что средняя продолжительность жизни пешехода на «оторуте» равняется одиннадцати секундам, с теми же словами *Ah, voilà* высадил прямо у отбойника, как только увидел указатель на нужный ему город. Но высадил он нас уже так, что до заправки дойти было нельзя. Неорганизованность в таких ударных дозах начала действовать даже на нас. Однако наибольший вред нам нанес благонравный студент Жан-Жак из Авиньона, который ехал в Жирону и, естественно, высадил нас на пункте оплаты, когда уже съехал с трассы с испанской стороны границы. В качестве напутствия мы услышали ту самую *Ah, voilà*. Однако этот месье не предупредил нас, что в этом месте въехать обратно на «аутописту» никак нельзя, а ближайший въезд находится в пятнадцати километрах. Пришлось поневоле вспоминать с благодарностью пунктуальных немцев и в дальнейшем внимательно следить за действиями водителей «неарийского» происхождения.

Четвертое этнологическое наблюдение: русский человек за границей. Поистине русская душа не знает никаких границ: в числе прочих ей неведомы языковые барьеры и государственные границы. России как некоего территориального целого не существует. Есть места, где совсем все по-русски сделано, и места, где все не очень по-русски сделано. Переезжая границу своего государства, француз, немец или англичанин всегда рад увидеть соплеменника, поговорить на своем языке и помочь чем может. С русским такого не происходит, потому что Россия безгранична. Это не определенная территория, а некое трансцендентальное понятие, которое, кстати, умом охватить нельзя, но зато можно увезти с собой в душе.

В тихом городке Дессау, где все добропорядочные бюргеры попрятались по домам еще часов в шесть, в одиннадцать вечера слышим громкий диалог. Подходим к бензозаправке, видим: наши. Стоят. Балагурят. Спрашиваем у них, как выйти на аутобан. На их лицах

встречаем то же выражение, которое мы бы увидели в Москве или Твери, если бы попросили подвезти. «Что вам от нас надо?» — говорили их лица, глаза и даже позы. Никакого удивления от того, что мы, люди, вышедшие из темноты, говорим по-русски, нет. Факт, что весь остальной немецкий мир уже пять часов как заперся по домам и три часа как спит, а эти еще бодрствуют, — тоже их не поражает. С большой неохотой показывают все-таки направление на аутобан. После этого замолкают, хотя до этого галдели, как приличный птичий базар на Чукотке. Мы отходим, правда, тоже не особенно удивляясь тому, что увидели здесь сограждан. Ничего не меняется. Как сказал толстый полковник из романа «Анна Каренина», «одного боишься — это встречаться с русскими за границей».

В другой раз мы пытались общаться с шофером-дальнобойщиком. На стоянке один грузовик «Мерседес» отличался от остальных тем, что у него у единственного была открыта дверь. Жара 35 градусов, дышать трудно. Все иностранцы плотно закрывают кабины и включают кондиционер. Но в этом грузовике, видимо, кондиционер был в опале и его решили проучить, чтобы не расслаблялся. Подходим — видим на номере родной триколор и 67 регион. Смоляне! Расслабляя язык, тщетно пытавшийся организовать во рту *Vormundhof* для общения с немцами, спрашиваем у шофера по-русски: «Здравствуйте, куда едете?» «Шляфэн!» — сказал водитель и повернулся спиной к открытой двери и нам. В этот момент сцена разговора егеря Кузьмича и не знающего русский язык финна из «Особенностей национальной охоты» показалась мне не такой уж невозможной и далекой от реальности. Русские понимают все и говорят на любом языке — на том, на котором надо.

Пятое этнологическое наблюдение: автостопщики из Польши. По дороге мы встречали множество соратников по делу автостопа. Большинство из них, примерно девять из десяти, были поляками. На обратной стороне практически любого дорожного знака при выезде с *Aire* или *Parkplatz* можно прочитать *Bilostok — Lisboa*, *Gdansk — Barcelona* или *Krakow — Brest* (и это Брест не белорусский).

Для поляков существует два языка: свой и международный. Причем международный — английский — нужен им на всякий случай. Чаще всего они договариваются с дальнобойщиками-поляками на своем же языке. Мы, по традиции «русской школы автостопа», стояли у выезда на скоростную и голосовали. Поляки же не голосовали, а ходили вдоль рядов машин и спрашивали, кто куда едет и может ли их взять с собой. Эффективность обоих методов примерно одинакова, однако польский стиль стопа намного активнее. Не надо стоять и ждать, а надо постоянно двигать — ногами и языком. Дружелюбные западные славяне много раз пытались рассказать и нам, что этот способ лучше. Для демонстрации успешности своего подхода один стопщик пошел и за пять минут на своем польском договорился с каким-то водителем, после чего гордо

вернулся к нам и предложил попробовать тоже. Как же было ему объяснить, что по-польски мы не ведаем, а на русских за границей разговор на родном языке не производит абсолютно никакого впечатления?

Шестое этнологическое наблюдение: шоферы из стран Азии. Европа — страна бывших метрополий, поэтому там много гостей из бывших колоний. Германия — это европейская Турция, Франция — европейский Алжир, а Испания — европейское Марокко. Многие из арабов и турок, которые уже родились в Европе и считают своим родным языком местный, все равно сохраняют свой (используем это модное слово) «восточный менталитет». Одной из его особенностей является обыкновение помогать всем, до кого можешь дотянуться. Поэтому, несмотря на то что водителей-арабов и турок не очень много, останавливают они в несколько раз чаще.

Таким водителем руководит искреннее желание помочь. В ответ он, соответственно, ожидает не менее искренних, открытых и бурных чувств. Поэтому сдержанность ответов на «особенно искренние» вопросы часто приводит к не менее искренней обиде водителя. Конечно, вас не высадят посреди дороги, но надутые губы и демонстративное молчание обеспечены.

Другая особенность таких водителей, которая также происходит из их неуемного желания осчастливить вас всеми возможными способами, состоит в том, что они предлагают вам изменить свой маршрут и ехать с ними. Например, в Германии мы во всех деталях изучили город Халле, в котором очередной пойманный нами водитель должен был загружаться. В другой раз, примерно часа в три ночи, мы заезжали в гости к водителю, где он пытался угостить нас чаем и показать свой любимый фильм. В общем, надо внимательно следить за разговором и пресекать попытки особенно рьяного самопожертвования.

Седьмое этнологическое наблюдение: шоферы из небольших европейских стран. По дороге из Барселоны нам посчастливилось поймать водителя из Люксембурга, который захватил нас у Жироны, провез через всю Францию и высадил в Германии. Его звали Тибо. Он вывозил на эвакуаторе автомобили, которые отдыхающие арендовали в Бенилюксе: машины ломались где-то на курортах Испании, а он приезжал, загружал их на небольшой грузовичок-эвакуатор и вез обратно. На самом грузовичке помещались две машины, еще одна была поставлена на небольшой прицеп. Он должен был ехать через Страсбург, но решил проехать через Мюлуз и рейнские земли, чтобы нам было удобнее ловить машину на Берлин.

Тибо охотно общался с нами на английском, в кафе свободно разговаривал на французском, а позже и на немецком. Я гадал, какой же из этих языков его родной, потому что на всех он говорил очень неплохо.

Проблема решилась внезапно, когда у Тибо зазвонил телефон и он заговорил по-люксембургски. Такой скорости разговора я давно не слышал. В Люксембурге три государственных языка: немецкий, французский и люксембургский. Последний является вариантом средненемецких диалектов с большим количеством французских заимствований. Впрочем, понять то, что говорил Тибо, было абсолютно невозможно в силу гипервысокой скорости речи.

Тибо активно общался, и мы несколько раз заезжали в различные кафе; однажды он даже заплатил за нас. На мое удивление от его неожиданной щедрости он ответил фразой: «Я плачу за хорошую компанию». Тибо подобрал нас около шести утра, а высадил после Франции, где-то под Карлсруэ, уже около двух часов ночи следующего дня. При этом он не пил кофе каждые два-три часа, ели мы с ним всего пару раз. Всю дорогу он был абсолютно спокоен и именно участвовал в разговорах, а не рассказывал сам о своем наболевшем.

Окончание. На этом, собственно, закончилась наша эпопея автостопа. Под Карлсруэ мы впервые за весь путь от Москвы до Барселоны и обратно до Берлина поймали двух австрийских дальнобоев, которые довезли нас до Эрфурта. А там мы поймали путешествовавшую на автомобиле удивительную пару: муж был германо-швейцарец, а его жена была темнокожая боливийка. С ними мы доехали до Берлина, а потом даже вместе посмотрели памятник советскому солдату-освободителю. Дальше они намеревались ехать в Польшу и расспрашивали нас, как далеко на восток можно уехать жителям Европы.

Культура поведения на дорогах в Европе, разница в стилях вождения и способах взаимодействия с автостопщиками очень интересна и позволяет взглянуть на традиционные представления о немцах, французах, испанцах и люксембуржцах другими глазами.

Заключение

Наши путешествия по островам южных морей и по не менее островным деревням таежного моря закончились. Надеюсь, что смог показать хотя бы небольшую часть интересных ситуаций и людей, которых я встретил во время своего путешествия.

С одной стороны, эти люди очень похожи на нас: они пользуются мобильными телефонами, ездят в отпуск на море, смотрят телевизор и читают книги. С другой стороны, в них сильна традиция. Это и предания о Маклае, и карго-беседы о Джоне Бруме, и разговоры о старинным быте на Русском Севере. Все это — уникальный багаж, который нужно сохранить и им, и нам. Нам — чтобы узнать новые интересные страницы нашей истории и истории нашей планеты. Им, жителям «медленных» миров, — потому что именно эта традиция делает их ими. Если каждый человек будет располагать одним и тем же набором сведений из учебников и «Википедии», будем ли мы интересны друг другу? Если каждый будет считать, что правильно только то, что знает

он, сможем ли мы о чем-то разговаривать и договариваться? Чем больше мы знаем, тем больше хотим знать нового. И очень много нового таится под пологом ветвей таежных елей и широкими листьями тропических пальм.

Однако мое и ваше путешествие по островам и деревням продолжается. Нельзя до конца понять чужую культуру, нельзя достаточно изучить другого человека: всегда что-то остается неясно. Я намерен и дальше, пока позволит здоровье, ездить на Русский Север, по другим деревням и городам России, а также по деревням Африки, кампонгам Индонезии, островным поселениям Океании и круглым шабоно индейцев. Их культура по-прежнему интересна.

Интересна не тем, что она первобытна, а тем, что меняется. И меняется не так, как в других местах. Почти 150 лет назад Маклай подарил жителям Бонгу бычка и искренне думал, что они их станут разводить. Но сейчас, как и во времена Маклая, основными животными папуасов остаются свинья, собака и курица… К 2010 году на многих островах появилась мобильная связь и мобильный Интернет, но люди не перестали верить в Джона Брума, а продолжили ожидать его прихода… С 1920-х годов на Русском Севере работают школы, в которых детей учат говорить на литературном русском, но «северна говоря» по-прежнему живет и радует своей стойкостью многих диалектологов, фольклористов и этнографов.

При этом все эти люди сидят в одной и той же сети «Интернет». Когда я открываю сайты «ВКонтакте» и «Фейсбук», то вижу новости острова Лелепа, Маданга, Пинежского района, Вытегры и, конечно же, Лешуконии. Надеюсь, что и люди там видят мои новости и читают их. Надеюсь, что эта книга очерков путешественника не просто расскажет о людях далеких краев, но и позволит протянуть этим людям руку дружбы и пригласить их в наш мир. Не навсегда, чтобы они стали полностью такими, как мы, а в гости — чтобы мы стали немного такими, как они, они — немного такими, как мы, и потом снова разъехались, сохраняя в себе частичку «другого», и стали бы опять мечтать о новой встрече.

[1] Кондоминиум — совместное управление колонией двумя метрополиями.
[2] См. подробнее об использовании устных источников для реконструкции истории: Щавелев А. С. «Устный нарратив» в первых славянских летописях и хрониках: идентификация и реконструкция // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 2010. Т. 22. С. 283-289; Щавелев А. С. Новое возвращение Маклая // Россия и АТР. 2016. №. 1 (91). С. 279-284.
[3] Каракат — трехколесный мотоцикл на шинах низкого давления, пригодный для передвижения по болотам и буреломам.
[4] Тайбола — дорога, идущая через тайгу.

УДК 39
ББК 63.5
Т 91
При поддержке Альянса независимых издателей и распространителей

На обложке использована иллюстрация художника Матиаса Кауажа (Mathias Kauage).
Туторский, А. В.
/ Андрей Владимирович Туторский. — М.: Независимое издательство «Ноократия», 2019. — 184 с.

Андрей Владимирович Туторский родился в городе Маркс Саратовской области и с детства путешествовал по «волжской сельве», надеясь когда-нибудь побывать в сельве настоящей и поплавать по морям и рекам Южного полушария. С 2001 года работает на кафедре этнологии исторического факультета МГУ. В 2004 году защитил кандидатскую диссертацию, а с 2006-го ежегодно ездит на Русский Север в рамках студенческой этнографической практики.

В 2010 году он совершил поездку на берег Маклая и на Вануату, на следующий год — в парк (резервацию) Шингу к индейцам ваура, затем, в 2012-м, в Танзанию. В 2016 году он прожил восемь месяцев в Лешуконском районе, работая в школе и собирая материалы по истории и культуре. В 2018-м снова побывал на Вануату и встретился с городскими последователями карго-культа Джона Фрума. Летом того же года был в Африке и изучал православные деревни Уганды. Его длинный путь к познанию различных народов и культур продолжается и сейчас.

В основу книги легли интереснейшие и уникальные этнографические наблюдения, сделанные автором в ходе научно-исследовательских экспедиций по «медленным мирам южных океанов и таежных морей».

© Туторский А. В., 2019
© «Ноократия», 2019

Андрей Владимирович Туторский
Медленные миры южных океанов и таежных морей
Научно-популярное издание
Редактор:
Станислав Иванов
Корректор:
Полина Компанейцева

Обложка:
Екатерина Демьянова
Вёрстка:
Анна Стойко
По вопросам распространения
ivanov.stani@yandex.ru

99%